Госуд. Книжный Фонд „Пров 19-66

ОТВѢТЪ

Г. Г. Ф. БОККУ и ШИРРЕНУ

ПО ПОВОДУ

„ОКРАИНЪ РОССІИ.“

Ю. САМАРИНА.

BERLIN.
B. BEHR'S BUCHHANDLUNG
27, UNTER DEN LINDEN.
1870.

2 экз.

„Пров 38“
„Пров 49“
Пров. 1967 г.
2 шк
С
БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
007
31

„Окраинамъ Россіи“ не посчастливилось. Вскорѣ по выходѣ первыхъ двухъ выпусковъ, они подверглись у насъ строгому цензурному запрещенію, недопускавшему никакихъ изъятій; стало быть, изданіемъ моимъ осталось недовольно правительство смотрѣвшее на него конечно съ точки зрѣнія интересовъ Русскихъ — другой точки зрѣнія у него и быть не можетъ. Но одинаково недовольными оказались и Балтійскіе агитаторы, Г. Г. фонъ Боккъ, Ширренъ, Экгардтъ и другіе, которыхъ можно заподозривать въ чемъ угодно, только не въ доброжелательствѣ къ Россіи. Такимъ образомъ, совпали въ осужденіи два воззрѣнія повидимому неимѣвшія между собою ничего общаго и исходившія изъ побужденій совершенно противоположныхъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, послѣ долгихъ увѣщаній со стороны правительственныхъ агентовъ (обнаружившихъ въ этомъ дѣлѣ много усердія и еще болѣе политической безтактности) Лифляндское дворянство, предварительно какъ слѣдуетъ поломавшись и поморщившись, соблаговолило наконецъ упол-

номочить своихъ представителей процѣдить сквозь зубы какое то двусмысленное объясненіе, которому въ Петербургѣ придано было значеніе общественнаго отреченія отъ сепаратистическихъ стремленій Г. ф. Бокка съ компаніею. Намъ, то есть Русской публикѣ, подлиннаго объясненія не показали, но содержаніе его было обнародовано въ оффиціяльномъ органѣ,*) изъ чего можно заключить, что правительство осталось довольно подпесеннымъ ему успокоительнымъ завѣреніемъ, найдя въ немъ именно то чего оно домогалось, всетаки съ точки зрѣнія интересовъ Русскихъ.

Но и Г. Боккъ, какъ кажется не безъ основанія, остался одинаково доволенъ политическимъ исповѣданіемъ своихъ земляковъ и печатно объявилъ, что онъ самъ охотно бы подъ нимъ подписался. Это второе, не менѣе курьезное совпаденіе въ одобреніи. Видно: кому какъ на роду написано; иному ничто не удастся, а другіе умѣютъ угождать всѣмъ.

Причины вызвавшія осужденіе моей книги со стороны правительства, разумѣется, остаются для меня тайною.

---

*) Читатели вѣроятно помнятъ съ какимъ комическимъ негодованіемъ заграничные органы Прибалтійскаго края встрѣтили эту публикацію. Они увидѣли въ ней оскорбительную нескромность и почти предательскій поступокъ со стороны правительства. — „Какъ! мы снисходимъ на Ваши просьбы, которыми Вы намъ такъ долго надоѣдали, мы объявляемъ Вамъ на ухо, по секрету, что мы не желаемъ отторженія отъ Россіи, а Вы трубите объ этомъ на всю Европу? Чтожъ послѣ этого подумаютъ объ насъ въ передней Графа Бисмарка?“ — Но къ счастью, все дѣло очень скоро объяснилось и, благодаря комментаріямъ Отзейскихъ корреспондентовъ Нѣмецкихъ газетъ, въ передней Графа Бисмарка тотчасъ-же поняли, что это былъ наборъ пустыхъ фразъ, ни къ чему не обязывающихъ и заказанныхъ съ единственною цѣлью отвести глаза Русскому обществу.

Цензура бракующая заграничныя изданія не мотивируетъ своихъ приговоровъ и потому входить съ нею въ объясненія невозможно. Иное дѣло Балтійскій ржондъ народовый.

Съ этой стороны на меня посыпалось столько разнородныхъ возраженій, опроверженій, обличеній и обвиненій, что я рѣшительно не въ состояніи отвѣчать порознь всѣмъ и на все; впрочемъ, въ этомъ и не предстоитъ особенной надобности. Въ слѣдующихъ выпускахъ Окраинъ Россіи приведены будутъ документальныя доказательства главныхъ тезисовъ только затронутыхъ въ предисловіи къ первой серіи и простое изложеніе фактовъ, надѣюсь, послужитъ мнѣ достаточнымъ оправданіемъ передъ читателями. Я не могу однако теперь же не остановиться на нѣкоторыхъ изъ заграничныхъ публикацій противъ меня направленныхъ; я разумѣю вопервыхъ тѣ, которыя, еслибъ онѣ прошли безъ отвѣта, могли бы поколебать довѣріе публики къ моей добросовѣстности въ передачѣ чужихъ мнѣній и свидѣтельствъ, во вторыхъ тѣ, которыми я самъ имѣю причину дорожить какъ неожиданными подтвержденіями того что я писалъ объ Остзейскомъ краѣ и чему многіе у насъ отказывались вѣрить. Въ первомъ отношеніи, обращаютъ на себя вниманіе 2й и 4й выпуски IIго тома „Лифляндскихъ вкладовъ“ Г. Ф. Бокка, а во второмъ „Лифляндскій отвѣтъ“ бывшаго Профессора Дерптскаго Университета Г. Ширрена. Самый этотъ выборъ послужитъ читателямъ доказательствомъ, что я не уклоняюсь отъ встрѣчи съ сильнѣйшими, или, по крайней мѣрѣ, съ азартнѣйшими изъ моихъ противниковъ. Съ своей стороны я постараюсь соблюсти въ отношеніи къ нимъ не только

строгое безпристрастіе, но и невозмутимое спокойствіе тона. Ихъ брошюры такъ поучительны какъ спасительныя предостереженія отъ неприличій до которыхъ можетъ довести раздраженіе, что имѣя ихъ передъ глазами, было бы непростительно выдти изъ границъ умѣренности.

Москва 1870.

Ю. Самаринъ.

I.

Балтійскимъ публицистамъ, домашнимъ и заграничнымъ представлялось два способа раздѣлаться съ безпокойнымъ издателемъ Окраинъ Россіи. Можно было постараться погубить его въ мнѣніи правительства и можно было заподозрить его въ мнѣніи публики. Для большей вѣрности, Г. фонъ-Бокк рѣшился употребить оба средства вдругъ. Это понятно: онъ пишетъ не для одной Германіи, но и для Россіи и хорошо знаетъ, что частное лице, какъ бы далеко ни стояло оно отъ средоточія власти, все же испытываетъ на себѣ, у насъ болѣе чѣмъ гдѣ либо, послѣдствія сдѣланной противъ его имени неблагопріятной отмѣтки. При избранной моимъ противникомъ тактикѣ, нужно только, чтобъ доносъ обращенный къ правительству и доносъ обращенный къ обществу были между собою согласны, по крайней мѣрѣ явно бы одинъ другому не противорѣчили. Удалось ли ему соблюсти это условіе — читатели увидятъ сами изъ слѣдующаго перечня:

По словамъ Г. Ф. Бокка сущность или „сердцевина“ Окраинъ Россіи*) сводится къ семи пунктамъ:

Я провожу мысль, что Русское правительство распадается на два враждебныхъ лагеря, національный и

*) Der Kern des Inhalts. Livl. Beitr. Band II. Liefg. 4. pag. II.

антинаціональный; стараюсь доставить первому исключительное господство, а на второй нападаю съ крайнею враждебностью.

Я обвиняю „всѣхъ Русскихъ Самодержцевъ, начиная съ Екатерины II, въ *легкомысленной растратѣ**) Государственной власти.

Я заявляю „что послѣ Головина, всѣ Остзейскіе Генералъ-Губернаторы были безсмысленными, бездарными и необразованными *чучелами***) въ рукахъ нѣмецкихъ сословій.

Я осмѣиваю преданность Балтійскихъ Нѣмцевъ ихъ Монарху какъ *притворное идолопоклонство****).

Я осуждаю Высочайшее утвержденіе докладовъ, непосредственно восходящихъ изъ Остзейскаго Комитета, какъ устраненіе Государственнаго Совѣта противное національнымъ интересамъ и *Государственному учрежденію.*

Я предсказываю, какъ почти неминуемое послѣдствіе этой безсознательной стачки между крайне хитрыми Остзейскими Нѣмцами, Балтійскими Генералъ-Губернаторами Министрами *не имѣющими въ Государственномъ Совѣтѣ рѣшительнаго голоса* †) и самимъ *легкомысленнымъ (?!) Государемъ*††), образованіе, изъ Остзейскихъ губерній, самостоятельнаго политическаго организма, на подобіе Финляндіи, черезъ что Россія была бы отброшена къ началу XVIII вѣка.

Я утверждаю, что можно предупредить это бѣдствіе только однимъ способомъ, а именно: *положивъ конецъ Самодержавной власти Императора*†††), съ нею за одно осо-

---

*) Leichtfertige Preisgebung. Livl. Beitr. II. 4. II.

**) Hampelmänner. Livl. Beitr. II. 6. II.

***) Heuchlerischer Götzendienst. Тамъ-же. III

†) Die im Reichsrathe nicht maasgebenden Minister. Тамъ-же.

††) Dem leichtsinnigen Kaiser selbst. Тамъ-же.

†††) Dass der autokratischen Gewalt des Kaisers ein Ende gemacht werde. Тамъ-же.

бенным правамъ вѣрныхъ ему Остзейскихъ губерній, и созваніемъ Русскаго народнаго представительнаго собранія.

Словомъ: моя книга не иное что какъ *яростное нападеніе на верховную власть Всероссійскаго Самодержца**).

Все это, какъ видятъ читатели, писано собственно про Третье Отдѣленіе; но для публики, особенно Нѣмецкой, этого было мало. Подвергать дѣйствія должностныхъ лицъ критикѣ, хотя бы и рѣзкой, не желать, чтобъ изъ окраины единаго государства образовалось нѣчто въ родѣ отдѣльнаго государства, не одобрять отступленій отъ общаго порядка движенія законодательныхъ дѣлъ самою верховною властью установленнаго, наконецъ: желать конституціи (еслибъ я даже дѣйствительно желалъ ея) — однѣ эти преступленія вѣроятно еще не заставили бы читателей отшатнуться отъ меня съ ужасомъ и, стало быть, вторая цѣль не была бы еще достигнута. Собственно къ публикѣ, Русской и Нѣмецкой, Г. фонъ Боккъ обращается съ иною рѣчью. Послушайте:

Во первыхъ, авторъ Окраинъ очень глупъ.**)

Во вторыхъ, въ прежнее время, состоя на службѣ, онъ былъ употребленъ *въ шайкѣ негодяевъ, получавшей направленіе изъ мрака панславистическихъ клубовъ* и собравшейся около *опшателя* Головина. Иначе: онъ участвовалъ въ ревизіонной коммиссіи, мѣтившей на права *и въ карманъ* города Риги.***)

---

*) Ein wüthender Angriff auf die souveraine Gewalt des Selbstherrschers aller Reussen. Livl. Beitr. II. 6. IV.

**) Dumm, Dummheit — этими аттестаціями пересыпаны послѣдніе выпуски Лифляндскихъ вкладовъ. Въ одномъ мѣстѣ авторъ прямо обращаетъ ко мнѣ стихъ Гёте: „du weisst wohl nicht, mein Freund, wie dumm du bist.“ (Livl. Beitr. II. 6. 472 также стр. III. предисл. 387 и др.) Въ другомъ мѣстѣ, авторъ возводитъ грубость въ систему, какъ право безъ котораго онъ не можетъ обойтись (Livl. Beitr. II. 4. 268). Это ужъ дѣло личнаго вкуса и воспитанія.

***) Der General-Gouverneur Golovin, der Henker der Verschworenen von 1825, sammt seiner Bande, den Chanikoff, Samarin, etc..... jene nichtswür-

Въ третьихъ, онъ былъ *смѣщенъ и удаленъ* отъ должности Княземъ Суворовымъ*); слѣдовательно, теперь, критикуя дѣйствія послѣдняго, даетъ волю личной мести.

Въ четвертыхъ, онъ же (авторъ Окраинъ) писалъ доносы на князя Суворова и на другихъ высоко стоявшихъ чиновниковъ Балтійскаго края, за что, при покойномъ Императорѣ, былъ посаженъ въ крѣпость**)

Въ пятыхъ, онъ *агентъ Правительства****), написалъ свои Окраины Россіи *по заказу, и получилъ пособіе отъ Правительства*†) на изданіе этой книги, которая, однако, есть не иное что *какъ яростное нападеніе на Самодержавіе*, по словамъ самаго Г. Ф. Бокка, и которая, какъ ему вѣроятно не безъизвѣстно, строго запрещена цензурою.

Наконецъ, онъ же (авторъ Окраинъ), цитуя въ переводѣ изданіе Г. Ф. Бокка, *преднамѣренно* искажаетъ смыслъ подлинника, иначе: *дѣлаетъ подлоги*††).

---

dige, aus dem Dunkel panslavistischer Clubs geleitete Bande.... (Эта шайка панславистовъ состояла изъ Хапилкова, Штакельберга, Капгера, Вульфа, Рудницкаго и меня) — Livl. Beitr. II. 4, 279, 280. Далѣе о тойже коммиссіи: denn auf die Verfassung und den Beutel Riga's war es hauptsächlich abgesehen. Livl. Beitr. II. 6. 432.

*) Samarin, welcher 1848 durch den Fürsten Suwaroff aus der einflussreichen Stellung entfernt wurde...., welchen Fürst Suwaroff absetzte. Livl. Beitr. II. 6. 423, 424, 481. Недавно, Балтійскій Корреспондентъ какой то нѣмецкой газеты сообщалъ, какъ достовѣрное свѣдѣніе, что князь Суворовъ, найдя меня въ Ригѣ, обошелся со мною какъ съ роднымъ сыномъ и что я отплатилъ ему за отеческую ласку черною неблагодарностью. Не понимаю отчего Г. Ф. Боккъ кстати ужь не подобралъ и этой черты къ моему портрету.

**) Livl. Beitr. II. 4. 276.

***) Der ganze Herr Samarin, mit all seiner hochtrabenden Unabhängigkeits-Parade, ist weiter nichts als ein Agent der Russischen Regierung. Livl. Beitr. II. 6. 428. Подражая ли Г. Ф. Бокку, или по собственному вдохновенію, Г. Ширренъ не побрезгалъ тѣмъ-же оружіемъ. По его словамъ, я исправляю подъ маскою Гракха полицейскую службу. Livländische Antwort. стр. 2.

†) Wird nach jetzigen russischen Begriffen gerade für rein genug gehalten, um im Auftrage und mit Unterstützung der Regierung ein Buch zu schreiben etc. etc. Livl. Beitr. II. 4. 276 и II. 6. 443. примѣчаніе.

††) Ein falsarius. Livl. Beitr. II. 6. 11, 111, 422.

Не рискуя заслужить упрекъ въ недостаткѣ заботливости о моей репутаціи, я считаю себя въ правѣ оставить всю эту дребедень безъ вниманія, кромѣ однако послѣдняго пункта, въ которомъ говорится объ искаженіи текста. На этомъ обвиненіи я долженъ остановиться не столько потому, что самъ Г. Ф. Боккъ придаетъ ему особенную важность „*для характеристики моей субъективности*“ сколько потому, что на мнѣ лежитъ обязанность избавить читателей отъ скучнаго труда сличенія моего перевода съ подлинникомъ. Къ моему счастью, въ этомъ пунктѣ, и только въ немъ, опредѣлительность обвиненія даетъ возможность выяснить дѣло на чистоту.

Въ моихъ цитатахъ, Г. Ф. Боккъ подмѣтилъ *четыре* неточности и, не задумываясь, называетъ ихъ „преднамѣренными *подлогами* и притомъ *глупыми**).“ Глупость очевидна, ибо каждый подлогъ сопровождается у меня точною ссылкою на номеръ выпуска и на страницу искаженнаго въ переводѣ подлинника, такъ что я самъ кладу читателямъ въ руки легчайшій способъ уличить меня. Иной критикъ, можетъ быть, усмотрѣлъ бы въ наивности этого пріема**) доказательство невольности моихъ ошибокъ, но, по особенному складу своей природы и по свойству преслѣдуемой имъ цѣли Г. Ф. Боккъ предпочитаетъ гипотезу сочетанія въ одномъ лицѣ дурнаго умысла съ почти невѣроятною глупостью, а чтобы придать обвиненію въ преднамѣренности видъ правдоподобія, онъ прописываетъ мнѣ лестную аттестацію „въ совершенствѣ моихъ позна„ній по части Нѣмецкаго языка, доказанныхъ вѣрностью „и мастерствомъ моихъ переводовъ съ этого языка на

---

*) Тамъ-же: предисловіе.

**) Г. Ширренъ, на примѣръ, гораздо осторожнѣе; половина его брошюры содержитъ въ себѣ повтореніе моихъ или будто бы моихъ словъ; но онъ рѣдко цитуетъ буквально, а почти вездѣ заставляетъ меня говорить по своему, не обременяя себя указаніемъ на страницы.

Русскій*).“ Мыслима ли при этомъ невольность въ ошибкѣ!

Иное дѣло самъ Г. фонъ Боккъ. Онъ и не претендуетъ на одинаковую степень совершенства въ знаніи Русскаго языка и, сбираясь угощать своихъ читателей переводами изъ Окраинъ, заранѣе „испрашиваетъ для себя „снисхожденія, въ которомъ авторъ этой книги (по его „словамъ) отнюдь не нуждается**).“ И такъ, публика призванная къ суду подготовлена какъ слѣдуетъ; противъ меня, она вооружена съ головы до ногъ, а въ отношеніи къ моему противнику, она обезаружена его скромнымъ признаніемъ. Если обнаружится ошибка въ моей книгѣ, то мнѣ не миновать двойнаго осужденія, за глупость и за безсовѣстность, а если въ такой же погрѣшности уличенъ будетъ мой противникъ, объ немъ только пожалѣютъ. Да и придется ли даже жалѣть? Неужь то въ самомъ дѣлѣ ожидать и требовать отъ Балтійца судящаго о Русскомъ народѣ, о Русской исторіи и Русскихъ законахъ, чтобъ онъ предварительно взялъ на себя трудъ основательнаго изученія нашего варварскаго языка? —

Какъ ни невыгодно для меня состязаніе на такихъ условіяхъ, я однако принимаю вызовъ. Пускай публика, нетолько Русская, но и Нѣмецкая, выслушавъ мои объясненія, рѣшитъ: заслуживаю ли я упрека въ злонамѣренномъ искаженіи чужихъ мыслей. Съ своей же стороны, я охотно допускаю въ пользу Г. Ф. Бокка осторожную оговорку, за которою онъ укрывается, и признаю, что онъ дѣйствительно крайне слабъ по части Русскаго языка; да и нельзя бы было не признать этого, въ виду доказательствъ, которыми переполнены послѣдніе его выпуски***). Наконецъ,

---

*) Livl. Beitr. II. 6. V.

**) Livl. Beitr. II. 6. V.

***) Для примѣра, я приведу одно изъ нихъ не лишенное комизма. Подъ словомъ „Палата“ (въ смыслѣ присутственнаго мѣста) которое почс-

я напередъ устраняю всякій вопросъ о намѣренности безчисленныхъ искаженій моего текста, которыми кишатъ его переводы. Пусть земляки Г. Ф. Бокка, встревоженные его болтливостью доходящею иногда до цинизма, стараются выставить его личность въ невыгодномъ свѣтѣ, чтобъ сколько нибудь ослабить значеніе вырывающихся у него признаній*); у насъ же вообще не принято въ литературномъ спорѣ бросать грязью въ своихъ противниковъ, да и субъективность Г. Ф. Бокка не представляетъ для насъ особеннаго интереса.

Теперь къ дѣлу. Я разберу каждый изъ четырехъ пунктовъ, на которыхъ построено обвиненіе въ подлогѣ, въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ они приведены въ предисловіи къ 6 му выпуску 2 го тома Лифл. вкладовъ.

Первый *подлогъ*. Г. Ф. Боккъ обнародовалъ, что бывшій Остзейскій Генералъ-Губернаторъ Графъ Шуваловъ, рекомендуя тамошнимъ дѣльцамъ введеніе суда присяжныхъ, будто бы указывалъ на это учрежденіе какъ на самое дѣйствительное орудіе онѣмѣченія Латышей и будто бы, гдѣ то, говорилъ кому то, что хотя онъ, Генералъ-Губернаторъ, настаивалъ на введеніи присяжныхъ, но что

му то часто употребляется въ дѣловыхъ бумагахъ Остзейскаго края писанныхъ по Нѣмецки, Г. Ф. Боккъ даетъ въ подстрочномъ примѣчаніи слѣдующее объясненіе этого, какъ онъ выражается, *варварскаго* термина: „Палата по Русски значитъ тоже что палатка (heisst so viel wie Zelt); изъ чего можно заключити, что это слово указываетъ на былыя времена монголо-кочеваго быта Русскаго государства (auf die weiland mongolisch-nomadischen Zustände des russischen Reichs)“ — Итакъ, мы обогащаемся заразъ двумя открытіями, филологическимъ и историческимъ. Оказывается, вопервыхъ, что коренное значеніе слова заключается въ уменьшительной его формѣ. а что значеніе простой формы есть переносное; во вторыхъ, мы узнаемъ, что Монголы застали Русскихъ на степени кочеваго племени, или, что Русскіе переняли у Монголовъ формы кочеваго быта. Это одно изъ основныхъ положеній Русской исторіи приспособленной Остзейскими учеными ad usum Balticae juventutis, и Г. Ф. Боккъ ссылается на него довольно часто. (Livl. Beitr. II. 6. 554).

*) Смот. характеристику Г. Ф. Бокка въ безъименной брошюрѣ изданной за границею: Lettre à M. Samarin sur ses brochures, etc. etc.

будь онъ на мѣстѣ Государя, который не хочетъ, чтобъ Латыши нѣмѣчились, то онъ конечно никогда бы не допустилъ этой формы суда. Оставляя на отвѣтственности автора достовѣрность этого заявленнаго противорѣчія между державною волею и личными намѣреніями ея исполнителя, я передалъ свидѣтельство Г. ф. Бокка съ буквальною точностью, прибавивъ отъ себя, что Гр. Шувалову приписывается произнесеніе приведенныхъ словъ въ одномъ изъ засѣданій Центральной Коммиссіи разрабатывавшей вопросъ о судебной реформѣ. Это была съ моей стороны догадка, которою я заранѣе отвѣчалъ на неминуемый вопросъ всякаго читателя, и на которую навелъ меня самъ Г. ф. Боккъ. Вотъ подлинныя его слова: „въ анекдотахъ (которые я немедленно записывалъ „по мѣрѣ того какъ узнавалъ объ нихъ непосредственно „*отъ нашего представителя принимавшаго самое видное „участіе въ трудахъ и преніяхъ Балтійской Централь-„ной Коммиссіи)* я нахожу слѣдующую буквально приво-„димую мною замѣтку о нѣкоторыхъ переговорахъ проис-„ходившихъ съ Графомъ Шуваловымъ въ началѣ Августа „1865 года.“ Затѣмъ самый разсказъ начинаетъ словами: „во „время переговоровъ . . . . . съ Графомъ Шуваловымъ, „послѣдній, желая склонить *насъ* къ принятію суда при-„сяжныхъ, сказалъ между прочимъ“ и т. д.*) Какъ видятъ читатели, Г. ф. Боккъ не назвалъ лица, къ которому обращены были приписанныя Генералъ-Губернатору слова и, вмѣсто имени, проставилъ точки; онъ также умолчалъ о мѣстѣ гдѣ происходили переговоры; но, вопервыхъ, предметъ ихъ прямо относился къ кругу занятій Центральной Коммиссіи; во вторыхъ, передъ выписаннымъ мѣстомъ и вслѣдъ за нимъ, рѣчь шла о ходѣ дѣлъ въ этой Коммисіи;

*) Im Verlaufe der Verhandlungen des . . . . mit dem Grafen Schuwaloff, hatte letzterer, um uns für Annahme des Geschworenen-Gerichts zu stimmen, unter anderem auch geäussert etc. etc. Livl. Beitr. I. 3. 19, 20.

въ третьихъ, анекдотъ переданъ былъ однимъ изъ ея членовъ, наконецъ употребленное повѣствователемъ выраженіе: склонить *насъ*, давало поводъ предполагать что бесѣда происходила не съ глазу на глазъ, а въ присутствіи многихъ.

Оказывается однако, по словамъ Г. Ф. Бокка, что я ошибся въ моей догадкѣ собственно о мѣстѣ гдѣ происходилъ разговоръ и эту то ошибку мою онъ называетъ преднамѣреннымъ подлогомъ. Вотъ какъ, по послѣднимъ его объясненіямъ, происходило дѣло: „$^{3}/_{15}$ Августа 1865 года, Графъ Шуваловъ, „проживалъ подъ Ригою, въ Дуббельнѣ; тамъ то между нимъ и „покойнымъ предсѣдателемъ Коммиссіи Барономъ Говеномъ „(онъ же былъ въ то время и предсѣдателемъ Гофгерихта) происходили упомянутые переговоры; къ „нему, Барону Говену, обращены были вышеприведенныя „слова о присяжныхъ и онъ то, вечеромъ того же дня, „поспѣшилъ передать ихъ, прежде чѣмъ онѣ успѣли остыть „(brühwarm, tout chaud) своему сотоварищу Г. Ф. Бокку*)."

Итакъ, выходитъ изъ объясненій самаго Г. Ф. Бокка, что все это не болѣе какъ *сплетня*, къ которой Графъ Шуваловъ подалъ поводъ, рѣшившись, съ глазу на глазъ, безъ свидѣтелей, вступить съ Балтійскимъ дѣльцомъ въ интимный разговоръ о серьезномъ предметѣ. Со стороны бывшаго Генералъ-Губернатора было конечно крайне неосторожно полагаться на скромность, или хотя бы на добросовѣстность своего собесѣдника; но кто же подъ часъ не забывается! И самаго Г. Ф. Бокка не слишкомъ ли далеко завлекло въ настоящемъ случаѣ его желаніе уличить меня въ мнимомъ подлогѣ? Ему ли было, заодно съ покойнымъ его сотоварищемъ, публично наказывать Графа Шувалова за неумѣстную его довѣрчивость?

Этотъ случай напоминаетъ мнѣ другой, очень сходный, котораго я самъ былъ свидѣтелемъ. Въ 1846 или

*) Livl. Beitr. II. 6. 11. прим.

1847 году, тогдашній Остзейскій Генералъ-Губернаторъ Е. А. Головинъ разъ въ недѣлю давалъ у себя вечера. На одномъ изъ нихъ, Ландратъ С. (одинъ изъ Балтійскихъ героевъ Г. ф. Бокка) подсѣлъ къ покойному Я. В. Ханыкову и сталъ его увѣрять, что движеніе крестьянъ въ Православіе неминуемо вызоветъ народный бунтъ и рѣзню. Ханыковъ, разумѣется, возражалъ; онъ доказывалъ, что ничто не оправдывало этихъ опасеній и что напротивъ, по всѣмъ извѣстіямъ, движеніе приняло правильную форму, согласную съ изданными инструкціями. Но Ландратъ С. не унимался и все твердилъ свое о возстаніи и кровопролитіи, котораго жертвою будто бы неминуемо сдѣлается дворянство. Тогда, исчерпавъ всѣ доказательства противнаго, Ханыковъ наконецъ сказалъ ему: „во всякомъ случаѣ, еслибъ даже, вопреки всѣмъ вѣроятностямъ, народъ позволилъ себѣ какое нибудь буйство, Вы не имѣете повода опасаться, чтобы Правительство не сумѣло или не захотѣло обуздать его; ибо Вамъ очень хорошо извѣстно, что въ 1841 году, по первымъ признакамъ самоуправства крестьянъ, оно не усомнилось, нарядить военную экзекуцію и прибѣгнуть къ ultima ratio власти къ шпицрутенамъ.“ На этомъ разговоръ прекратился. Черезъ недѣлю, въ тойже залѣ, Ландратъ С. подошелъ къ кружку, въ которомъ стоялъ Ханыковъ, и, по привычкѣ своей, склонивъ голову на сторону, съ свойственною ему улыбкою, сказалъ ему: „знаете ли, тотъ разъ, послѣ нашего разговора, я долго не могъ заснуть; все обдумывалъ и соображалъ Ваши слова“ — „Кажія же?“ — „Да вотъ: что почему бы молъ Правительству и не *вызвать* народнаго бунта, если только онъ владѣетъ достаточными средствами для обузданія его въ пору.“ — У Ханыкова приподнялись брови, раздвинулись зрачки и, нѣсколько секундъ, онъ не въ состояніи былъ произнести слова; потомъ, опомнившись, онъ уставилъ глаза въ своего собесѣдника и сказалъ ему

во всеуслышаніе: „Вамъ Г. Ландратъ, извѣстно также хорошо какъ и мнѣ, что я никогда этого не говорилъ; объясняться передъ тѣми кто меня знаетъ, я считаю излишнимъ, но благодарю Васъ за урокъ, которымъ я воспользуюсь. Частныхъ разговоровъ между нами конечно больше не будетъ, а по дѣламъ службы, если встрѣтится надобность, мы будемъ вести переписку.“ — Ландратъ С. началъ было что то объяснять, но скоро отретировался передъ взглядомъ уставленнымъ на него въ упоръ, отвѣшивая мелкіе поклоны и съ прежнею, не сходившею съ его лица улыбкою. Такъ то въ Балтійскомъ краѣ удерживаются въ памяти, передаются и заносятся въ собранія анекдотовъ чужія слова; а моя догадка, можетъ быть и ошибочная, выдается за подлогъ! Съ какою же однако цѣлью отнесъ бы я преднамѣренно къ засѣданію Коммиссіи разговоръ происходившій въ Дуббельнѣ? Что бы я черезъ это выигралъ?

Второй *подлогъ* очень сходенъ съ первымъ. Въ третьемъ выпускѣ 1го тома Лифляндскихъ вкладовъ Г. Ф. Боккъ приводитъ текстуально четыре строки изъ предложенія Графа Шувалова объ обязательности для Остзейскихъ губерній Высочайше утвержденныхъ основныхъ началъ судебной реформы. Вотъ онѣ въ буквальномъ переводѣ: „послѣ „того какъ это положеніе (объ основныхъ началахъ) „Высочайшимъ повелѣніемъ примѣнено было спеціально и „къ тремъ Остзейскимъ управленію моему ввѣреннымъ гу„берніямъ и т. д.*) Затѣмъ, изложивъ вкратцѣ содержаніе бумаги изъ которой это мѣсто выписано, авторъ продолжаетъ слѣдующимъ образомъ: „благородныя чувства Остзейскихъ „провинцій и прежде не разъ оскорблялись тѣмъ, что

*) Nachdem diese Verordnung, mittelst Allerhöchsten Befehls auch speciell auf die meiner Oberverwaltung anvertrauten drei Ostsee-Gouvernements ausgedehnt worden ist, u. s. w. Livl. Beitr. I. 3. 14.

„Графъ никогда иначе не упоминалъ о священной особѣ „своего и ихъ Монарха какъ въ томъ же тонѣ хотя и „сдержанной, но всетаки очевидной иронiи, которою „дышетъ и выше приведенное мѣсто, къ счастью неодно- „кратно закрѣпленное въ формѣ акта (mehrfach actisirte „Stelle) и отъ котораго поэтому нельзя отречься. Этотъ „тонъ, какъ извѣстно, возвышался до крайней степени „рѣзкости когда мѣстныя сословiя, на произвольныя, ос- „корбительныя, отмѣченныя пренебреженiемъ ко всякому „праву и вызывающiя притязанiя Графа, отвѣчали воз- „званiемъ къ верховному, личному суду самаго Монарха. „Кто захотѣлъ бы припомнить извѣстные переговоры не- „посредственно предшествовавшiе выходкамъ 19го Августа „1865 года, тотъ (еслибъ онъ могъ это сдѣлать по своему „положенiю, не подвергая риску своей личной безопасности) „засвидѣтельствовалъ бы, что мы не только не сказали въ „этомъ случаѣ ничего лишняго, а скорѣе многаго не до- „говорили.*)“ Все здѣсь буквально переведенное, я сжалъ и передалъ въ слѣдующихъ словахъ: „Графъ Шуваловъ, въ *засѣданiяхъ Коммиссiи обсуждавшей судебную реформу*, иначе де никогда не отзывался о священной особѣ Монарха какъ съ тонкою, но очень замѣтною иронiею, оставившею слѣды *въ протоколахъ Коммиссiи* и этимъ де болѣе всего оскорблялъ онъ благородныя чувства Остзейскихъ провинцiй**).“ Подлогъ! восклицаетъ опять Г. Ф. Боккъ; въ текстѣ не говорится ни о засѣданiяхъ, ни о протоколахъ Коммиссiи. Совершенно справедливо; но при переводѣ я остановился въ недоумѣнiи передъ загадочными словами подлинника: „mehrfach actisirt“ и не могъ не предугадать, что тоже самое случилось бы непремѣнно со всякимъ читателемъ. О какихъ именно актахъ идетъ рѣчь? Составлялись ли они съ вѣдома

*) Тамъ-же стр. 14 и 15.

**) Окр. 1 стр. 34, 35.

Графа Шувалова и за его подписью, или безъ его участія? Наконецъ: кѣмъ и гдѣ составлялись? Никакого отвѣта на эти вопросы текстъ не давалъ. Невозможно было отнести выраженіе „mehrfach actisirt“ только и исключительно къ коротенькой выпискѣ изъ предложенія Гр. Шувалова, вопервыхъ потому, что самая зоркая придирчивость не открыла бы въ нихъ и тѣни ироніи; во вторыхъ, что не было никакой надобности *многократно* облекать въ форму неоспоримаго акта *одно* предложеніе уже подписанное лицемъ отъ котораго оно исходило; наконецъ, въ текстѣ говорилось о многихъ и частыхъ проявленіяхъ ироническаго тона. По существу, дѣло шло все-таки о судебной реформѣ; вопросъ этотъ обсуждался не только въ Центральной Коммиссіи, но и въ другомъ, совѣщательномъ Комитетѣ, который открытъ былъ Графомъ Шуваловымъ, въ которомъ онъ самъ предсѣдательствовалъ, и который велъ протоколы своимъ засѣданіямъ, какъ видно изъ словъ самаго Г. Ф. Бокка*). Не естественно ли было придти къ заключенію, что на эти то протоколы онъ и намекалъ въ приведенномъ мѣстѣ? Неправда! объявляетъ нынѣ Г. Ф. Боккъ, не на нихъ я указывалъ. — Но если такъ, то о какихъ же именно *актахъ* идетъ рѣчь? — спрашиваю я и спроситъ вѣроятно всякій читатель. Однако и на этотъ разъ, Г. Ф. Боккъ почему то уклоняется отъ прямаго отвѣта. Вотъ его слова: „много-„кратное документированіе происходило *въ другомъ мѣстѣ* (?) „на столько ясно указанномъ въ т. 1. выпуск. 3. стр. 13 „Лифл. вклад. что Г. Самаринъ не могъ проглядѣть его**).“

*) Livl. Beitr. I. 3. 12.

**) Was die mehrfache Actisirung anlangt, so hat sie weder in den Protocollen der Baltischen Central-Justiz-Commission vorkommen können, noch auch ist sie Seitens des Herausgebers von den Protocollen des Berathungs-Comité behauptet worden. Vielmehr ist der anderweitige Ort der mehrfachen Actisirung Livl. Beitr. 1. 3. Seite 13 deutlich genug angegeben, um dem Herrn Samarin keinenfalls haben entgehen zu können. Livl. Beitr. II. 6. III.

Я раскрываю выпускъ 3й на указанной страницѣ, перечитываю ее внимательно отъ начала до конца и что же я нахожу? — Указанія, вопервыхъ, *на протоколы совѣщательнаго Комитета* 7 Ноября 1864 года, во вторыхъ: на предложенія Графа Шувалова (тождественныя между собою по содержанію) Лифляндскому и Эстляндскому дворянскимъ сословіямъ, въ третьихъ: на проэктъ судебной реформы составленный по указаніямъ Графа Шувалова. Выходитъ, что мнимо ироническіе отзывы нашли мѣсто всетаки, какъ я предполагалъ, въ протоколахъ Комитета, или (что еще невѣроятнѣе) въ предложеніяхъ, которыя самъ Графъ Шуваловъ диктовалъ и подписывалъ, или (чего и предполагать нельзя) въ проэктѣ судебнаго устава отъ него же исходившемъ. Отказываясь отъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій и предоставляя самимъ читателямъ, буде они почувствуютъ къ тому охоту, поломать себѣ голову надъ загадками Г. Бокка, я позволю себѣ только замѣтить, что уклоненіе его отъ прямаго отвѣта крайне подозрительно. Взвести такое обвиненіе, нетолько не приведя ни одного доказательства, но отказываясь даже назвать источникъ куда бы можно было обратиться за справками — это близко напоминаетъ особенный видъ литературнаго застращиванія извѣстный у Французовъ подъ техническимъ терминомъ chantage Я де имѣю въ рукахъ бумагу, которою могу Вамъ сильно повредить; до поры до времени, я не предъявлю ея, но берегитесь и держите ухо востро! — А кто знаетъ: подъ неоспоримымъ документами не разумѣетъ ли авторъ собственнаго своего сборника анекдотовъ, которые онъ записывалъ со словъ своихъ пріятелей, усердно снабжавшихъ его разнаго рода служебными сплетнями? Одинъ образчикъ мы уже видѣли.

Третій *подлогъ*. Въ Лифляндскихъ вкладахъ говорится слѣдующее объ освобожденіи крестьянъ безъ земли: „если, „съ одной стороны, дворянство, переведя крестьянъ

„съ положенія наслѣдственныхъ на положеніе временныхъ „съемщиковъ земли*), впало можетъ быть въ политическую „*ошибку*, то съ другой, слѣдуетъ по всей справедливости „принять въ соображеніе, что это было *единственное воз-* „*награжденіе* когда либо истребованное и полученное дво- „рянствомъ за отреченіе его отъ крѣпостнаго права на лич- „ность..... и что первый опознавшій эту ошибку былъ „никто другой какъ Ландратъ Самсонъ, представитель „политики 1818 года**).“ Смыслъ этихъ словъ я передалъ вкратцѣ слѣдующимъ образомъ: „да! говоритъ другой публицистъ (ф. Боккъ): это была конечно *ошибка*, разумѣется невольная, и притомъ *единственная* тогдашняго главнаго двигателя крестьянскаго дѣла, Ландрата Самсона***).“ Сопоставляя эти слова съ текстомъ, авторъ объявляетъ „что мнѣ *понадобилось* утаить отъ читателей *единственное* „*вознагражденіе* подъ *единственною ошибкою*, тогда какъ „послѣднее выраженіе совершенно ему чуждо, какъ по „буквѣ такъ и посмыслу†).“ Въ этомъ упрекѣ есть доля

---

*) Не могу здѣсь не замѣтить, что Г. ф. Боккъ или вовсе не понимаетъ дѣла, или маскируетъ его. Срочное пользованіе въ замѣнъ потомственнаго — такъ выходитъ изъ приведенныхъ словъ, тогда какъ, въ сущности, было вовсе не то. До 1819 года, въ Лифляндіи существовалъ *крестьянскій надѣлъ* (Bauerland): иными словами: часть помѣщичьей земли отведена была *навсегда* въ неотъемлемое пользованіе крестьянъ, и помѣщикъ *не могъ* ни давать ей другаго назначенія, ни отбирать ее въ свое распоряженіе. Говоря языкомъ закона, эта земля была *неполною* собственностью помѣщика. Въ 1819 году, она сдѣлалась *полною* его собственностью; онъ пріобрѣлъ право вовсе не отдавать ее въ пользованіе крестьянамъ, а дѣлать съ нею что самъ за благо разсудитъ. До 1819 года, крестьяне пользовались ею *по праву;* а съ 1819го, стали пользоваться подъ условіемъ довровольнаго на то согласія помѣщика. Итакъ, у крестьянъ конфисковано было прежнее ихъ право, а юристъ Г. ф. Боккъ, такъ горячо стоящій за дѣйствительныя или мнимыя права своихъ земляковъ Нѣмецкаго происхожденія, какъ будто этого не замѣчаетъ.

**) L. B. I. 1. 19.

***) Окр. 1. стр. 76.

†) L. B. 11. 6. 10.

правды; дѣйствительно, отнесеніе прилагательнаго *единственный* къ существительному *ошибка*, а не къ существительному *вознагражденіе* было съ моей стороны недосмотромъ, въ которомъ я охотно каюсь. Еще охотнѣе поспѣшаю я заявить, что мы, повидимому, хоть отчасти сходимся съ Г. ф. Боккомъ въ оцѣнкѣ положенія 1819 года. Такъ! кромѣ капитальной ошибки, заключавшейся въ конфискаціи права крестьянъ на землю, въ немъ было еще много и другихъ ошибокъ. Но я рѣшительно отвергаю, чтобъ я непремѣнно обязанъ былъ по совѣсти, тутъ же, привести въ цитатѣ мысль Г. ф. Бокка о *вознагражденіи*. Я не утаилъ ея, а просто устранилъ, имѣя на то полное право и достаточный поводъ. Дѣло шло *о практическихъ послѣдствіяхъ* безземельнаго освобожденія, и потому вовсе некстати было говорить о соображеніяхъ, которыми старались оправдать эту мѣру при ея обсужденіи. Еслибъ я упомянулъ о теоріи вознагражденія въ то время игравшей первостепенную роль и теперь подновляемой Г. ф. Боккомъ, то мнѣ пришлось бы тутъ же выяснить и несостоятельность ея. Я долженъ бы былъ показать, что, какъ выразился самъ Ландратъ Самсонъ на одномъ изъ Ландтаговъ сороковыхъ годовъ (прежде чѣмъ онъ перешелъ изъ рядовъ такъ называемой либеральной партіи въ ряды противоположной, болѣе чѣмъ консервативной) дворянство, въ 1819 году, сдѣлало *хорошую аферу* (ein gutes Geschäft gemacht), стало быть: не только вознаградило себя за свое пожертвованіе, но еще ухитрилось выудить въ искуственно возмущенной имъ водѣ кое что весьма существенное. Современемъ, я все это разовью и докажу; но въ первомъ выпускѣ Окраинъ, тема эта отвлекла бы меня слишкомъ далеко отъ моей задачи.

Четвертый и послѣдній *подлогъ*. Г. ф. Боккъ сказалъ: „счастливымъ долженъ почитать себя Русскій Императоръ,

БИБЛІОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

до тѣхъ поръ пока сыны Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи почитаютъ его въ сердцахъ своихъ (хотя бы до поры до времени и не въ канцелярской терминологіи) за истиннаго *своего Герцога*, то есть: за могучаго, правомѣрнаго *свободнаго отъ всякаго односторонно Русскаго давленія*, оберегателя ихъ благопріобрѣтенныхъ мѣстныхъ, церковныхъ и земскихъ правъ."*) Таже мысль, въ иной формѣ, повторяется и въ другихъ мѣстахъ.**) Здѣсь, суть дѣла заключается въ противопоставленіи двухъ понятій (которымъ два титула, Императорскій и Герцогскій служатъ прозрачными символами) и въ особенномъ удареніи мысли на второй титулъ. Мы чтимъ верховную власть въ лицѣ Императора — это значитъ: мы признаемъ Имперію за одно нераздѣльное цѣлое, котораго наша область есть только часть и, слѣдовательно, добровольно подчиняемъ наши областные права и интересы высшимъ интересамъ и правамъ Имперіи. На оборотъ: мы чтимъ верховную власть въ лицѣ своего Герцога — значитъ: мы, какъ самостоятольная область, относимся непосредственно къ своему областному Государю, помимо всякаго отношенія къ его Имперіи; мы признаемъ его власть надъ нами въ той формѣ и въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ она выработалась у насъ, на мѣстѣ, въ какихъ она нужна для насъ же, для огражденія нашихъ мѣстныхъ правъ; мы сами по себѣ, и потому не допускаемъ мысли, чтобъ интересы Имперіи могли служить правомѣрнымъ основаніемъ или поводомъ къ какому либо измѣненію нашего областнаго быта. — Такъ понималъ смыслъ обоихъ титу-

*) Und wohl dem Kaiser von Russland so lange ihn die Söhne Liv-, Esth- und Kurlands, wenn auch zeitweilig nicht in der Kanzleiformel, doch in ihrem Herzen, als ihren wahren Herzog, d. h. als den mächtigen, rechtsfrohen und von einseitig russischer Pression freien Schutzherrn ihrer wohlerworbenen landeskirchlichen und landesstaatlichen Rechte und Freiheiten verehren etc. etc. L. B. 1. 3. 297.

**) Тамъже, стр. 300 и др.

ловъ и покойный Государь Императоръ. Одинаково ясно понималъ онъ и непримиримость двухъ политическихъ теорій подъ ними подразумѣваемыхъ и, вслѣдствіе этого пониманія, запретилъ указомъ именовать себя Герцогомъ. Это была не мелочная придирка, а гораздо болѣе. Раньше, Екатерина II сдѣлала тоже самое, отвѣтивъ Остзейскимъ депутатамъ: я не Герцогиня Курляндская, а Императрица Всероссійская. Теперь, когда политическое значеніе Герцогскаго титула окончательно выяснено и отвергнуто верховною властью, Г. ф. Боккъ вводитъ его вновь въ свою терминологію и подчеркиваетъ его, какъ вѣрнѣйшее выраженіе политическаго исповѣданія Остзейцевъ. Короче: онъ становится въ прямое противорѣчіе съ Екатериною II и Николаемъ I. Чтобы выразить это противорѣчіе въ сжатой и осязательной формѣ, я выписалъ отвѣтъ Екатерины и облекъ вышеприведенныя слова Г. ф. Бокка въ такую же форму прямаго обращенія: помните, что мы чтимъ въ своемъ Государѣ не Императора Всероссійскаго, а Лифляндскаго Герцога, свободнаго отъ всякаго односторонно Русскаго давленія.*) Тутъ сохранены слова текста, измѣненъ только оборотъ рѣчи, но ничего самопроизвольно не навязано автору (какъ онъ увѣряетъ); напротивъ, совершенно вѣрно передана его мысль, основная тема всѣхъ его изданій.

Вотъ и всѣ такъ называемые мои *подлоги*. По внимательной и конечно не снисходительной переборкѣ моей книги, разложивъ ее такъ сказать по волоскамъ, Г. ф. Боккъ высмотрѣлъ въ ней не болѣе четырехъ мѣстъ, показавшихся ему сколько нибудь пригодными, чтобъ заподозрить въ глазахъ читателей мою добросовѣстность, а между тѣмъ, въ Окраинахъ Россіи, болѣе 80 выписокъ и ссылокъ на его изданія. На сколько сильны и убѣдительны при-

*) Окраины 1. стр. 134.

веденныя имъ четыре улики — пусть разсудятъ читатели.

Кажется, что теперь я имѣлъ бы право начать встрѣчный искъ и, въ свою очередь, выставить искаженія моего текста встрѣчающіяся въ переводахъ и ссылкахъ Г. Ф. Бокка; но еслибъ я погнался въ этомъ дѣлѣ за полнотою перечня, то мнѣ пришлось бы наполнить цѣлую книгу однѣми сличеніями. Дорожа вниманіемъ читателей, я конечно не заведу ихъ въ этотъ лабиринтъ, а чтобъ не заподозрили меня въ бездоказательности заявленія, ограничусь немногими примѣрами, взятыми почти на выдержку.

1. Въ ст. XIV перваго выпуска Окраинъ (о судебной реформѣ въ Прибалтійскомъ краѣ) я повторилъ со словъ Г. Ф. Бокка, что Баронъ Ливенъ не захотѣлъ или не сумѣлъ отстоять обязательности главныхъ основаній новаго судоустройства и что объ этой капитальной поблажкѣ своего предшественника Графъ Шуваловъ, повидимому, ничего не зналъ — „*какъ это ни невѣроятно*“ прибавилъ я въ скобкахъ.*) По нѣмецки это значитъ: so unwahrscheinlich es auch seyn mag — а Г. Ф. Боккъ переводитъ: wie das durchaus nicht unwahrscheinlich ist**), то есть: „что отнюдь не невѣроятно“ — да еще печатаетъ эти слова крупнымъ шрифтомъ, да приписываетъ къ концу цитата: sic! предупреждая этимъ завѣреніемъ всякое сомнѣніе въ точности перевода, да приводитъ это мѣсто въ числѣ *буквальныхъ* по его словамъ подтвержденій***) одного изъ взведенныхъ имъ на меня обвиненій. Вотъ до чего доводитъ незнаніе языка!

2. Въ. ст. VIII перваго выпуска Окраинъ, говоря о предположеніи водворить въ казенныхъ имѣніяхъ тѣхъ изъ православныхъ крестьянъ, которыхъ помѣщики выгнали

*) Окр. 1. стр. 128.
**) Liv. B. II. 6. 476.
***) Wörtliche Belege. Liv. B. II. 4. предис. II. III. и II. 6. 4 6.

изъ ихъ усадьбъ, я сказалъ „что мѣра эта была бы позднимъ, конечно крайне скуднымъ и недостаточнымъ вознагражденіемъ ихъ (то есть крестьянъ) за всѣ испытанныя ими притѣсненія.“*) Всѣмъ извѣстно, что слову *вознагражденіе* соотвѣтствуетъ Нѣмецкое Entschädigung; но Г. Ф. Боккъ переводитъ Belohnung — награда, и заключаетъ, что въ этомъ случаѣ, оно, по смыслу, тождественно съ *подкупомъ*.**) Дѣйствительно: въ понятіи вознагражденія заключается предположеніе предшествовавшей потери, а въ понятіи награды — предположеніе заслуги, въ настоящемъ случаѣ — перемѣны вѣроисповѣданія; и выходитъ, что Правительство, награждая отводомъ земель *за* переходъ въ Православіе, тѣмъ самымъ подкупало къ переходу. Чтобъ окончательно навязать мнѣ это мнимое признаніе, оставалось только какъ нибудь обойти слова: „*за всѣ испытанныя ими притѣсненія.*“ Самъ Г. Ф. Боккъ не рѣшился однако перескочить черезъ это препятствіе, но болѣе ловкій Г. Ширренъ, съ разбѣгу, перескочилъ черезъ него. Обращаясь ко мнѣ, онъ говоритъ прямо: „дѣло само собою устроится, когда возобновится временно прерванная въ казенныхъ имѣніяхъ раздача участковъ, которой Вы съ такимъ достоинствомъ и такъ настойчиво требуете какъ *награды* (Belohnung) за перемѣну вѣры“ и прибавляетъ: „это слово (награда) произнесли Вы.“***) Такимъ то образомъ, вознагражденіе за обиды вызванныя переходомъ въ Православіе преобразились, подъ двумя дружными перьями, въ награду за этотъ переходъ, или въ подкупъ къ переходу. И это, вѣроятно, отъ незнанія языка?

3. Выше я привелъ главное противъ меня обвиненіе:

---

*) Окр. 1. стр. 103.

**) L. B. II. 6. 475 прим.

***) Das Wort ist von Ihnen — Livl. Antwort an H. Samarin. v. C. Schirren. 39.

въ желаніи положить конецъ Самодержавію созывомъ народнаго представительства. Это своего рода „слово и дѣло“ было произнесено Г. Ф. Боккомъ въ Сентябрскомъ выпускѣ прошлаго года и потомъ повторено нѣсколько разъ.*) Какъ ни привыкъ я къ безцеремонному обращенію Балтійскихъ публицистовъ съ Русскими изданіями, это обвиненіе меня удивило. Мнѣ хорошо помнилось, что предупреждая всякія недоразумѣнія, я очень ясно высказался на этотъ счетъ, заявивъ на первыхъ же страницахъ моего изданія „что по моему убѣжденію, далеко еще не наступило время для Россіи думать объ измѣненіи существующей формы правленія .... что историческое призваніе Самодержавія еще не исполнилось и что ему предстоитъ совершить еще многое для блага Россіи.“**) Понятно, что вычитавъ въ Лифляндскихъ вкладахъ обвиненіе въ политическихъ стремленіяхъ прямо противоположнаго свойства, я ожидалъ съ нетерпѣніемъ обѣщанныхъ Г. Ф. Боккомъ *буквальныхъ* указаній въ подтвержденіе этого обвиненія. Главная улика заключается въ слѣдующихъ моихъ строкахъ: „прислушиваясь къ неумолкающему шопоту въ самыхъ высшихъ слояхъ правительственныхъ и придворныхъ, они (дальновиднѣйшіе изъ Остзейцевъ) давно успѣли свыкнуться съ мыслію, что рано или поздно (и вѣроятно *ранѣе чѣмъ бы слѣдовало*) *сама верховная власть* призоветъ землю *на совѣтъ* и, въ той или другой формѣ, дастъ ей голосъ въ дѣлахъ государственнаго управленія.“***) — Но чтожъ изъ этого слѣдуетъ? — подумалъ я и подумаетъ вѣроятно каждый читатель. Вѣдь здѣсь, во первыхъ, вовсе не высказывается личное желаніе автора, а передается слухъ; во вторыхъ, говорится не о перемѣщеніи власти, а о предоставленіи землѣ совѣщательнаго голоса; наконецъ, если

*) На примѣръ въ Liv. B. II. 6. 399, 423, 530, 531 и т. д.

**) Окр. 1. къ читат. стр. II.

***) Окр. 1 стр, 182.

и это считать за ограниченіе Самодержавія, то всетаки предполагается неограниченіе извнѣ, а свободное дѣйствіе самой власти, слѣдовательно самоограниченіе. Гдѣжъ тутъ посягательство на Самодержавіе? — Г. Ф. Боккъ очевидно предчувствовалъ эти возраженія и потому, въ буквальный переводъ приведеннаго мѣста, онъ *вставилъ отъ себя*, слѣдующее коротенькое объясненіе: подъ верховною властью, которая созоветъ Земскую Думу, должно разумѣть „*по теоріи Г. Самарина, конечно не Императора, а Государственный Совѣтъ.*“*) Но изъ чего же это слѣдуетъ? — Изъ того, отвѣчаетъ Г. Ф. Боккъ „что авторъ Окраинъ ставитъ Государю въ вину, что онъ обходитъ Государственный Совѣтъ.“**) А это гдѣ сказано? — Въ отвѣтъ Г. Ф. Боккъ указываетъ на слѣдующія строки: „благодаря Остзейскому Комитету (о которомъ въ нашихъ законахъ нѣтъ и помина) для законодательныхъ дѣлъ Балтійскаго края установился какой то совершенно особенный, домашній порядокъ производства и разрѣшенія. Этимъ только обстоятельствомъ и можно объяснить себѣ, что удалось на примѣръ, не то что отмѣнить, а такъ сказать заклеить въ сводѣ законовъ капитальную статью о смѣшанныхъ бракахъ, не только безъ участія, но даже безъ вѣдома того высшаго учрежденія, до котораго дѣло прямо касалось (т. е. Синода) или, что цѣлыя уложенія о крестьянахъ, минуя Государственный Совѣтъ, восходили на Высочайшее утвержденіе и вводились въ видѣ опыта.“***) Итакъ, вотъ въ строго логическомъ порядкѣ аргументація моего обличителя: авторъ Окраинъ доказываетъ, что дѣло страдаетъ отъ существующаго особеннаго

---

*) Nach H. Samarin's Theorie also jedenfalls nicht der Kaiser, sondern der Reichsrath selbst. Liv. B. II. 6. 482.

**) Der Kaiser, den er der Umgehung des Reichsraths anklagt. Liv. B. II 6. 482.

***) Окр. 1. стр. 31. 32.

порядка разсмотрѣнія законодательныхъ дѣлъ Прибалтійскаго края, помимо общихъ для всей Имперіи совѣщательныхъ учрежденій; онъ желалъ бы, чтобъ Государственный Совѣтъ, созданный верховною властью, вѣдалъ всѣ дѣла вѣдѣнію его подлежащія, на основаніи законовъ служащихъ выраженіемъ Высочайшей воли — слѣдовательно, выводитъ Г. ф. Боккъ, онъ отнимаетъ верховную власть у Императора у передаетъ ее Государственному Совѣту.*)

Далѣе: авторъ Окраинъ говоритъ, что можетъ быть наступитъ такая минута, когда сама верховная власть призоветъ землю на совѣщаніе, слѣдовательно: онъ желаетъ, чтобъ Государственный Совѣтъ *отъ себя* учредилъ народное представительство и положилъ бы конецъ Самодержавію.

Неужели однако дерзость, съ которою приписываются мнѣ всѣ этѣ нелѣпости свидѣтельствуетъ только о слабости Г. ф. Бокка по части Русскаго языка, а не о пораженіи въ немъ внутренняго органа называемаго обыкновенно литературною совѣстью?

Въ одномъ изъ своихъ примѣчаній, авторъ Лифляндскихъ вкладовъ говоритъ о самомъ себѣ „что въ Остзейскихъ губерніяхъ личный кредитъ его, относительно правдивости, такъ твердъ въ кругу друзей и недруговъ, что простое обнаруженіе недовѣрія къ прямымъ его завѣреніямъ, съ первой же минуты показалось бы тамъ притворнымъ или вынужденнымъ.“**)

Если и послѣ сдѣланныхъ мною сличеній того что я говорилъ и думалъ съ тѣмъ что приписываетъ мнѣ Г. ф. Боккъ, этотъ кредитъ его не поколеблется, то конечно неисправимая довѣрчивость Прибалтійской публики будетъ вполнѣ доказана.

---

*) На томъ же основаніи, еслибъ я сказалъ: желательно, чтобъ судебныя дѣла рѣшались не иначе какъ судебными приговорами, Г. ф. Боккъ вывелъ бы изъ моихъ словъ, что я передаю Окружнымъ Судамъ и Палатамъ верховную власть. Donnez-moi une ligne de l'écriture d'un homme et je le fais pendre — въ этомъ искусствѣ Балтійскіе юристы превзошли всѣхъ.

**) L. B. II. 6 423, 424 прим.

Въ томъ же примѣчаніи и въ другихъ мѣстахъ своего изданія, Г. Ф. Боккъ утверждаетъ, что я не посмѣлъ заподозрить достовѣрности ни одного изъ его показаній, и даже пользовался его свидѣтельствами какъ несомнѣнными. Эта прямая на меня ссылка ставитъ меня въ необходимость высказаться съ полною откровенностью. Я прочелъ въ Лифляндскихъ вкладахъ столько небылицъ, и въ томъ числѣ столько совершенно для меня новыхъ біографическихъ подробностей о самомъ себѣ, что уже по одному этому, не говоря о другихъ основаніяхъ, считаю себя въ правѣ ни въ чемъ не вѣрить Г. Ф. Бокку на слово. Личное его свидѣтельство, въ глазахъ моихъ, не имѣетъ ни малѣйшей цѣны; но само собою разумѣется, что это отнюдь не обязываетъ меня отвергать огуломъ всѣ сообщаемыя имъ свѣдѣнія. Онѣ распадаются для меня на три категоріи. Нѣкоторыя изъ нихъ таковы, что не имѣя никакихъ средствъ провѣрить ихъ, я иногда привожу ихъ, безъ всякаго съ своей стороны ручательства за ихъ подлинность, только какъ признаки теперешняго настроенія умовъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Другія, по моему убѣжденію, несомнѣнно достовѣрны, или, по крайней мѣрѣ, весьма вѣроятны, и потому я пользовался ими съ благодарностью, и впредь буду пользоваться, какъ драгоцѣннымъ матерьяломъ. Наконецъ многія положительно невѣрны и даже лживы; я могу это доказать и буду доказывать при случаѣ, когда увижу въ томъ надобность.

Этимъ я разъ навсегда кончаю мои объясненія по личнымъ на меня обвиненіямъ Г. Ф. Бокка. Чего бы онъ въ послѣдствіи на меня ни возводилъ и въ чемъ бы меня ни заподозривалъ, я не пророню ни слова въ свою защиту. Предоставляю ему самому объяснить себѣ причину моего молчанія и перехожу къ другому противнику.

II.

Въ ряду современныхъ дѣятелей, дружными усиліями которыхъ подготовляется политическое обособленіе Прибалтійскаго края, Г. Ширренъ, за долго до выхода его послѣдней брошюры, занималъ уже не послѣднее мѣсто. Онъ служилъ народовому дѣлу своихъ земляковъ двоякимъ образомъ: какъ издатель и какъ преподаватель. Пользуясь неограниченнымъ довѣріемъ Лифляндскаго дворянства открывшаго ему доступъ въ тайники своего сословнаго архива, онъ выбралъ оттуда все что показалось ему пригоднымъ для подкрѣпленія притязаній Остзейскаго провинціялизма и сложилъ свою добычу въ изданныхъ имъ сборникахъ привилегій, капитуляцій, жалованныхъ грамотъ и постановленій Лифляндскихъ ландтаговъ. Это своего рода юридическій арсеналъ заблаговременно припасенный для будущихъ состязаній на почвѣ права. Еще важнѣе и плодотворнѣе (въ смыслѣ Остзейскомъ) была профессорская его дѣятельность въ Дерптскомъ Университетѣ. Здѣсь, встрѣчаясь лицемъ къ лицу съ воспріимчивою молодежью, онъ снаряжалъ живыя силы на боевую службу той партіи, которой самъ былъ орудіемъ и готовилъ будущихъ исполнителей ея программы. По какой то злой насмѣшкѣ судьбы, ему отведена была, какъ предметъ преподаванія, не какая либо другая наука, а именно

Русская исторія, то есть та область знанія, которая для политическаго воспитанія юношества въ духѣ враждебномъ Россіи представляла наиболѣе матерьяла. Это вѣдь не то что алгебра или химія. Теперь, имѣя передъ глазами брошюру Г. Ширрена и исходя изъ простаго предположенія, что профессоръ и публицистъ въ одномъ лицѣ не могли руководствоваться убѣжденіями противоположнаго свойства, мы можемъ составить себѣ довольно вѣрное понятіе о томъ что̀ показывалось подъ именемъ Россіи въ Дерптской его аудиторіи и какого рода впечатлѣнія выносили изъ нея его слушатели. „Русскіе не знаютъ прошедшаго и не имѣютъ будущности“ — это подлинныя слова Г. Ширрена.*) Такого рода научный нигилизмъ, въ Москвѣ или Казани, не далъ бы корня; но пересаженный въ Варшаву или въ Дерптъ, онъ естественно порождаетъ политическій сепаратизмъ. Могъ ли въ самомъ дѣлѣ Г. Ширренъ, не кривя душою, совѣтовать своимъ слушателямъ связать свою судьбу съ судьбою Россіи, когда, по его понятіямъ, это значило бы заживо похоронить себя въ объятіяхъ какого то чудовищнаго продукта слѣпой случайности, обреченнаго на неминуемое разложеніе? Всмотрѣвшись въ тотъ фантастическій образъ, который онъ выводилъ передъ ними подъ именемъ Россіи, могли ли они сами, даже безъ всякихъ совѣтовъ или внушеній съ его стороны, не почувствовать нѣкотораго отвращенія, нѣкоторой боязни заразиться, и очень естественнаго желанія спасти себя для исторической жизни пристроившись къ какому нибудь другому, здоровому организму? Можетъ быть иному читателю покажется страннымъ, что преподаваніе Русской исторіи ввѣрено было лицу не признававшему за Россіею права на историческое бытіе; однако это фактъ, и при оцѣнкѣ его не должно

*) Стр. 105.

забывать, что дѣло происходило въ области состоящей на особыхъ правахъ, во многихъ отношеніяхъ не подходящихъ подъ общепринятыя понятія. Если находятъ возможнымъ оставлять въ Лифляндіи судъ и администрацію въ рукахъ сословія не признающаго обязательности свода законовъ, то ничего особенно мудренаго нѣтъ и въ томъ, что въ лицѣ Г. Ширрена, Остзейскій сепаратизмъ, переименованный въ Русскую исторію, обзавелся на счетъ казны особою каѳедрою и, по распоряженію правительства, сдѣлался, какъ самостоятельная наука, предметомъ обязательнаго преподаванія и обязательнаго слушанія.

Само собою разумѣется, что бывшій попечитель Дерптскаго учебнаго округа, почтенный Графъ Кейзерлингъ, этого и не подозрѣвалъ; его берегли, и политическое исповѣданіе Г. Ширрена, до послѣдней минуты окончательнаго его разоблаченія передъ всею публикою, оставалось для него непроницаемою тайною.*) Но въ подобныхъ случаяхъ, учащаяся молодежь бываетъ обыкновенно зорче своихъ руководителей. Она, какъ кажется, высоко цѣнила даровитаго профессора оберегавшаго ея будущность спасительными своими предостереженіями, и при первомъ удобномъ случаѣ, по своему выразила ему свое сочувствіе, перебивъ окна и задавъ кошачій концертъ другому профессору того же Университета, безвинно заподозрѣнному въ неодобреніи политическаго православія Г. Ширрена. Надобно полагать,

---

*) По слухамъ, кажется достовѣрнымъ, Графъ Кейзерлингъ даже не ожидалъ появленія брошюры Г. Ширрена, о которой, до выхода ея, иностранныя газеты проговаривались въ довольно прозрачныхъ намекахъ. По прочтеніи ея, онъ былъ глубоко огорченъ и озадаченъ, ganz bestürzt, и чуть ли не первый представилъ ее въ Петербургъ, послѣ того какъ цѣлый заводъ ея разошелся по рукамъ въ Ригѣ и Дерптѣ. Говорятъ даже, что онъ самъ потребовалъ удаленія Г. Ширрена отъ каѳедры Русской исторіи, которую послѣдній занималъ не болѣе какихъ нибудь пяти или шести лѣтъ. Любопытно знать изъ какого Нѣмецкаго города выпишутъ ему преемника?

что въ новѣйшихъ Аѳинахъ нашей Великой Греціи (какъ назвалъ недавно Лифляндію одинъ изъ ея сыновъ*) подобнаго рода манифестаціи считаются признакомъ высшей культуры и заявленіемъ уваженія къ свободѣ мнѣній.

Все было шито и крыто до появленія „Окраинъ Россіи." Къ несчастію, эта вредная книга нарушила на время тишину и стройное согласіе стремленій, которыми наслаждался не только Дерптскій Университетъ, но и весь Остзейскій край. Фактическая сторона ея на столько обратила на себя вниманіе Русской публики, что почувствовалась надобность отвѣтить на нее чѣмъ нибудь по серьезнѣе площадной брани и тогда взоры всѣхъ естественно остановились на Г. Ширренѣ. Его спеціяльная научная подготовка, въ связи съ извѣданною непріязнью его къ Россіи, прямо на него указывали какъ на человѣка болѣе другихъ способнаго найти приличное выраженіе для накипѣвшей досады, и онъ не отказался сослужить своимъ землякамъ эту послѣднюю службу, хотя конечно и онъ и они не могли не предвидѣть, что послѣ этого каѳедра Русской исторіи, такъ удачно имъ приспособленная къ мѣстнымъ потребностямъ края, едвали за нимъ останется.

Выходки противъ моей личности, которыми Г. Ширренъ пересыпалъ свою книгу, вѣроятно въ надеждѣ оскорбить меня, не помѣшаютъ мнѣ отдать ему подобающую справедливость. Онъ выполнилъ свою задачу въ совершенствѣ. Нельзя было сказать больше и лучше, то есть

---

*) „Быть гаванью и Великою Грецією Россіи: таково политическое призваніе нашего Остзейскаго края." — Смот. брошюру: Политическое призваніе Остзейскаго края, Очеркъ. Б. К. Г. С. Петерб. 1870 стр. 53. Неизвѣстный авторъ этой брошюры совѣтуетъ Русскимъ учиться не въ заграничныхъ и не въ Русскихъ Университетахъ, а въ Дерптскомъ „такъ какъ чисто Русскіе Университеты не окружены еще со всѣхъ сторонъ общимъ духомъ образованности въ той степени въ какой онъ въ Остзейскомъ краѣ проникъ уже во всѣ почти слои общества и т. д. (стр. 36). Въ самомъ дѣлѣ, Katzenmusik мы еще не успѣли перенять у нашихъ просвѣтителей.

обиднѣе для Россіи и лестнѣе для Остзейцевъ; но послѣ этой книги, для нихъ: становится невозможнымъ отступленіе, а для насъ: дальнѣйшее игнорированіе дѣйствительнаго положенія дѣлъ на нашей Прибалтійской окраинѣ. Авторъ бросилъ замаскированныя позиціи съ такимъ долготерпѣніемъ укрѣпленныя на черный день Остзейскими стратегиками старой школы, онъ разнесъ за собою мосты и пожегъ свои корабли. Книга его знаменуетъ крутой переломъ въ прежней Балтійской тактикѣ (на чтобы онъ конечно не рѣшился безъ благословенія своихъ руководителей) и въ этомъ, главнѣйшимъ образомъ, заключается ея значеніе, а въ моихъ глазахъ, ея великое достоинство.

Передъ выпускомъ моего введенія въ первую серію Окраинъ Россіи, я старался предугадать какъ отнесутся къ нему люди серьезные, или слывущіе таковыми, и всякій разъ сличеніе тѣхъ выводовъ, къ которымъ привели меня личныя мои наблюденія съ господствующими у насъ представленіями объ Остзейскомъ краѣ, приводило меня въ раздумье. Многіе ли возьмутъ на себя трудъ провѣрить общепринятыя, да еще въ добавокъ успокоительныя мнѣнія, избавляющія отъ тяжелыхъ заботъ, не требующія ни изысканія новыхъ мѣръ, ни рѣшимости на приведеніе ихъ въ исполненіе? Скажутъ, что я преувеличиваю, увлекаюсь, пожалуй даже клевещу — это вѣдь гораздо легче чѣмъ переувѣриться и признать дѣйствительность на первый взглядъ невѣроятнаго. Я ссылаюсь на Г. Ф. Бокка; но мнѣ возразятъ, что изолированная личность ничеге не значитъ, притомъ еще личность никогда не пользовавшаяся популярностью въ кругу своихъ, извѣстная неуживчивостью своего характера, крайностью своихъ мнѣній и въ послѣднее время порвавшая всѣ свои связи съ родиною. Г. Ф. Боккъ самъ по себѣ, а благоразумное большинство Остзейскаго общества само по себѣ; между ними нѣтъ солидарности и горячечный бредъ перваго не

можетъ служить симптомомъ политическаго темперамента послѣдняго. Я указываю на факты, привожу выписки изъ подлинныхъ бумагъ; но серьезные люди улыбнутся и скажутъ, что это исключенія, случайности, которыхъ нельзя обобщать. Наконецъ, мнѣ возразятъ свидѣтельствомъ Остзейцевъ проживающихъ въ Петербургѣ и пользующихся заслуженнымъ довѣріемъ Правительства: „они де очень хорошо понимаютъ необходимость тѣснѣйшаго объединенія ихъ края съ Россіею, лишь бы дали время объединенію совершиться исподоволь, свободно, и не вздумали бы поступать съ нимъ какъ съ мятежною Польшею. Вѣдъ это такъ?“

Все это я дѣйствительно слышалъ и все что смущало меня сбылось; но признаюсь, я не предугадывалъ, что сами противники мои, собственными своими признаніями, выведутъ меня изъ затруднительнаго положенія и подслужатся мнѣ такими подтвержденіями, послѣ которыхъ мнѣ останется только посторониться и предоставить имъ говорить за меня. Прошу читателей вникнуть въ нижеслѣдующее простое сопоставленіе моихъ словъ съ свидѣтельствами Г. Ширрена.

Къ числу мнимыхъ моихъ натяжекъ и явныхъ будто бы невозможностей выдаваемыхъ мною за дѣйствительность, разсудительные люди отнесли заявленіе мое, что изданный правительствомъ сводъ мѣстныхъ узаконеній для губерній Остзейскихъ въ настоящее время утратилъ въ томъ краѣ свою силу и не считается обязательнымъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ бывшій Дерптскій профессоръ: „что не имѣетъ по себѣ обязательной силы закона, то не пріобрѣтаетъ ея, хотя бы и включено было въ сводъ, и на оборотъ, что имѣетъ силу закона по себѣ, не теряетъ ея, хотя бы и не нашло мѣста въ сводѣ“*). Другими сло-

*) Стр. 143.

вами: такъ какъ сводъ есть собраніе *всѣхъ* постановленій имѣющихъ силу и дѣйствіе, или короче *всѣхъ законовъ*, то выходитъ по аргументаціи Г. Ширрена, что въ немъ могутъ встрѣчаться юридическіе афоризмы не имѣющіе обязательной силы закона дѣйствующаго, и равномѣрно, внѣ свода, могутъ существовать законы дѣйствующіе и обязательные, хотя они и не вошли въ него. Слѣдовательно, помѣщеніе или непомѣщеніе въ сводѣ того или другаго правила не можетъ служить признакомъ для безошибочнаго различенія законовъ дѣйствующихъ отъ постановленій отмѣненныхъ или утратившихъ обязательную силу, а совершенно на оборотъ: по большей или меньшей сообразности свода съ тѣмъ, что считается въ краѣ закономъ дѣйствующимъ, подобаетъ судить о большей или меньшей степени обязательности свода, и потому вопросъ о томъ: что законъ и что не законъ? не разрѣшается изданіемъ свода, а остается по прежнему открытымъ. Между тѣмъ, извѣстно, что предпринимая нелегкій трудъ извлеченія свода общихъ и мѣстныхъ узаконеній изъ груды накопившагося въ теченіи вѣковъ юридическаго матерьяла, правительство руководилось, не однимъ желаніемъ потѣшить себя размѣщеніемъ этого матерьяла по рубрикамъ, а прежде всего глубокимъ убѣжденіемъ въ дознанной опытомъ необходимости, однимъ законодательнымъ актомъ, порѣшить наконецъ именно этотъ вопросъ. Въ указѣ, при которомъ обнародованы были первыя двѣ части мѣстныхъ узаконеній для губерній Остзейскихъ, значилось: „Мы повелѣли второму Отдѣленію Собственной Канцеляріи Нашей собрать, привести въ точную извѣстность и опредѣлительность *всѣ* имѣющія силу въ Остзейскомъ краѣ постановленія, потомъ изложить ихъ въ порядкѣ совершенно соотвѣтствующемъ плану общаго свода законовъ Имперіи и т. д.“ и правительство, какъ кажется, пребывало доселѣ въ сладкой увѣренности, что второе Отдѣленіе, разные Комитеты, Ком-

миссіи и послѣ всѣхъ Государственный Совѣтъ, разсматривавшіе проэктъ мѣстнаго свода, исполнили удовлетворительно возложенную на нихъ задачу; но Г. Ширренъ думаетъ объ этомъ иначе и объявляетъ намъ, что сводъ законовъ не представляетъ полнаго итога законовъ дѣйствующихъ. Далѣе, въ пунктѣ 1мъ распорядительной части того же указа, правительство выразило положительное требованіе, чтобы съ 1го Января 1846, первыя двѣ части свода мѣстныхъ узаконеній воспріяли *полную силу и дѣйствіе закона;* но и на это Г. Ширренъ согласиться не можетъ, ибо въ сводъ могли попасть и такія статьи, которымъ онъ и друзья его вовсе не намѣрены подчиняться. Наконецъ тѣмъ же указомъ было повелѣно приводить и примѣнять статьи мѣстнаго свода на томъ же основаніи какъ дѣлаются подобныя указанія на статьи общаго свода законовъ Имперіи; но вѣдь и это требованіе основано было на признаніи обязательности свода какъ установленнаго мѣрила законности, а если законность самаго свода подвержена сомнѣнію, то очевидно гораздо удобнѣе и вѣрнѣе ссылаться прямо на источники, на привилегію Сигизмунда Августа, на Ништатскій трактатъ и на другіе акты, которыхъ законность и обязательность стоитъ превыше всякаго сомнѣнія. Такъ теперь и дѣлаютъ.

Что же послѣ этого сводъ? спроситъ вѣроятно читатель. Что онъ не новый законъ, не уложеніе — это мы знали и прежде, а теперь узнаемъ, что нельзя признать его и за полный итогъ всѣхъ дѣйствующихъ и притомъ только однихъ дѣйствующихъ законовъ, въ отличіе отъ недѣйствующихъ. Какая же разница между сводомъ и ни для кого необязательною компиляціею составленною какимъ нибудь частнымъ лицемъ? Съ точки зрѣнія Г. Ширрена, разницы нѣтъ, и сводъ превращается въ литературное упражненіе Г. Г. Бреверна, Сиверса, Бунге и Самсона, только напечатанное не на ихъ счетъ, а на счетъ казны.

Въ сущности, это воззрѣніе не заключаетъ въ себѣ для людей сколько нибудь знакомыхъ съ понятіями Остзейскихъ юристовъ, ничего особенно новаго. Туже мысль о сомнительности обязательной силы мѣстнаго свода проводилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ тамошнихъ ученыхъ, который въ добавокъ еще самъ принималъ дѣятельное участіе въ его составленіи; но Г. Ширрену удалось вычитать подтвержденіе Балтійскаго понятія о сводѣ законовъ (то есть въ сущности отрицаніе свода какъ полнаго итога дѣйствующихъ мѣстныхъ законовъ) въ томъ самомъ Высочайшемъ указѣ, при которомъ онъ былъ обнародованъ.*) Въ этомъ состоитъ личная заслуга Г. Ширрена и я прошу позволенія остановить на ней вниманіе читателей какъ на образчикѣ діалектическихъ пріемовъ его въ истолкованіи текстовъ. Въ послѣднемъ, 5мъ пунктѣ упомянутаго указа значится буквально: „въ отношеніи къ сему своду мѣстныхъ узаконеній губерній Остзейскихъ, коимъ, также какъ и общимъ сводомъ законовъ Имперіи, не измѣняются ни въ чемъ сила и дѣйствіе существующихъ постановленій и оныя только приводятся въ единообразіе и систему, порядокъ установленный на случаи неясности самаго закона въ существѣ его, или же недостатка или неполноты въ его изложеніи, для поясненія и дополненія законовъ остается тотъ же какой существовалъ донынѣ.“ Приведенный пунктъ указа, какъ видитъ читатель, содержитъ въ себѣ два предложенія, одно главное, другое вставочное. Оба относятся именно къ своду, а не къ чему либо иному, и смыслъ обоихъ, для всякаго понимающаго по Русски и не мудрствующаго лукаво совершенно ясенъ. Главнымъ предложеніемъ примѣняется къ своду законовъ прежній порядокъ установленный для разрѣшенія вопросовъ о

*) Именной 1 Іюля 1845 № 19146.

поясненіи и дополненіи дѣйствующихъ законовъ, чѣмъ еще разъ подтверждается, что всякая статья свода есть въ полномъ смыслѣ дѣйствующій законъ. Въ вставочномъ же предложеніи, поясняется разница между сводомъ, какъ систематическимъ итогомъ дѣйствующихъ законовъ и новымъ закономъ или уложеніемъ. Теперь посмотримъ: что открылъ въ этой статьѣ зоркій взглядъ Г. Ширрена. Я перевожу буквально: „въ указѣ предусматривается, что можетъ встрѣтиться неясность, недостатокъ, неполнота въ изложеніи того, что имѣетъ силу закона, и заявляется требованіе, чтобы подобные случаи не вели къ ослабленію силы и дѣйствія самыхъ законовъ. *Самыхъ законовъ!* (Г. Ширренъ повторяетъ эти два слова и перепечатываетъ ихъ крупнымъ шрифтомъ) слѣдовательно, насъ опять таки обращаютъ къ источникамъ, которые древнѣе этого мѣстнаго свода, къ правамъ, обычаямъ, уставамъ, привилегіямъ и льготамъ имѣвшимъ силу и дѣйствіе прежде чѣмъ онъ воспріялъ силу и дѣйствіе „къ жалованнымъ грамотамъ и указамъ нашихъ высокихъ Прародителей“ и такимъ образомъ, идя вспять, шагъ за шагомъ, отъ 1856 къ 1827, отъ 1827 къ 1801, къ 1796, 1762, 1742, 1741, 1728, 1725, 1721, до Ништатскаго мирнаго трактата и до конфирмацій 1710 года, мы опять очутимся у самаго источника нынѣ дѣйствующаго нашего права и нашихъ законовъ, далеко выше всевозможныхъ кодификацій, конфискацій и т. д.*) Итакъ, Высочайшій указъ, говоря о сводѣ законовъ, различаетъ въ немъ содержаніе (*самый законъ* по существу) отъ формы или редакціи, а Г. Ширренъ, посредствомъ довольно ловкой подтасовки понятій, подвертываетъ читателю, вмѣсто формы — сводъ, а вмѣсто содержанія: самый законъ, какъ нѣчто остающееся въ силѣ внѣ свода, и выходитъ, что сводъ самъ по себѣ, а

*) Стр. 143.

законъ самъ по себѣ. Если Вы затѣмъ всетаки пожелаете узнать: чтоже такое эти *самые законы*, то Вамъ укажутъ на тѣ 32 фоліанта всякаго рода Латинскихъ, Нѣмецкихъ, Польскихъ и Шведскихъ документовъ, которыми Остзейскіе дѣльцы, при первомъ приступѣ къ составленію свода мѣстныхъ узаконеній, думали застращать Правительство и отбить у него охоту когда либо вывести на свѣтъ Божій секреты Остзейскаго права; а если Вы не испугаетесь и позволите себѣ замѣтить, что вѣдь это не болѣе какъ собраніе расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ матьерьяловъ и что вся задача состоитъ именно въ извлеченіи изъ нихъ обязательныхъ законовъ, сохраняющихъ донынѣ силу и дѣйствіе, то Вамъ дадутъ почувствовать, что Вы черезъ чуръ любопытны, и что на то есть мѣстные юристы, до которыхъ Вамъ нѣтъ никакого дѣла, но которые пожалуй не откажутся, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, давать Вамъ нужныя объясненія и подходящія къ дѣлу справки. Словомъ: Вамъ присовѣтуютъ вернуться къ старой практикѣ прошлаго вѣка, когда Сенатъ, по поводу каждой поступавшей къ нему изъ Остзейскихъ губерній жалобы или просьбы, начиналъ съ того, что спрашивалъ: какіе же именно законы дѣйствуютъ въ томъ краѣ? по нѣскольку лѣтъ не получалъ отвѣта, или получалъ отвѣты уклончивые, сердился, выходилъ изъ себя, и наконецъ кончалъ всетаки тѣмъ, что не добившись толку, подписывалъ опредѣленіе подсунутое ему какимъ нибудь подосланнымъ оттуда же Нѣмецкимъ ябедникомъ.

Изъ вышеприведенныхъ сужденій Г. Ширрена о силѣ и значеніи свода мѣстныхъ узаконеній само собою обнаруживается, что онъ порицаетъ въ немъ не исполненіе, а самую задачу поставленную Цравительствомъ. Всякая вообще попытка ввести установленія и обычаи Прибалтійскаго края въ систему общихъ и мѣстныхъ законовъ есть уже сама по себѣ посягательство на мѣстное провинціяльное

право и актъ произвола; ибо, по новѣйшей Балтійской теоріи, мѣстныя, юридическія особенности этого края имѣютъ свое основаніе не въ законахъ, а въ государственныхъ договорахъ, и международныхъ обязательствахъ. Этимъ отрицается законность всего мѣстнаго свода огульно, а не того или другаго постановленія въ немъ содержащагося. Во второй статьѣ этого свода сказано положительно, что какъ общіе законы дѣйствующіе единообразно въ Имперіи, такъ и узаконенія мѣстныя заимствуютъ силу свою отъ единой власти самодержавной.

Неправда — отвѣчаетъ на это Г. Ширренъ: „Общій сводъ Имперіи дѣйствительно исходитъ всецѣло отъ верховной неограниченной власти, но мѣстный сводъ выросъ отъ другаго, собственнаго своего корня; онъ содержитъ въ себѣ часть подверженную измѣненіямъ и часть неизмѣнную; поэтому, признаніе его не зависитъ исключительно отъ верховной неограниченной власти, а отчасти отъ тойже верховной власти ограничившей самое себя.“*)

Я теперь не спрашиваю: кто правъ и кто ошибается, Г. Ширренъ, и съ нимъ за одно вся Балтійская интеллигенція, или высшія Правительственныя учрежденія и сама верховная власть утвердившая мѣстный сводъ? Мое дѣло указать на коренное противорѣчіе въ ихъ понятіяхъ. Оно такъ существенно, что самая возможность возникновенія и укорененія его представляетъ собою явленіе въ своемъ родѣ безпримѣрное. Легко сказать: верховная власть и цѣлая область расходятся въ своихъ понятіяхъ объ источникѣ законодательной власти, и этого до сихъ поръ не замѣчали, по крайней мѣрѣ не заявляли наши

*) Seine Anerkennung (des Provinzial-Swod) ruht nicht allein bei der souverainen Macht die unbeschränkt ist, sondern, zum andern Theile — bei der souverainen Macht, die sich selbst beschränkt hat. Стр. 157. Также стр. 43, 44.

кавалерійскіе генералы управлявшіе краемъ! А меня обвиняютъ въ натяжкахъ и преувеличеніяхъ!

Да не подумаетъ читатель, чтобы протестъ Г. Ширрена противъ второй статьи мѣстнаго свода относился собственно къ нынѣшней формѣ верховной законодательной власти. Его возмущаетъ не право Самодержца, по личному своему усмотрѣнію, издавать и отмѣнять законы, а вообще введеніе Остзейскаго края въ общую для всей Имперіи систему законовъ и подчиненіе его законодательной власти дѣйствующей во всей Имперіи, въ какихъ бы впрочемъ формахъ и подъ какими бы условіями эта власть ни проявлялась.*) Для уясненія дѣла, заглянемъ впередъ; предположимъ, что нынѣшняя форма правленія измѣнилась и что вся Россія, и въ составѣ ея Балтійскія губерніи на равныхъ правахъ съ другими, допущены въ лицѣ своихъ представителей къ участію въ законодательствѣ; законы составляются, утверждаются, вводятся въ дѣйствіе и отмѣняются уже не однимъ Самодержцемъ, а въ совокупности съ народнымъ представительствомъ и не иначе какъ съ вѣдома и согласія всей земли. Царство единоличнаго произвола кончилось, а протестъ Г. Ширрена всетаки остается во всей своей силѣ, и при первой попыткѣ будущаго народнаго представительства облечь свою коллективную волю въ форму закона обязательнаго для Балтійскаго края, тамошніе депутаты, ученики Г. Ширрена, должны будутъ встать и, обращаясь къ земской Думѣ, повторить тотъ самый аргументъ, которымъ онъ теперь подрываетъ силу законодательной воли единаго Самодержца. Онъ самъ предусмотрѣлъ этотъ случай и подготовилъ на него отвѣтъ: власть зоконодательнаго учрежденія, единоличнаго или коллективнаго — всеравно, не можетъ выходить изъ предѣловъ опредѣляемыхъ закономъ, а наши мѣстныя права

*) Стр. 45, 46, 47, 61.

имѣютъ основаніе не въ законахъ, а въ государственномъ договорѣ; трактатъ выше законовъ; онъ утвержденъ разъ навсегда и ваше народное представительство обязано передъ нимъ склониться.*)

Безъ законовъ однако обойтись нельзя, а неизбѣжное движеніе законодательства предполагаетъ законодательную власть. Кому-же принадлежитъ эта власть? Выслушайте отвѣтъ Г. Ширрена; онъ разрѣшитъ Вамъ всѣ сомнѣнія: „при заключеніи договора съ Россіею, Лифляндскія корпораціи выговорили себѣ полнѣйшую автономію и она была признана за ними на вѣчныя времена. Автономія заключаетъ въ себѣ, вопервыхъ, право корпорацій оставаться тѣмъ, что онѣ суть (zu bleiben was sie sind)."**) — Иными словами: право остановить всякое преобразованіе идущее сверху рѣшительнымъ veto. „Не позволямъ" — и дѣлу конецъ — „Во вторыхъ, права преобразовываться изнутри, пользуясь при этомъ заключенными договорами какъ прикрытіемъ отъ всякаго принужденія извнѣ" т. е. со стороны правительства. Итакъ, корпораціи могутъ всему помѣшать и все что имъ вздумается съ собою сдѣлать; правительство не можетъ ничего ни сдѣлать отъ себя ни остановить. Трудно было бы выразить отрицаніе государственной законодательной власти въ формѣ болѣе категорической. Строго логическое примѣненіе этой теоріи приводитъ Г. Ширрена между прочимъ къ слѣдующему сужденію. Извѣстно, что Императрица Екатерина II, будучи сама Нѣмка по происхожденію, не считала себя обязанною благоговѣть передъ Нѣмецкими порядками Балтійскаго края, а относилась къ нимъ довольно свободно и даже критически. Всмотрѣвшись въ нихъ пристально, и неожидая ничего путнаго отъ иниціятивы мѣстныхъ со-

*) Стр. 159.
**) Стр. 187.

словій, она, не испрашивая у нихъ разрѣшенія, собственною своею властью, преобразовала на общихъ для всей Имперіи основаніяхъ все мѣстное управленіе, введя въ томъ краѣ положенія о намѣстничествахъ и о городахъ. О теоріи Г. Ширрена Императрица какъ видно ничего не знала, не знали и сами Остзейцы того времени, безропотно подчинившіеся ея требованіямъ. Спрашивается: хорошо ли они поступили? Такъ нехорошо, отвѣчаетъ Г. Ширренъ „что въ наказаніе за покорность (Unterwürfigkeit) съ которою они приняли Екатерининскій законъ, стоило бы продержать ихъ долѣе подъ его гнетомъ.“ *) Строгость этого приговора можетъ служить свидѣтельствомъ происшедшей съ тѣхъ поръ перемѣны въ понятіяхъ. Нынѣшніе Остзейцы давно образумились, покаялись за своихъ дѣдовъ, и конечно не впадутъ въ тотъ же грѣхъ унизительнаго повиновенія законамъ. Мы давно могли убѣдиться въ этомъ на практикѣ, а теперь мы предупреждены вдвойнѣ — намъ разъяснено почему такъ должно быть.

Примѣръ Екатерины уяснилъ намъ чего верховная законодательная власть не должна себѣ позволять, буде она не желаетъ наткнуться на систематическое неисполненіе законовъ, возведенное новѣйшею Балтійскою теоріею въ гражданскій долгъ. Оставалось показать какимъ порядкомъ и на какихъ условіяхъ позволительно измѣнять существующіе законы, приспособляя ихъ къ требованіямъ времени. Тутъ Г. Ширренъ ссылается на Петра I, завѣщавшаго своимъ преемникамъ для ихъ руководства „великое ученіе о *балансированіи равноцѣнныхъ правъ* (die grosse Lehre von der Aequivalenz der Rechte) которое онъ самъ проповѣдывалъ на практикѣ.“ Это нѣсколько загадочное выраженіе объясняется слѣдующимъ примѣромъ. Сомнительной

*) Стр. 186.

подлинности привилегія Сигизмунда Августа признавала за дворянствомъ, между прочимъ, право живота и смерти надъ крестьянами (das Recht über Hals und Hand). Петръ I спеціяльно подтвердилъ ее и обѣщался возстановить дворянство во всѣхъ прежнихъ правахъ его (in integrum). При этомъ, онъ конечно включилъ въ конфирмацію аккордныхъ пунктовъ оговорку: „елико оныя (права и привилегіи) къ нынѣшнему правительству и времени приличаются“ и всетаки (замѣчаетъ Г. Ширренъ) онъ поступилъ не по Вашему (т. е. не по моему) не отмѣнилъ этого права собственною своею властью, а выждалъ пока само дворянство заявило, что оно не требуетъ его возстановленія. Мало того, и тогда оно было не отнято, а замѣнено другимъ; ибо въ противномъ случаѣ возстановленіе въ прежнихъ правахъ было бы не полно, не всецѣло. Привилегіи вообще подлежатъ не сокращенію, а напротивъ умноженію (sind zu mehren, nicht zu mindern), и оттого, когда дворянство добровольно отреклось отъ своего права, Царь урѣзалъ отъ своихъ верховныхъ правъ сколько призналъ за нужное для вознагражденія дворянства и предоставилъ ему замѣщеніе всѣхъ судебныхъ должностей. Въ Россіи, выборъ судей, до недавней отмѣны его, имѣлъ характеръ Монаршей милости, въ Лифляндіи, онъ основанъ на правѣ.“*)

Фактъ этотъ, въ томъ значеніи какое придаетъ ему Г. Ширренъ, то есть какъ образецъ для будущаго, какъ частный случай, въ которомъ наглядно выразилось ученіе о такъ называемомъ балансированіи правъ — это непремѣнное условіе правильнаго движенія въ области законодательства, дѣйствительно крайне поучителенъ. Отмѣна прежняго права, въ приведенномъ случаѣ, очевидно вызывалась не частными интересами власти, а высшими

*) Стр. 189.

соображеніями нравственнаго свойства — законность и равноправность постепенно вытѣсняли частный произволъ и привиллегированность, слѣдовательно это было пріобрѣтеніе для всѣхъ, для всего края, а не для одного правительства, а всетаки расплатиться за него пришлось правительству. Хорошо что позднѣе не вздумали примѣнить эту систему къ отмѣнѣ пытки; иначе за нее вѣроятно заломили бы такую цѣну, что пожалуй и сдѣлка бы не могла состояться. Но и впереди предстоитъ еще много всякаго рода преобразованій и потому не мѣшало бы серьезно сообразить: не ведетъ ли законодательная инициятива къ неизбѣжному Правительственному банкротству? Предположимъ, на примѣръ, что Правительство захотѣло бы ввести въ Лифляндіи судъ присяжныхъ, котораго тамъ, кажется, не долюбливаютъ*), или передать дѣла земскаго хозяйства, нынѣ находящіяся въ исключительномъ вѣдѣніи дворянства, какому нибудь всесословному представительству въ родѣ нашихъ земскихъ Управъ и собраній. Дворянство конечно сперва поламается, чтобъ сразу не уронить цѣны, потомъ, движимое высшими побужденіями рыцарскаго великодушія, рѣшится на благородное самозакланіе и наконецъ представитъ подробный счетъ съ точною оцѣнкою своего безкорыстнаго пожертвованія. Чѣмъ же мы отдаримъ его? Дадимъ ли мы ему верховный провинціальный трибуналъ, въ которомъ бы засѣдали непремѣнно чистокровные Остзейцы, или право назначать по своему выбору членовъ Остзейскаго Комитета? Или, не потребуетъ ли Лифляндія, по примѣру Финляндіи, чтобъ наши ассигнаціи не пользовались въ ея предѣлахъ принудительнымъ курсомъ? А далѣе, лѣтъ черезъ десять или двадцать, когда возникнутъ новыя потребности, когда придется входить въ новыя коммерческія сдѣлки и распла-

*) стр. 86.

чиваться за новыя пожертвованія? ... Скорое истощеніе правительственнаго капитала вознагражденія такъ очевидно, что невольно приходитъ на умъ: не лучше ли, во избѣжаніе угрожающаго банкротства, просто на просто отказаться заразъ отъ законодательной власти? Чуть ли не къ этому и склоняетъ насъ Г. Ширренъ, прикрывая свой добрый совѣтъ теоріею балансированія равноцѣнныхъ правъ, вѣроятно не мало насмѣшившею его самаго и добрыхъ друзей его, посвященныхъ во всѣ его заднія мысли.

Я сказалъ, что Русская національность въ Остзейскомъ краѣ не пользуется, не только преимуществами господствующей, но даже равноправностью съ Нѣмецкою, и что, вслѣдствіе этого, Русскіе люди въ тамошнихъ городахъ находятся до сихъ поръ на положеніи терпимыхъ пришельцевъ. Мнѣ отвѣчали, что это фантазія и при томъ зловредная; фантазія потому, что этого быть недолжно и слѣдовательно не можетъ быть, а зловредная потому, что противопоставленіемъ двухъ народностей раздувается племенная вражда. Выслушайте же Г. Ширрена: „нѣтъ сомнѣнія, что естественную границу Имперіи образуетъ Балтійское прибрежье, но одинаково несомнѣнно, что господствующей породѣ (der herrschenden Race) положена граница у Чудскаго озера; за этою чертою господство ея превращается въ иго.“ —

Далѣе: „здѣсь (въ Балтійскомъ краѣ) Русскіе занимаютъ такое точно положеніе, какое должны занимать по праву и какое изстари занимали на дѣлѣ. *Они гости,* и въ качествѣ гостей, могутъ у насъ жить, но не должны у насъ обстраиваться. Но къ несчастью, какъ бы хорошо ни жилось въ гостяхъ, гость всетаки былъ бы не прочь и похозяйничать въ чужомъ домѣ, пока въ погребѣ и подвалѣ водятся кое какіе запасы,“ (sie sind Gäste mit dem Vorrechte des Gastes zu wohnen ohne zu

bauen).*) Дѣло ясно: въ Балтійскомъ краѣ люди Русской породы считаются чужими; они не пользуются, да и не должны пользоваться, положеніемъ полноправныхъ гражданъ; они тоже, что Французы, Итальянцы или Англичане. Но вѣдь однако этотъ край всетаки есть часть Имперіи носящей названіе Россійской вѣроятно потому, что совокупленіе въ одно политическое цѣлое составныхъ ея элементовъ было дѣломъ не Татаръ, не Хивинцевъ и не Нѣмцевъ, а именно людей Русской породы; стало быть, въ этомъ смыслѣ, какъ государственное пріобрѣтеніе, Лифляндія принадлежитъ намъ и мы, повидимому, имѣли бы нѣкоторое основаніе, по крайней мѣрѣ наравнѣ съ другими согражданами нашими принадлежащими къ другимъ (не породамъ) а племенамъ, ступивъ на ея почву, считать себя дома, а не въ гостяхъ? — Съ чего Вы это взяли, отвѣчаетъ Г. Ширренъ. „Почва, на которой мы стоимъ, принадлежитъ Царю, Имперіи и намъ, но отнюдь не народу Вашему.**) — Чтобъ добыть ее, нужны были неимовѣрныя усилія — этого я не отрицаю, но Вашъ народъ не имѣетъ доли въ добычѣ и пора наконецъ заявить это“ (der Boden, auf dem wir stehen, gehört nicht ihrem Volke, nächst Kaiser und Reich ist er unser etc. Ihr Volk hat keinen Antheil am Preise und es ist gut es zu constatiren etc.***)

Изучая исторію Сѣверной войны, продолжаетъ Г. Ширренъ, я напрасно искалъ въ числѣ участвовавшихъ въ ней народа одушевленнаго сознаніемъ своего историческаго призванія; народа неоказалось — его никто не спрашивалъ, никто не собиралъ земской Думы на совѣтъ. Я видѣлъ только мѣднаго всадника возсѣдавшаго на упрямомъ конѣ, которому онъ всаживалъ свои шпоры въ бока, и конь кобенился, становился на дыбы и всетаки покорялся

*) Стр. 94 и 95.
**) Стр. 115.
***) Стр. 115, 117.

своему повелителю. Скажите, въ самомъ дѣлѣ: гдѣ была Россія въ то время когда Царь на морѣ и на сушѣ встрѣчалъ враговъ своей Имперіи? Искать ли ея между Олонецкими плотниками, или Воронежскими крестьянами, или тѣми мошенниками, которыхъ воротили съ пути въ Сибирь строить новую столицу? Или, не обратиться ли за справками къ Соловецкимъ монахамъ, къ приволжскимъ бурлакамъ, къ стрѣльцамъ, къ старовѣрамъ, къ бородачамъ, къ обритымъ, приберегавшимъ свои бороды ко дню послѣдняго суда, или къ духовенству, или къ Астраханскимъ бунтовщикамъ и т. д.*)

Эта краснорѣчивая выходка, которую я привожу въ сокращеніи, крайне поучительна. Петръ I воевалъ, мирился и раздвигалъ предѣлы своей державы самъ по себѣ, отъ себя и для себя, а вовсе не по уполномочію отъ Русскаго народа и не въ качествѣ его представителя. Народъ не оказывалъ сознательнаго и вольнаго содѣйствія своему повелителю; напротивъ, онъ мѣшалъ насколько могъ осуществленію великихъ его предначертаній и, тѣмъ самымъ, лишилъ себя всякаго права примазываться къ нему заднимъ числомъ.

Послѣ такой отповѣди, намъ повидимому оставалось бы только раскланяться, отойти въ сторону и въ утѣшеніе себѣ прибавить новый стихъ къ извѣстному Виргиліеву четверостишію: sic vos non vobis etc. Но бывшій Дерптскій Профессоръ и знатокъ Русской исторіи, самою суровостью приговора, которымъ онъ побиваетъ наши скромныя надежды въ настоящемъ, наводитъ насъ на новую мысль, до которой, безъ помощи его, мы вѣроятно бы не додумались. Кто знаетъ: и мы со временемъ преобразимся можетъ быть изъ породы въ народъ, изъ подданныхъ въ гражданъ — я знаю, что въ Дерптѣ это ка-

*) Стр. 117, 118, 119, 140.

жется не сбыточнымъ, но вѣдь бываютъ на свѣтѣ и не такія чудеса. Можетъ быть измученный конь съ надодранными боками, котораго намъ сей часъ показывали, къ изумленію своихъ конюховъ, обрѣтетъ голосъ — вѣдь и Валаамова ослица заговорила — тогда ничто не помѣшало бы поднять вопросъ съизнова и сказать, что такъ какъ Петръ I давалъ обѣщанія за себя и за своихъ наслѣдниковъ, а не за насъ, не призывая Земской Думы на совѣтъ, то мы, не считая себя связанными его словомъ, полагали бы обсудить вновь ....

— Что Вы это! прерываетъ меня Г. Ширренъ: „державная воля высказалась разъ навсегда и Ваше будущее народное представительство обязано передъ нею склониться.“*)

Итакъ, Дерптская логика дошла до слѣдующаго результата: Когда Царь, совокупными силами своей державы, что нибудь пріобрѣтаетъ, народъ не долженъ претендовать на долю въ его пріобрѣтеніи, ибо Царь и народъ не одно лице; а когда Царь выдаетъ обязательства, весь народъ долженъ считать себя связаннымъ, ибо Царь и народъ одно лице. Въ барышахъ намъ нѣтъ части, а за долги мы отвѣчаемъ.

Я сказалъ, что въ Прибалтійскомъ краѣ Нѣмецкая партія перешла уже отъ оборонительнаго образа дѣйствія къ наступательному, быстро перестраиваясь изъ разобщенныхъ между собою сословій въ политическую національность. Это тоже показалось невѣроятнымъ и мнѣ возразили свидѣтельствомъ Князя Суворова, мною же приведеннымъ, что съ присоединеніемъ Балтійскаго края къ Россіи, тамошній Германизмъ *окончательно* заключился въ предѣлахъ домашняго быта. Посмотримъ какъ думаетъ объ этомъ Г. Ширренъ. Въ самомъ концѣ своей бро-

*) Стр. 193.

шюры, сливая въ одинъ заключительный аккордъ разыгранныя имъ фантазіи, онъ перепечатываетъ крупными буквами цитатъ изъ введенія въ Капитуляцію Лифляндскаго рыцарства: „Нѣмецкая нація и ея потомство въ здѣшнемъ краѣ и здѣшкій край *для* Нѣмецкой націи и ея потомства на вѣчныя времена (die Deutsche Nation und deren Nachkommen in diesen Landen und diese Lande für die Deutsche Nation und deren Nachkommen).*) — Вотъ сумма всей Капитуляціи! Найдите болѣе ясное выраженіе для великаго права.“

Нѣсколько выше, разсуждая о задачѣ настоящей минуты и ближайшей будущности, Г. Ширренъ опредѣлялъ ее слѣдующимъ образомъ: „отъ мелкихъ привилегій отказаться, а существенныя и основныя возвести мало по малу на степень общаго достоянія всего мѣстнаго народонаселенія,“**) Дѣйствительно, трудно себѣ представить господство національности при отсутствіи цѣльной и живой націи, а такъ какъ въ настоящую минуту ея не оказывается, то ее подобаетъ создать изъ разрозненныхъ, сословныхъ элементовъ. Особенной трудности въ этомъ не встрѣтится, ибо коренныя права о которыхъ идетъ рѣчь, по содержанію и существу своему, суть права

*) Стр. 194. Эти слова, въ Русскомъ текстѣ и въ связи съ предидущимъ и послѣдующимъ, выражаютъ вовсе не право и даже не домогательство, а предположеніе, истолкованіе факта: Всевышній, *имѣя многократныя причины* поразить своимъ гнѣвомъ эту землю и въ концѣ искоренить ея обывателей, оказывалъ имъ пощаду, изъ чего для всѣхъ должно быть очевидно, что милосердый Богъ взглянулъ благосклонно на намѣреніе первоприбывшихъ въ этотъ край Нѣмцевъ (апостоловъ-мечеиосцевъ) и „дѣйствительно и совершенно сію націю въ потомкахъ ихъ и оную землю даже до окончанія свѣта въ милости сохранить изволитъ.“ Какъ видитъ читатель, въ Русскомъ текстѣ, о сохраненіи земли именно *для* Нѣмецкой націи нѣтъ и помину; но мы готовы приписать это неточности выраженія, такъ какъ иначе пришлось бы допустить, что пути Промысла не совсѣмъ совпадали съ политическою программою Лифляндскаго рыцарства, а это конечно было бы слишкомъ невѣроятно.

**) Стр. 186.

земскія (Landesrechte), хотя въ моментъ присоединенія края къ Россіи носителями и оберегателями ихъ были сословные и корпоративные организмы. Остается только перелить это содержаніе, изъ многихъ, слишкомъ тѣсныхъ для него сосудовъ, въ одинъ, болѣе прочный и объемистый. Городскія привиллегированныя корпораціи преобразятся въ городское общество, рыцарство съ своей стороны разомкнется и приметъ въ свою среду группу землевладѣльцевъ не внесенныхъ въ матрикулы, высшее и среднее сословіе сблизятся и наконецъ сами крестьяне, которыхъ мы научили стоять на ногахъ (это все говоритъ Г. Ширренъ) будутъ мало по малу, въ мѣру развитія ихъ экономическаго, политическаго и нравственнаго образованія, восходить все выше и выше, отъ приходовъ, черезъ уѣзды, и пріобщаться къ общимъ правамъ.*) Такимъ образомъ, автономія, которою пользовались прежде сословія, каждое про себя, въ своемъ ограниченномъ кругѣ дѣйствія, но которая *не была* предоставлена всей землѣ, какъ цѣлому (dem Lande ist sie nicht gewährt worden**) — подлинныя слова Г. Ширрена) незамѣтнымъ образомъ сдѣлается достояніемъ провинціи, иначе: изъ права общественнаго преобразится въ право политическое.

Программа начертанная Г. Ширреномъ очень плѣнительна; но почтенный авторъ, можетъ быть не безъ намѣренія, предоставилъ догадливости самихъ читателей разрѣшить естественно возникающій вопросъ о соглашеніи ея съ выведенною выше суммою привилегій. Если, по Божественному предопредѣленію, Балтійское поморье создано *для* Нѣмцевъ и если, въ силу Капитуляцій они одни, за исключеніемъ всякаго другаго племени, должны въ немъ хозяйничать, то тѣмъ самымъ высказывается, что масса

*) Стр. 187, 188.
**) Стр. 187.

мѣстнаго населенія издревле окрещенная выразительнымъ прозвищемъ *Ненѣмцевъ* (der Undeutschen) по самой природѣ своей, не должна и мечтать о равноправности съ тамошними хозяевами и владыками. Съ другой же стороны, такъ какъ въ постепенномъ подъемѣ простаго народа до равноправности съ другими сословіями заключается цѣль обѣщаннаго намъ развитія мѣстной автономіи, то и самый процессъ этого развитія, такъ искусно начертанный Г. Ширреномъ, потерялъ бы всякій смыслъ. Къ счастью, изъ этаго затрудненія представляется естественный выходъ и всякій умѣющій читать промежъ строкъ легко найдетъ его въ вышеприведенныхъ словахъ о постепенномъ образованіи крестьянъ въ экономическомъ, политическомъ и нравственномъ отношеніяхъ. По просту это значитъ: прежде чѣмъ предоставлять имъ права и преимущества недоступныя имъ въ качествѣ Латышей и Эстовъ, нужно ихъ насквозь онѣмѣчить, ибо иначе Балтійскій край пересталъ бы быть только для Нѣмцевъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ улетучилось бы и все содержаніе Капитуляцій. Но если Латыши и Эсты, какъ самостоятельныя племена, не имѣютъ политической будущности, и если высшее развитіе доступно имъ лишь подъ условіемъ примкнуть къ другой національности, то почему бы намъ Русскимъ не войти въ конкурренцію съ Нѣмцами и не попытаться втянуть коренное населеніе края въ нашу историческую среду? Оказывается однако, что этого нельзя. Г. Ширренъ видитъ и предугадываетъ малѣйшее наше движеніе. Какъ неподкупный часовой, подозрительно оглядывающій всѣхъ подходящихъ къ оберегаемой имъ тюрьмѣ, онъ выпрямляется и повелительнымъ тономъ кричитъ намъ: „Ваше дѣло управлять, а не руссифицировать!“ — regieren, nicht russificiren!*)

*) Стр. 42, 191.

Итакъ, германизировать можно, даже должно, во исполненіе Божественнаго предопредѣленія, нельзя только руссифицировать. Не мѣшаетъ и это признаніе принять къ свѣдѣнію.

Я сказалъ, что существующія отношенія трехъ Балтійскихъ губерній къ Россіи, по крайней неопредѣленности своей, съ одной стороны, не соотвѣтствуютъ самымъ кореннымъ условіямъ государственнаго единства, а съ другой не удовлетворяютъ быстро возрастающимъ притязаніямъ мѣстнаго провинціялизма, а потому и не могутъ считаться окончательно установившимися. Сила вещей ведетъ къ развязкѣ и къ разрѣшенію старыхъ недоразумѣній; но съ нашей стороны не замѣтно ни яснаго разумѣнія предстоящей намъ задачи, ни послѣдовательности въ дѣйствіяхъ, тогда какъ, на оборотъ, Балтійскій сепаратизмъ слѣдуетъ отчетливо выработанной программѣ. Цѣль его: „выманить у Правительства признанія политическихъ правъ Нѣмецкой народности, постепенно сплачивающейся въ цѣльный организмъ. Само собою разумѣется, что слово Конституція при этомъ произнесено не будетъ — къ чему пугать словами? Напротивъ, придумаютъ формулу самую незатѣйливую и скромную, предлогъ самый благовидный, подготовятъ всѣ пути, распредѣлятъ роли, разставятъ всѣхъ по мѣстамъ, при первомъ удобномъ случаѣ, пустятъ заведенную машину въ ходъ, и въ одно прекрасное утро, проснувшаяся Россія увидитъ на мѣстѣ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи колыбель народившейся за ночь новой Остзейской Финляндіи.“ — Кажется, что ничто въ моей книгѣ не возбудило такой досады и такого негодованія какъ именно эти выписанныя изъ нея строки. Видно я попалъ въ самое чувствительное мѣсто. Состоящіе при Петербургскомъ дворѣ дипломатическіе агенты Балтійской интеллигаціи, по данному имъ изъ Россіи сигналу, разгорячились не на шутку и огласили меня клеветникомъ, а солидные люди, прислушиваясь къ ихъ

краснорѣчивымъ отреченіямъ, повѣрили имъ и пришли къ заключенію, что я увлекся и предположилъ небывалое. Но и въ этомъ случаѣ мой вѣрный союзникъ кстати подоспѣлъ мнѣ на помощь. Вотъ слова Г. Ширрена: „Какъ! мы стали бы боязливо распредѣлять роли и указывать мѣста, чтобъ выкрасть право, которымъ мы искони владѣли? Стали бы выбиваться изъ силъ, чтобъ какъ нибудь замаскировать нашу конституцію, которую нѣсколько уже вѣковъ къ ряду озаряетъ солнце, хотя подъ часъ по ней и пробѣгали тучи и тѣни? Кого морочите Вы этою фантасмагоріею? Знайте, что права, на которыхъ наша „Конституція" зиждется древнѣе понятій нынѣ господствующихъ и обезпечена присягою болѣе торжественною чѣмъ дѣйствующіе законы*).... Да! Лифляндія не губернія въ родѣ другихъ, а особая провинція, и уже полтораста лѣтъ тому назадъ, Петръ I. присоединилъ къ своей Имперіи не иное что какъ именно то чѣмъ Вы насъ теперь пугаете какъ грядущимъ привидѣніемъ, именно *Балтійскую Финляндію***).

Стало быть, я не только не переступилъ черты отдѣляющей дѣйствительность отъ порожденій фантазіи, а напротивъ не дошелъ до нея. Г. Ширренъ безоговорочно принимаетъ формулу, которою я выразилъ теперешнее политическое исповѣданіе Остзейской интеллигенціи и вся ошибка моя, по его словамъ, состоитъ въ томъ, что вторая Финляндія представлялась мнѣ въ будущемъ, тогда какъ онъ созерцаетъ ее въ настоящемъ. А въ Петербургѣ о Балтійской конституціи всетаки какъ будто и не знаютъ и добродушно повторяютъ, что Остзейскія губерніи управляются на основаніи узаконеній исходящихъ отъ единой власти самодержавной. Странное недоразумѣніе!

Изъ сдѣланныхъ мною сопоставленій, читатели ко-

*) Стр. 193.
**) Стр. 115.

нечно убѣдятся, что простое чувство благодарности обязывало меня, приступая къ разбору брошюры Г. Ширрена, прежде всего признать ту неоцѣненную услугу, которую онъ мнѣ оказалъ подтвердивъ своимъ авторитетомъ фактическую достовѣрность моихъ наблюденій. Свидѣтельство его такъ важно для уясненія господствующихъ у насъ представленій, что я позволю себѣ еще разъ, въ короткихъ словахъ, повторить тѣ капитальныя положенія, которыя теперь, послѣ выхода его брошюры, смѣло могутъ быть приняты за выраженіе убѣжденій Балтійской интеллигенціи.

Сводъ мѣстныхъ узаконеній для губерній Остзейскихъ, въ смыслѣ Критеріума законности, не обязателенъ.

Мѣстные законы исходятъ не отъ единой власти самодержавной, а имѣютъ свое основаніе въ государственныхъ договорахъ, отъ которыхъ верховная власть не въ правѣ отступить.

Остзейскія привиллегированныя корпораціи пользуются автономіею и слѣдовательно могутъ не подчиняться законамъ издаваемымъ безъ ихъ соизволенія.

Русскій народъ не участвовалъ въ пріобрѣтеніи Балтійскаго края Петромъ I. и потому Русскіе въ этомъ краѣ водворившіеся должны довольствоваться въ немъ положеніемъ гостей.

Задача будущаго развитія заключается въ возведеніи сословныхъ привиллегій на степень провинціяльныхъ, политическихъ правъ, господствующей, Нѣмецкой національности.

Для достиженія этой цѣли, можно и даже должно германизировать Латышей и Эстовъ.

Руссифицировать ихъ нельзя.

Лифляндія не губернія, а отдѣльная провинція, имѣющая свою Конституцію и состоящая въ одинаковомъ съ Финляндіею отношеніи къ Имперіи.

Само собою разумѣется, что мой ученый противникъ, такъ неожиданно превратившійся для меня въ дорогаго союзника, сходится со мною только въ опредѣленіи признаковъ характеризующихъ политическое настроеніе Балтійскаго края и рѣшительно расходится со мною въ ихъ оцѣнкѣ и въ дальнѣйшихъ выводахъ. То въ чемъ я вижу законное требованіе государственнаго начала или господствующей народности, возмущаетъ его какъ проявленіе личнаго произвола или темныхъ инстинктовъ грубой породы, и на оборотъ, то въ чемъ я вижу вопіющія аномаліи радуетъ его какъ торжество права и какъ признакъ пробужденія національности чуть было не утратившей памяти о себѣ самой; но о разномысліяхъ рѣчь впереди, и я довольствуюсь на первыхъ порахъ закрѣпленіемъ признанныхъ фактовъ. Остзейскій сепаратизмъ выступаетъ въ нихъ такъ выпукло, что нельзя не замѣчать его, нельзя даже, какъ въ былыя времена покойной Сѣверной Почты, замазывать его оффиціяльною риторикою; можно только противодѣйствовать ему, притомъ не одними словами а дѣломъ, или сознательно и преднамѣренно игнорировать его, иначе: поблажать ему.*)

---

*) Это было писано задолго до послѣдней дипломатической ноты, въ формѣ адреса, полученной отъ Лифляндскаго дворянства. Брошюра Г. Ширрена конечно блѣднѣетъ передъ деклараціею цѣлаго сословія, но въ тоже время получаетъ отъ нея особенное значеніе. Первенствующая въ краю корпорація, какъ видно усвоившая себѣ политическую теорію бывшаго профессора, отрицаетъ законодательное право верховной власти и напоминаетъ ей о ненарушимости подписанныхъ ею договоровъ; правительство отвѣчаетъ, что Лифляндія управляется на основаніи, не договоровъ, а законовъ исходящихъ отъ единой власти Самодержавной; поговоривъ такимъ образомъ, обѣ стороны расходятся, оставаясь каждая при своемъ, правительство-при сводѣ законовъ, котораго необязательность сдѣлалась политическимъ догматомъ Лифляндіи, а дворянство — при своемъ протестѣ, въ тоже время удерживая въ своихъ рукахъ судъ и администрацію. Чего же лучше! Кажется всѣ довольны.

III.

Хотя поводомъ къ брошюрѣ Г. Ширрена послужило появленіе Окраинъ Россіи и хотя онъ постоянно обращается въ ней лично ко мнѣ, однако, въ сущности, она направлена не столько противъ меня, сколько противъ предложенія недавно сдѣланнаго Лифляндіи добровольно содѣйствовать тѣснѣйшему объединенію ея съ Россіею. На это предложеніе Г. Ширренъ (вѣроятно не безъ предварительнаго соглашенія съ своими руководителями) отвѣчаетъ категорическимъ отказомъ*) и мотивируетъ его двоякаго рода соображеніями. Лифляндія уклоняется отъ сближенія съ нами вопервыхъ потому, что это было бы несовмѣстно съ ея достоинствомъ — мы этого не стоимъ**); во вторыхъ потому, что притязанія ея на политическую изолированность, или (какъ выражается Г. Ширренъ) на неутральность по отношенію къ Русской народности***) имѣетъ правомѣрное основаніе въ торжественно гарантированныхъ ей привилегіяхъ. Повидимому, для предположенной авторомъ цѣли, можно бы было ограничиться аргументами положительнаго свойства, то есть раскрытіемъ содержанія этихъ привилегій; но соображенія почерпнутыя изъ сопоставленія двухъ народностей, Русской и Нѣмец-

*) Стр. 184, 185.
**) Стр. 103, 105.
***) Стр. 108.

кой, давали превосходный случай, какъ говорится, сорвать душу и облечь отказъ въ форму наиболѣе для насъ обидную. Къ тому же, прощаясь мысленно съ своею Дерптскою Каѳедрою, Г. Ширренъ естественно могъ почувствовать желаніе представить какъ бы отчетъ въ своихъ научныхъ трудахъ и доказать, что онъ не даромъ получалъ за нихъ казенное жалованье.

Результаты его занятій Русскою исторіею изложены въ его брошюрѣ очень отчетливо и рѣзко, слогомъ ляпидарнымъ, съ нѣкоторымъ притязаніемъ на Тацитовскую сжатость и на его диктаторскій пошибъ.

Вопервыхъ, мы Русскіе не народъ, а *порода*, eine Race — это слово повторяется на каждой страницѣ, изъ чего можно заключить, что Г. Ширренъ очень имъ дорожитъ какъ самымъ вѣрнымъ опредѣленіемъ той степени развитія на которой мы стоимъ.

Во вторыхъ — это слѣдуетъ само собою изъ даннаго опредѣленія — мы отличаемся отъ другихъ народовъ отсутствіемъ отчетливости въ нашихъ дѣйствіяхъ и разумнаго сознанія нашихъ цѣлей. Такъ, на примѣръ, Швеція и Польша, въ былыя времена, подобно намъ угнетали Лифляндію, но, по крайней мѣрѣ, суровость ихъ деспотизма облагороживалась высокими идеями, которымъ онѣ служили. — Польша вѣрила въ возможность вселенскаго единодержавія Латинской Церкви и преслѣдовала осуществленіе своего идеала; Швеція безпощадно ломала привилегіи, подводя стѣснявшія ее мѣстныя особенности края подъ общій административный уровень, но она дѣлала это во имя равноправности и общаго блага, тогда какъ наши покушенія на автономію Лифляндіи всегда исходили и теперь исходятъ изъ темнаго племеннаго инстинкта, которому не даетъ покоя низкое чувство зависти, растравляемое затаеннымъ сознаніемъ превосходства Нѣмецкой крови

надъ нашею. Оттого, наше иго гораздо хуже и оскорбительнѣе даже Монгольскаго.*)

Въ третьихъ, у насъ нѣтъ ни историческаго прошедшаго, ни историческаго призванія въ будущемъ — мы существуемъ какъ то внѣ исторіи и неспособны создать ничего прочнаго.**)

Нѣкоторыхъ способностей у насъ конечно отнять нельзя и, между ними, первое мѣсто занимаетъ наша достолюбезная непритязательность, наше умѣніе довольствоваться малымъ; но въ насъ нѣтъ ни выдержки, ни устойчивости, ни вѣры въ себя, словомъ: мы рѣшительно обдѣлены именно тѣми способностями, безъ которыхъ никакое племя не можетъ господствовать надъ другимъ***).

Вотъ, въ общихъ чертахъ, что вынесъ Г. Ширренъ изъ своихъ наблюденій надъ породою, съ которою онъ, по порученію Правительства, знакомилъ Остзейскую молодежь.

Въ одномъ мѣстѣ своей брошюры, онъ говоритъ, что у него „вскипаетъ кровь во всѣхъ жилахъ“ при чтеніи Русскихъ газетныхъ статей о Балтійскомъ краѣ и прибавляетъ, въ видѣ угрозы, „что авось, въ скоромъ времени, закипитъ и другая кровь“†) — чья именно? не объяснено. Если онъ надѣялся, своими сужденіями о Русскомъ національномъ характерѣ, отплатить намъ и произвести въ насъ такое же раздраженіе, то онъ ошибся. У Русской породы кровь вскипаетъ не такъ легко и желчныя изверженія бывшаго Профессора Дерптскаго Университета имѣютъ для насъ только патологическій интересъ, какъ печальное свидѣтельство упадка той безстрастной добросовѣстности, которою когда то славились Нѣмецкіе ученые,

---

*) Стр. 104, 105, 162—166 и др.
**) Стр. 103, 104, 105.
***) Стр. 103, 105, 106.
†) Стр. 91.

и какъ характерный признакъ настроенія той публики, которую человѣкъ науки тѣшилъ своимъ ученымъ гаерствомъ. Скажу болѣе: какъ бы мы ни были обижены природою, и сколько бы у насъ ни было всякаго рода племенныхъ недостатковъ, мы не обдѣлены способностью смотрѣть объективно, даже критически на самихъ себя. Притязательность и сговорчивость наша — эти вѣрно подмѣченныя черты Русскаго характера, относятся къ внѣшней нашей обстановкѣ, но къ самимъ себѣ мы вообще довольно строги и Г. Ширрену вѣроятно не безъизвѣстно, что по крайней мѣрѣ одуреніе до самодовольствія (die Bethörung bis zum Selbstgefallen), котораго такъ боялся Фаустъ, какъ признака конечнаго духовнаго паденія, угрожаетъ не намъ. Твердо въ этомъ увѣренный, я скажу не обинуясь и нисколько не опасаясь оскорбить Русскихъ читателей, что въ выходкахъ Г. Ширрена противъ Россіи есть нѣкоторая доля правды, конечно не вся, не полная правда, но часть правды. Это и не мудрено; ибо хотя всякая жизнь, личная и коллективная, всегда содержитъ въ себѣ тайны ускользающія отъ недоброжелательной критики и доступныя только сочувственному взгляду, однако нельзя отрицать, что и озлобленіе возведенное въ высшую потенцію доходитъ иногда до извѣстной степени ясновидѣнія. Въ этомъ отношеніи, особеннаго вниманія заслуживаетъ въ брошюрѣ Г. Ширрена одно коротенькое восклицаніе, вѣроятно необдуманное, невольное, но вырвавшееся изъ подъ самаго сердца и носящее на себѣ отпечатокъ несомнѣнной искренности. Вотъ оно въ буквальномъ переводѣ: „въ состояніи ли Вы, по крайней мѣрѣ, дать намъ систему управленія, хотя бы и притѣснительную но за то твердую и послѣдовательную? Это было бы всетаки что нибудь и мы бы къ ней приладились.“ (Kämen sie uns ein drückendes, jedoch starkes und consequentes Regiment zu verheissen! Es wäre immerhin etwas

und wir würden uns einzurichten wissen.*) — На повѣрку выходитъ что мы и этого дать не можемъ, такъ что еслибы когда нибудь Остзейскіе дѣльцы вздумали перемѣнить тактику и стали бы доказывать намъ, что мы не имѣемъ ни малѣйшаго права негодовать на возрастающую дерзость ихъ притязаній, нами самими поощряемыхъ, то диспутъ принялъ бы оборотъ крайне для насъ невыгодный. Вотъ, между прочимъ, что бы намъ пришлось выслушать молча: вы требуете нашего содѣйствія для предполагаемыхъ вами мѣропріятій, но, прежде всего, позволѣте узнать: увѣрились ли вы въ собственномъ вашемъ содѣйствіи себѣ самимъ? Способны ли вы, въ продолженіи хотя бы пяти лѣтъ къ ряду, твердо хотѣть одного и тогоже? Мы такъ очень въ этомъ сомнѣваемся, припоминая ходъ всѣмъ извѣстныхъ дѣлъ по ревизіи городовъ, по устройству крестьянъ, по судебной реформѣ и по введенію Русскаго языка. Легкость, съ которою вы отступались отъ вашихъ требованій и быстрота, съ которою, вслѣдъ за каждымъ начинаніемъ вашимъ, наступала реакція, свидѣтельствуютъ о вашей несостоятельности въ изобрѣтеніи и о поразительной вашей немощи въ исполненіи. Если же вы поступали такимъ образомъ не по природной вашей неустойчивости, а по разсчету, въ надеждѣ вашею уступчивостью обезоружить наше сопротивленіе, то вы этимъ обнаруживали полнѣйшее неразумѣніе человѣческой природы вообще и Нѣмецкой въ особенности. Можно, не теряя уваженія къ самому себѣ, подчиниться чужой волѣ служащей зрѣло обдуманному плану и увѣренной въ своей силѣ — мы доказали это въ Царствованіе Екатерины II — но чувство собственнаго достоинства не позволяетъ намъ уступать мимолетнымъ прихотямъ. Пора бы вамъ наконецъ понять, что потому то именно и раздражаетъ насъ

*) Стр. 102.

такъ глубоко періодическое возобновленіе вашихъ требованій, что мы не можемъ видѣть въ нихъ ничего болѣе какъ одно бозплодное дразненіе.

Вотъ что бы намъ отвѣтили еслибъ мы вздумали возражать, и потому благоразумнѣе на сей разъ смолчать и постараться воспользоваться для переду даннымъ намъ урокомъ. „Къ твердой, хотя бы и притѣснительной системѣ управленія мы бы приладились.“ — Эти слова содержатъ въ себѣ цѣлую инструкцію и не слѣдовало бы пропускать ихъ мимо ушей. —

Теперь я перейду къ положительной и серьезной сторонѣ брошюры Г. Ширрена, къ комментаріямъ его на историческіе факты и документы состоящіе въ связи съ началомъ Русскаго владычества въ Лифляндіи. Ему хочется доказать: что Лифляндія не завоевана, а добровольно подчинилась Петру I на условіяхъ равносильныхъ Государственному договору, навсегда ненарушимому, и закрѣпленному международнымъ трактатомъ; что хотя договаривались съ Петромъ I дворянскія и городскія корпораціи порознь, каждая отъ себя, тѣмъ не мѣнѣе, въ сущности, договоръ заключенъ между Россіею и всею Лифляндіею, какъ цѣльною и единою областью; наконецъ, что оговорки, которыми сопровождалось первое утвержденіе привилегій при Петрѣ I, имѣли временное значеніе и теперь утратили всякую силу. Я подробно разберу эти тезисы чтобъ показать читателямъ до какого мастерства доведено въ Остзейскомъ краѣ подкрашиваніе прошедшихъ событій подъ модный цвѣтъ политической партіи въ настоящее время дающей въ немъ тонъ.

Въ первомъ выпускѣ Окраинъ Россіи было сказано: наши предки отвоевали свое Балтійское поморіе у Швеціи, а не у Лифляндскихъ Ландратовъ и не у Ревельскихъ Бургомистровъ. Нѣтъ! отвѣчаетъ Г. Ширренъ — „ничто не завоевано; правда, по всей вѣроятности, стоило бы

отпустить пороха еще на нѣсколько выстрѣловъ, чтобъ съ нами покончить; но хотя бы Петръ I десять разъ къ ряду отвоевалъ у Шведовъ Балтійское поморіе, оно бы всетаки не сдѣлалось его достояніемъ; онъ могъ только опустошать его, но не могъ имъ владѣть, развѣ бы область эта сама попросила его удержать ее за собою, а право просить его объ этомъ имѣли только одни Лифляндскіе Ландраты и Бургомистры.“*). Еслибъ это значило, что подчиненіе Лифляндіи Русскому владычеству, вынужденное въ существѣ фактическимъ торжествомъ Русскаго оружія надъ Шведскимъ, выразилось въ формѣ *дозволенной* капитуляціи, то не было бы и повода къ спору, правда — не было бы и возраженія; ибо между дѣйствіемъ невольнымъ и дѣйствіемъ, котораго вольность вынуждена внѣшнею силою, разница въ словахъ. Но мысль Г. Ширрена идетъ дальше. Онъ увѣряетъ, что Русское владычество пріобрѣло въ глазахъ самаго Петра I и западныхъ державъ свойство неоспоримаго права только съ той минуты когда Балтійскія сословія добровольно ему подчинились, и только въ силу ихъ политической автономіи, иначе: ихъ будтобы общепризнаннаго права располагать собою. До тѣхъ же поръ, Петръ I завоевывалъ Лифляндію не для себя, а для Польскаго Короля, которому онъ самъ обязался, уступить ее по изгнаніи Шведовъ.**) Въ доказательство, Г. Ширренъ

---

*) Я передаю мысль Г. Ширрена подлинными его словами, но въ сокращеніи. Стр. 115, 117, 126, 127, 128, 163, 167, 176

**) Задолго до появленія брошюры Г. Ширрена, таже мысль выражена была въ книжкѣ изданной въ 1841 году, въ Лейпцигѣ, безъ означенія имени автора (ее приписываютъ Рижскому Бургомистру Миллеру). Die Livländischen Landesprivilegien und deren Confirmationen. Я указываю на нее потому, что Г. Ширренъ, нигдѣ объ ней не упоминая, заимствовалъ изъ нея значительную часть своихъ доводовъ и толкованій, во многихъ случаяхъ даже способъ выраженія и обороты рѣчи. Suum cuique. По глубокой своей враждебности къ Россіи, и ко всему Русскому, по безсовѣстности своихъ сужденій о нашемъ правительствѣ, наконецъ по довольно прозрачнымъ намекамъ своимъ на ожидаемое заступничество Германской отчизны,

ссылается на цѣлый рядъ договоровъ заключенныхъ Петромъ I съ Королемъ и рѣчью посполитою въ періодъ времени отъ 1699 до Копенгагенскаго трактата $^{11}/_{22}$ Октября 1709 года.

Фактъ политической сдѣлки между двумя Государями извѣстенъ всѣмъ; извѣстно также, что о поддержаніи между ними союза заботился болѣе всѣхъ Лифляндскій дворянинъ Рейнгольдъ Паткуль объяснявшій Королю Августу II между прочимъ „что Русская пѣхота очень способна работать въ траншеяхъ и гибнуть подъ выстрѣлами непріятеля, чѣмъ сберегутся войска его Королевскаго Величества.“*) Жаль только, что. Г. Ширренъ, въ своемъ обозрѣніи дипломатическихъ актовъ того времени, остановился именно на 1709 году этой *скучной исторіи* (какъ онъ ее называетъ); ступи онъ еще одинъ шагъ, и вся аргументація его рушилась бы сама собою, ибо вотъ что бы онъ прочелъ: „понеже со стороны Его Королевскаго Величества Польскаго отъ Его Императорскаго Величества требовано, дабы особливый артикулъ въ Торунѣ 1709 года Октября въ 20 день между обоими ихъ Величествами учиненный, что княжество Лифляндское со всѣми городами и мѣстами Его Королевскому Величеству Польскому, яко Курфирсту Саксонскому и его Наслѣдникамъ, присвоено и уступлено быть имѣло, паки подтвержденъ былъ, того ради Его Царское Величество на то соизволилъ и помянутый особливый артикулъ симъ паки въ такой силѣ, въ какой тогда постановленъ, подтверждаетъ и содержать обѣщаетъ.“**) Это было писано и подписано уполномоченными отъ обѣихъ державъ въ Польскомъ городѣ Ярославлѣ $\frac{\text{Мая } 19}{\text{Іюня } 9}$ 1711 года, слѣдовательно, черезъ годъ послѣ капитуляцій Риги и

авторъ этой книжки ни въ чемъ не уступаетъ Г. Ширрену и дѣйствительно могъ служить ему образцемъ.

*) Устряловъ Истор. Царств. Петра Великаго III. стр. 312, 313.

**) Пол. собр. зак. IV. No. 2363.

Лифляндскаго рыцарства и черезъ шесть безъ малаго мѣсяцевъ по утвержденіи Петромъ I аккордныхъ пунктовъ.

Оказывается, что до капитуляцій, Петръ I и Августъ II располагали судьбою Лифляндіи не думая справляться съ желаніями ея чиновъ; тоже дѣлалъ и самозванный ея агентъ, Рейнгольдъ Паткуль, отдававшій ее Польшѣ безъ спроса и вѣдома даже Лифляндскаго дворянства, если вѣрить торжественному заявленію Ландтага 1700 года, проклявшаго Паткуля какъ *измѣнника* и *шельму* (подлинныя выраженія) и отрекшагося отъ всякой съ нимъ солидарности.*) По заключеніи капитуляцій, Король Польской не могъ не знать о якобы добровольномъ вступленіи Лифляндскихъ чиновъ въ Русское подданство, но, повидимому, не придавалъ этому совершившемуся факту большаго значенія, ибо даже умалчивалъ объ немъ. Положимъ: онъ имѣлъ причины преднамѣренно игнорировать его; но замѣчательно, что и Петръ I, несмотря на явный интересъ свой упразднить или ослабить обязательность прежней своей сдѣлки по отношенію къ Лифляндіи, по крайней мѣрѣ заявить или оговорить для будущихъ временъ свое новоприобрѣтенное право на нее, точно также ни единымъ словомъ не упомянулъ объ аккордныхъ пунктахъ. А какъ бы кстати было опереться на автономію Лифляндцевъ! Между тѣмъ, мы видимъ, что капитуляціи не имѣли на прежній договоръ ни малѣйшаго вліянія; онъ остался въ полной силѣ. Итакъ, ни Петръ I, ни Августъ II, не подозрѣвали исключительнаго права Лифляндцевъ располагать собою по собственному своему усмотрѣнію. Мало того, оказывается, что объ этомъ правѣ не знали сами Лифляндцы того времени, не читавшіе брошюръ Г. Ширрена, не слушавшіе его лекцій, и которымъ онъ теперь, заднимъ числомъ, навязы-

*) См. Изданіе Г. Ширрена: Die Recesse der Livländischen Landtage. Стр. 291—295.

вастъ свою политическую теорію. Понимая вѣроятно не хуже его свои права и свои выгоды, они, не только не хвалились мнимою добровольностью своего подчиненія Россіи, а напротивъ выбивались изъ силъ, чтобъ какъ нибудь заявить во всеуслышаніе, что они были къ этому вынуждены необходимостью. Они даже просили самаго Петра I помочь имъ, при случаѣ, оправдаться передъ Шведскимъ правительствомъ: „когда правленіемъ Божескимъ, чрезъ мирный трактатъ, сія провинція паки Коронѣ Шведской отдастся (то есть еслибы была отдана — (möchte abgetreten werden), то просить рыцарство и земство впредь покорнѣйше ... дабы при такой отдачѣ отъ Его Царскаго Величества съ ними милостивѣйше поступлено было, такъ чтобъ то никому вообще, ниже особливо, предосудительно и вредительно быть не могло, что городъ и земля, *для крайней нужды* (aus extremer Noth) и понеже надлежащей обороны болѣе не имѣлось, отъ прежняго правительства по аккорду *сдаться принуждены были* (sich hat abgeben müssen)“ — точь въ точь какъ Курляндцы въ 1812 году. — „Сіе Богъ не допуститъ, а ежели такая перемѣна приключится, то и о другомъ стараніе будетъ“ — отвѣчалъ лаконически Фельдмаршалъ Шереметовъ.*)

Эти слова очень ярко обрисовываютъ тогдашнее положеніе Лифляндскихъ чиновъ. Мы какъ будто видимъ передъ собою встревоженныя ихъ физіономіи. Они нетолько не вторгаются въ совершавшіяся событія и не претендуютъ на самостоятельное въ нихъ участіе, а напротивъ, съ своими привилегіями подъ мышкою, пятятся отъ нихъ подальше, боязливо оглядываются, кланяются на всѣ стороны, и болѣе всего заботятся о томъ какъ бы ихъ не потянули на первый планъ и какъ бы не пришлось имъ принять на себя прямой отвѣтственности, неразлучной съ тою

*) Пол. Собр. Зак. IV. No. 2279.

самостоятельною ролью, отъ которой они благоразумно уклонялись и на которую теперь, Г. Ширренъ, стоя позади, за кулисами, вздумалъ ихъ наталкивать. Дѣло въ томъ, что на тогдашней исторической сценѣ разыгривался поединокъ между двумя гигантами, а для такихъ дѣятелей какъ Рижскіе Бургомистры и Лифляндскіе Ландраты было на ней не безопасно. Можетъ быть намъ возразятъ, что въ то время чувство преувеличеннаго страха заставляло ихъ утаивать свою автономію и прикрывать ее исторической необходимостью, но не гораздо ли правдоподобнѣе обратное предположеніе, а именно, что въ настоящую минуту, противоположное чувство преувеличенной самоувѣренности внушаетъ невѣдомыя прошлому вѣку политическія притязанія и побуждаетъ къ изобрѣтенію небывалой автономіи?

Нетолько у всякаго человѣка но и у всякаго общества есть непремѣнно хоть одинъ любимый конекъ, а у Лифляндцевъ ихъ два: примѣрная вѣрность, великодушно прощавшая всѣ обиды, и политическая автономія, иначе: добровольность поочереднаго вступленія въ подданство Польское, потомъ Шведское и наконецъ Русское. Оба конька служатъ исправно и одинаково хороши въ ѣздѣ, но только въ одиночку. До сихъ поръ, опытные наѣздники старой школы бо́льшаго отъ нихъ и не требовали. Иногда они выѣзжали на вѣрности и тогда не показывали добровольности, а когда приходилось выѣзжать на добровольности, тогда отводили въ сторону вѣрность и давали ей покой. Г. Ширренъ первый вдзумалъ выѣхать разомъ на обоихъ конькахъ, не сообразивъ, что будучи рѣшительно негодны для парной ѣзды, они потянутъ въ разныя стороны, перегрызутся и сбросятъ его на земль. Если Остзейцы никогда самопроизвольно не отлагались, а переходили изъ подъ владычества одной державы подъ владычество другой всегда поневолѣ, усту-

шая силѣ съ которою не было возможности бороться, тогда не можетъ быть рѣчи о добровольности подчиненія и не остается мѣста для политической автономіи; еслижъ, на оборотъ, они никогда не испытывали завоеванія а всегда добровольно, по собственному своему хотѣнію, отдавались поочередно сосѣднимъ державамъ, тогда нѣтъ основаній хвалиться вѣрностью; дѣло сводится на разсчетъ и остается отъ всѣхъ рыцарскихъ доблестей одно умѣніе пользоваться обстоятельствами, котораго никогда никто у нихъ не оспоривалъ.

Противопоставляя новѣйшимъ теоріямъ Остзейскихъ публицистовъ ту мысль, что актъ утвержденія частныхъ привилегій (сколько бы ихъ ни было) вовсе не равносиленъ установленію конституціонныхъ отношеній между властью и подданными въ цѣломъ Государствѣ или въ цѣлой области, я, между прочимъ, напомнилъ, что привилегіями опредѣлялись права сословій и корпорацій, что самыя капитуляціи, при Петрѣ I, заключены были не съ Балтійскимъ краемъ, даже не съ Лифляндіею и не съ Эстляндіею, а съ тамошними рыцарствами или шляхетствами, съ Ревелемъ, Ригою и т. д. порознь, наконецъ, что ни Балтійскій край, ни Лифляндія отдѣльно взятая въ то время не представляли, да и теперь не представляютъ цѣльной, юридической личности, которая могла бы договариваться и вступать въ обязательства. Я не привелъ свидѣтельствъ, ибо никакъ не предполагалъ, чтобъ указаніе на всѣмъ извѣстный фактъ могло подать поводъ къ спору. А всетаки непремѣнно нужно было что нибудь возразить и на это, не потому только, что Г. Ширренъ кажется обязался ни одного слова моего не пропускать безъ придирки, но и потому, что приведенный фактъ дѣйствительно бросаетъ на отношенія установившіяся между Россіею и Нѣмецкимъ обществомъ Прибалтійскаго края вовсе не такой свѣтъ въ какомъ желали бы выста-

вить ихъ тамошніе публицисты. Верховная власть можетъ отказаться отъ своего полноправія въ дѣлѣ законодательства и управленія въ пользу цѣлой націи, или цѣлой области, или даже какого нибудь одного сословія, за исключеніемъ массы не принадлежащихъ къ нему мѣстныхъ обывателей, если одно это сословіе въ цѣломъ краѣ пользуется корпоративною организаціею и правомъ неограниченнаго господства надъ остальнымъ населеніемъ. Но когда нѣсколько равноправныхъ и одна другой неподчиненныхъ корпорацій, хотя бы ихъ было не болѣе двухъ, подступаютъ къ правительству съ предложеніемъ вступить съ каждою изъ нихъ порознь въ договорныя отношенія, когда, какъ выразился Лифляндскій дворянинъ на Шведской службѣ Генералъ Маіоръ Паткуль при сдачѣ Ревеля Русскимъ въ 1710 году „всякаго состоянія всякій про себя договаривается — ein jeder Stand vor sich selbst accordirt*),“ трудно предположить, въ какую бы форму ни было облечено соглашеніе, чтобы правительство связало себя навсегда, по отношенію къ каждой корпораціи взятой порознь, признаніемъ безусловной неприкосновенности всѣхъ частныхъ правъ и привилегій когда либо ею пріобрѣтенныхъ, не оставивъ за собою послѣдняго слова и не выгородивъ, хотя бы подразумѣвательно, полноты своей законодательной власти. Каждое сословіе тянетъ въ свою сторону и проводитъ свои требованія до послѣднихъ границъ возможнаго, не будучи обязано заботиться о благѣ стоящихъ внѣ его — это его право. Между тѣмъ, самымъ обособленіемъ своимъ, оно выражаетъ признаніе другихъ самостоятельныхъ общественныхъ группъ, опредѣляя себя, по отношенію къ нимъ, какъ часть какого нибудь цѣлаго, какой нибудь болѣе широкой единицы, политической, соціальной, или административной, можетъ быть и не имѣ-

*) Пол. Собр. Зак. IV. No. 2297. п. 26.

ющей строго установленныхъ очертаній, но во всякомъ случаѣ предполагаемой. Въ комъ-же олицетворялись бы интересы этого цѣлаго и откуда бы почерпалась сила нужная для взаимнаго соглашенія и для подчиненія общей пользѣ и общимъ цѣлямъ разбѣгающихся въ разныя стороны, нерѣдко даже сталкивающихся частныхъ стремленій, еслибы верховная власть навсегда связала себѣ руки множествомъ государственныхъ договоровъ заключенныхъ порознь съ отдѣльными группами?

Находчивый Г. Ширренъ отвѣчаетъ на это слѣдующее: конечно Лифляндскіе чины договаривались порознь, каждое *про себя*, но не исключительно *за себя*, а въ тоже время и за другихъ, то есть за всѣхъ. Точно — капитуляціи были заключены главнѣйшимъ образомъ въ видахъ обеспеченія интересовъ сословныхъ, но эти сословія не забыли земли, ибо онѣ не только сами пользовались мѣстнымъ правомъ, но въ тоже время сознавали себя призванными охранять и оберегать его.*)

Здѣсь, чтобъ не растеряться, нужно прежде всего ограничить вопросъ. Г. Ширренъ говоритъ объ одной Лифляндіи, не касаясь сосѣдней Эстляндіи, поэтому и я оставлю ее въ сторонѣ; далѣе, хотя онъ прямо этаго и не высказываетъ, и даже употребляетъ слово сословіе, Stand, во множественномъ числѣ, но онъ очевидно приписываетъ попечительную заботливость о всей землѣ собственно одному Шляхетству, а не городу Ригѣ заключившему съ Фельдмаршаломъ Шереметевымъ особую капитуляцію, въ которой самый зоркій взглядъ не отыщетъ ни малѣйшаго намека на какія либо права или интересы кромѣ исключительно муниципальныхъ, въ самомъ тѣсномъ значеніи слова. Будемъ же говорить о Лифляндскомъ дворянствѣ. Чтобъ доказать свою тему, Г. Ширренъ обращается

*) Стр. 132, 187.

къ буквѣ аккордныхъ пунктовъ. Въ нихъ попадаются выраженія: вся земля (das ganze Land), вся провинція (die ganze Provinz), просто земля или земство (das Land), всѣ обыватели края (alle Einwohner des Landes) и тому подобныя. Г. Ширренъ тщательно подбираетъ и сводитъ эти выраженія, перепечатываетъ ихъ крупными буквами и указываетъ на нихъ съ торжествомъ и цѣлымъ рядомъ восклицательныхъ знаковъ.*) Постараемся однако, не ослѣпляясь ни шрифтомъ ни риторическою оправою, въ которую вставлены приведенные термины, всмотрѣться въ нихъ по ближе. Слово Land и производныя отъ него принадлежатъ къ числу самыхъ неопредѣленныхъ и тягучихъ. Въ Лифляндскихъ актахъ XVIII столѣтія, онѣ имѣютъ различныя значенія. Въ самомъ широкомъ смыслѣ, Land (иногда das ganze Land) тождественно съ словомъ Provinz и означаетъ не юридическое лицо, а территорію, или административную единицу; въ этомъ смыслѣ оно переводится Русскимъ земля или провинція. Въ смыслѣ болѣе тѣсномъ и наиболѣе употребительномъ, словомъ Land опредѣляется *Уѣздъ*, или высшій чинъ Уѣздныхъ землевладѣльцевъ, въ отличіе отъ города, или чина такъ называемыхъ среднихъ людей. Land und Stadt не значитъ вся земля и, въ добавокъ, часть этой земли обнесенная городскимъ валомъ, не значитъ всѣ обыватели края и еще нѣкоторыя изъ нихъ, а значитъ Уѣздъ и городъ, Уѣздное общество и городское общество. Одно понятіе другаго не обнимаетъ, они стоятъ рядомъ, одно подлѣ другаго. Въ Русскомъ текстѣ, Land, въ этомъ смыслѣ передается иногда словомъ земля, иногда словомъ деревня, иногда словомъ земство. Въ чинѣ Уѣздныхъ землевладѣльцевъ различались двѣ группы: мѣстное дворянское сословіе — Ritterschaft, Adel, Noblesse, по Русски: рыцарство или

*) Стр. 127.

шляхетство, и лица непричисленныя къ нему — Landschaft, въ позднѣйшей формѣ — Landsassen. Эта вторая, очень немногочисленная группа не имѣла самостоятельной корпоративной организаціи, а такъ сказать состояла при дворянствѣ и всегда шла съ нимъ неразлучно. Въ Русскомъ текстѣ Landschaft переводится словомъ земство, тѣмъ самымъ, которое часто употребляется и въ смыслѣ Land. Ritter und Landschaft, Шляхетство и земство, исчерпывали собою понятіе земли или земства въ общеупотребительномъ смыслѣ общества всѣхъ Уѣздныхъ землевладѣльцевъ, разумѣется не считая крестьянъ, которые не пользовались никакими правами въ составѣ обществъ, а считались принадлежностью другихъ сословій. Читатели могутъ теперь сами представить себѣ какъ нетрудно, при столь сбивчивой терминологіи, играя словами, переходить незамѣтнымъ образомъ изъ одного понятія въ другое и подтасовывать ихъ для предвзятой цѣли.

Въ видѣ примѣра, я укажу на одно мѣсто, которымъ особенно дорожитъ Г. Ширренъ, какъ сильнѣйшимъ свидѣтельствомъ въ его пользу, именно на послѣднюю статью дополненія къ аккордным пунктамъ Шляхетства и Земства. Въ Русскомъ текстѣ мы читаемъ: „здѣшнее рыцарство покорнѣйшее твердое упованіе имѣютъ, что сія Капитуляція нетокмо генерально на всю провинцію Лифляндскую сочинена, но и особливо четыре дистрикта, которые къ сему герцогству принадлежатъ, въ оной именованы и изображены, такожде и понынѣ въ *деревняхъ* бывшіе, какъ изъ шляхетства и изъ другихъ *земскихъ обывателей*, купно въ сіе право и въ совершенное пользованіе всѣхъ вышеписанныхъ аккордныхъ пунктовъ включены.“*) Въ нѣмецкомъ текстѣ: „hat die hiesige Ritterschaft das demüthigste feste Vertrauen, dass diese Capitu-

*) Полн. собр. зак. IV. No. 2279.

lation nicht allein generaliter auf die ganze Provinz Livland eingerichtet, sondern auch zugleich in specie die 4 Kreise, welche zu diesem Herzogthume gehören, mit benennet und exprimiret, desgleichen die bishero zu Lande gewesene sowohl von dem Corps der Noblesse, als von andern Einwohnern des Landes mit in das Recht und in den vollständigen Genuss obiger gesammten Accords-Puncten eingeschlossen sein mögen.*)

Ясно, что увѣреніе Г. Ширрена будтобы рыцарство представляло собою всю Лифляндію, въ качествѣ политическаго опекуна ея, и оберегало не только свои сословныя, но и всѣ мѣстныя права вообще, могло бы до нѣкоторой степени находить себѣ подтвержденіе въ выписанной статьѣ въ томъ лишь случаѣ, если бы подъ словами „zu Lande“ разумѣлась вся область (а не Уѣзды въ отличіе отъ городовъ) а подъ словами „die Einwohner des Landes“ — дѣйствительно всѣ мѣстные жители, или по крайней мѣрѣ всѣ свободныя состоянія, не выключая нисшихъ, какъ то мѣщанъ, ремесленниковъ и т. д. И такъ, вопросъ сводится къ тому: въ какомъ смыслѣ употреблено слово Land? а для разъясненія этого вопроса, кажется, всего ближе было бы заглянуть въ Русскій текстъ, съ которымъ Г. Ширренъ разумѣется никогда не справляется. Тамъ, Land передано въ одномъ мѣстѣ словомъ *деревня*, въ отличіе отъ города, а въ другомъ, гдѣ говорится объ обывателяхъ, прилагательнымъ *земскіе*, стало быть тѣмъ самымъ словомъ, которымъ въ другихъ статьяхъ передается и понятіе der Landschaft. Поэтому, не гораздо ли естественнѣе предположить, что въ приведенномъ пунктѣ, Рыцарство испрашивало распространенія выговоренныхъ имъ условій (не на всякаго чина людей безъ различія) а только на Уѣздныхъ землевладѣльцевъ не причисленныхъ къ

*) Изданіе Г. Ширрена: Die Capitulationen der Livländ. Ritter- und Landschaft etc. etc. 1865.

рыцарству. Независимо отъ несогласія смысла придаваемаго Г. Ширреномъ Нѣмецкому тексту статьи съ Русскимъ ея текстомъ, толкованіе его возбуждаетъ еще другое сомнѣніе. Можно спорить о значеніи слова Land и о томъ за кого именно ходатайствовало рыцарство; но для всякаго очевидно, что въ статьѣ говорилось о пріобщеніи кого то къ *полному* и *совершенному пользованію всѣми безъ изъятія* правами перечисленными въ аккордныхъ пунктахъ, — in den vollständigen Genuss obiger gesammten Accords-Punkten. Такъ неужели рыцарство, въ порывѣ великодушія, до того забыло всѣ свои историческія традиціи, что рѣшилось предоставить на примѣръ купцамъ или ремесленникамъ владѣніе населенными имѣніями на дворянскомъ правѣ или доступъ ко всѣмъ земскимъ должностямъ? При малѣйшемъ знакомствѣ съ Лифляндскою стариною, нельзя ни на минуту остановиться на такомъ предположеніи, а между тѣмъ оно вытекало бы неизбѣжно изъ смысла статьи, еслибы подъ выраженіемъ „другіе обыватели“ подразумѣвались дѣйствительно, какъ хочетъ насъ увѣрить Г. Ширренъ, всѣ мѣстныя сословія безъ различія? Какъ же вывертывается онъ изъ этой трудности? Очень просто! Онъ приставляетъ отъ себя къ тексту статьи, въ скобкахъ, слѣдующее коротенькое ограниченіе, котораго въ ней нѣтъ: всѣ права „кромѣ привилегій сословныхъ (es sei denn ein Standesprivilegium“.*) Читатель видитъ передъ собою образчикъ одного изъ самыхъ обыкновенныхъ діалектическихъ пріемовъ Г. Ширрена. Въ ссылкахъ своихъ на одинъ и тотъ же документъ иногда на одну и туже статью, онъ крѣпко держится за букву, пока она ему служитъ, и иногда на одномъ словѣ строитъ цѣлую систему; но какъ только буква начинаетъ измѣнять ему, онъ, ни мало не церемонясь, бросаетъ ее

*) Стр. 133.

и подвертываетъ читателю какую нибудь свою гипотезу рѣшительно противную буквальному смыслу. „*Всѣ* взятые въ плѣнъ Лифляндцы, *всѣ* суды, *всѣ* обыватели!“ восклицаетъ Г. Ширренъ, и, обращаясь ко мнѣ, спрашиваетъ иронически: „или, по Вашему, *всѣ* плѣнные значитъ можетъ быть не всѣ, а только нѣкоторые изъ нихъ? *всѣ* обыватели, пожалуй, тоже значитъ не всѣ, а только часть, на примѣръ одни договаривающіяся сословія“? и т. д.*) Но вслѣдъ за тѣмъ, онъ натыкается на *всѣ* права; тутъ онъ внезапно понижаетъ тонъ и, наклонившись къ читателю, внушительно шепчетъ ему на ухо: ну! всѣ не всѣ, а развѣ только нѣкоторыя, какія нибудь общія права, за исключеніемъ сословныхъ. — Такой пріемъ представляетъ большія удобства, но сомнительно, чтобъ онъ способенъ былъ внушить читателямъ большое довѣріе къ выводамъ автора.

Въ первомъ выпускѣ Окраинъ Россіи было сказано, что Россія цѣною неимовѣрныхъ усилій отвоевала у Швеціи свою естественную морскую границу. На этомъ словѣ перерываетъ меня Г. Ширренъ замѣчаніемъ, что я выражаюсь неточно. Неимовѣрныхъ усилій онъ не отрицаетъ, но ему не нравится, что я приплелъ къ дѣлу Россію. Петръ I, передъ началомъ войны, съ нею не совѣтовался и Земской Думы не созывалъ, стало быть Русская земля была тутъ ни при чемъ**). Положимъ; но удивляюсь какъ могъ послѣ этого самъ Г. Ширренъ, когда дѣло дошло до Лифляндіи, выразиться слѣдующимъ образомъ: „на Универсалы Царя, земля отвѣчала капитуляціею 4 Іюля.“***) Здѣсь двойная неточность; ибо, вопервыхъ, отвѣтъ послѣдовалъ не на Универсалы, выпущенные въ началѣ войны, а на требованіе сдаться, когда по словамъ Г. Ширрена, достаточно было бы не пожалѣть

*) Стр. 132, 133.
**) Стр. 140.
***) Стр. 116.

нѣсколькихъ выстрѣловъ, чтобы покончить съ Лифляндіею, или, когда, по выраженію дворянства „сія земля съ городами и обывателями отъ короны Свѣйской *взята* и Его Царскому Величеству поддана и подвержена *быть имѣла*“*). Во вторыхъ, вся земля ничего не отвѣчала, потому что была безгласна, а, вмѣсто одного отвѣта, ихъ было получено одновременно три. Первый далъ отвѣтъ отъ себя Шведскій Комендантъ Штромбергъ, какъ начальникъ Рижскаго гарнизона; онъ же, при этомъ, обезпечилъ будущность *всѣхъ* обывателей: дворянъ, духовныхъ, горожанъ и. т. д. но отнюдь не какъ цѣльнаго общества, а какъ подданныхъ Шведскаго Короля, котораго онъ Комендантъ, былъ въ этомъ случаѣ представителемъ. Затѣмъ, отвѣчалъ отъ себя городъ Рига, черезъ своихъ депутатовъ, наконецъ, тѣмъ же порядкомъ, то есть отъ себя и за себя, отвѣчало рыцарство и земство. Замѣчательно при этомъ, что и фельдмаршалъ Шереметевъ, въ своихъ конфирмаціяхъ, называлъ *генеральною* капитуляціею **) только аккордные пункты представленные ему комендантомъ, именно потому, что въ нихъ трактовалось обо всѣхъ обывателяхъ безъ различія принадлежности ихъ къ тому или другому сословію; слѣдовательно, онъ отличалъ эту капитуляцію, какъ общую, отъ двухъ другихъ, какъ частныхъ, то есть сословныхъ.

Теперь обратимся отъ буквы къ сущности дѣла и посмотримъ: подтверждается ли самымъ содержаніемъ аккордныхъ пунктовъ любимая мысль Г. Ширрена будтобы Лифляндское дворянство, при встрѣчѣ своей съ Русскимъ правительствомъ, почувствовало себя нравственно отвѣтственнымъ за всю землю. Этотъ приписываемый ему характеръ оберегателя не только своихъ, но и чужихъ интересовъ, прежде всего долженъ бы былъ выразиться въ

*) Пол. Собр. зак. IV Ном. 2279. А завоеванія не было?
**) П. Соб. зак. IV Ном. 2278. п. 20.

заботливости объ огражденіи выгодъ тѣхъ изъ обывателей края, которые, будучи сами лишены права подавать за себя голосъ, дѣйствительно нуждались въ опекунѣ. Такихъ было не мало. Крестьяне въ то время находились въ крѣпостномъ владѣніи у помѣщиковъ и, слѣдовательно, при перемѣнѣ владычества, естественно шли какъ бы въ придачу къ дворянству; но нельзя сказать, чтобъ они не имѣли никакихъ правъ. Шведское правительство признало за ними право собственности на ихъ движимость, даровало имъ опредѣленный надѣлъ — Bauerland и своего рода уставныя грамоты — Wakenbücher, иначе: норму повинностей. Въ Россіи XVIII вѣка не было ничего подобнаго и потому наше правительство очень могло и не знать, что въ Лифляндіи существовали обязательныя правила изданныя съ спеціальною цѣлью оградить крестьянъ отъ помѣщичьяго произвола. Вспомнилъ ли кто нибудь объ нихъ при заключеніи аккордныхъ пунктовъ? Вспомнили — Въ п. 21 мы читаемъ: „такожде и во время войны съ Россіею отвезенное крестьянство оттуда отпущается и каждый изъ оныхъ въ прежнее мѣсто безопасно отправляется дабы земля крестьянъ имѣла, и чтобъ не осталась она въ явный вредъ отчасти не обработана“*). Иными словами: подайте намъ назадъ нашу рабочую силу, потому что для нашей земли нужны крестьяне — и болѣе ничего; о томъ же, что и для крестьянъ нужна земля и что эта ихъ потребность была уже признана и удовлетворена закономъ — ни полслова. Но, можетъ быть, это былъ случайный пропускъ; дворянство было такъ занято другими предметами, на примѣръ обеспеченіемъ роскошнаго содержанія своимъ Ландратамъ, что о бауерландѣ и вакенбухахъ позволительно было на первый разъ и запамятовать. Посмотримъ, что будетъ дальше. Спустя тридцать лѣтъ послѣ

*) IV. Ном. 2279.

утвержденія аккордныхъ пунктовъ, Русское правительство почему то само вспомнило, что кромѣ Шляхетства, существовали въ Лифляндіи и крестьяне, Юстицъ-Коллегія обратилась въ Гофгерихтъ съ вопросомъ о законныхъ отношеніяхъ владѣльцевъ къ крѣпостнымъ людямъ и получила отъ представителя дворянства, Ландрата Розена, отвѣтъ: что де крестьяне лично, ровно какъ и все ихъ имущество, принадлежатъ помѣщикамъ на правѣ полной собственности, что существующія нормы повинностей отнюдь не имѣютъ силы обязательныхъ ограниченій этого права и что это де не законъ отъ правительства исшедшій, а не болѣе какъ добровольное разпоряженіе самаго дворянства, которымъ отнюдь не стѣсняется его свобода въ будущемъ. Объ этомъ доведено было до свѣдѣнія дворянства и оно одобрило отвѣтъ своего представителя — фактъ засвидѣтельствованъ бывшимъ Лифляндскимъ Ландратомъ Самсономъ*). По нашему, это не значитъ охранять, а скорѣе хоронить чужія права. Другое, безгласное, и въ полномъ смыслѣ слова обиженное сословіе составляли городскіе обыватели не принадлежавшіе къ составу городскихъ обществъ, то есть не приписанные ни къ магистратамъ ни къ торговымъ и ремесленнымъ гильдіямъ. Положеніе этихъ отверженцевъ было въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще хуже положенія крестьянъ. Земля, къ которой послѣдніе были привинчены, правда поглощала ихъ невольный трудъ, но за то она же и кормила ихъ, тогда какъ первые лишены были всякой возможности, законнымъ образомъ, добывать себѣ пропитаніе трудами рукъ своихъ, такъ какъ торговля, во всѣхъ ея видахъ, ремесла и всѣ вообще городскіе промыслы считались по праву кормленіемъ городскихъ гильдій и цеховъ. Заботливость этихъ привиллегированныхъ корпорацій объ огражденіи себя отъ всякаго

*) Inland, Beilage: historischer Versuch etc. etc. 1838, стр. 44—47.

съ этой стороны подрыва ясно проглядываетъ въ Рижской капитуляціи; но кто подумалъ объ отверженцахъ городскаго населенія? — „По сдачѣ и занятіи города, каждому позволено будетъ, по желанію, обеспечить свое пропитаніе и заняться промысломъ“ — эту статью, къ сожалѣнію въ продолженіи болѣе столѣтія остававшуюся мертвою буквою, предложили не Бургомистры, не Ратсгеры и не Ельтерманы; ее приписалъ своею рукою представитель Россіи, фельдмаршалъ Шереметевъ, какъ поправку къ утвержденнымъ имъ пунктамъ*).

Но можетъ быть мы заходимъ слишкомъ далеко спрашивая что сдѣлали привиллегированныя сословія для темной массы черныхъ людей; можетъ быть заботливость не только о своихъ, но и о чужихъ правахъ, которую я просмотрѣлъ и которую открылъ Г. Ширренъ въ буквѣ капитуляцій, ограничивалась болѣе тѣснымъ кругомъ высшихъ слоевъ Нѣмецкаго общества? Посмотримъ же: каковы были взаимныя отношенія собственно привиллегированныхъ сословій.

Шведское правительство готовится приступить къ такъ называемой редукціи, то есть къ отобранію казенныхъ имѣній, разными путями перешедшихъ въ частныя руки. Предчувствуя неминуемое раззореніе, дворянство собираетъ послѣднія свои силы въ отпоръ правительству и, по предложенію Паткуля, учреждаетъ изъ среды своей постоянный комитетъ для огражденія своихъ правъ отъ самовластія Шведскаго Генералъ-Губернатора и — отъ кого бы Вы думали? — отъ притязаній Рижскаго Магистрата**) Это въ минуту самаго тяжелаго и неразборчиваго давленія сверху! Депутаты отправленные въ Стокгольмъ, выдержавъ въ тамошнемъ государственномъ совѣтѣ нѣсколько крайне раздражительныхъ преній, собираются домой; ко-

*) IV. Ном. 2278. п. 22.

**) Устряловъ, Истор. Петра великаго III стр. 300.

роль хочетъ чѣмъ нибудь утѣшить ихъ, и вотъ, на прощальной аудіенціи, онъ заговариваетъ съ ними о Рижскомъ, городскомъ Бургграфіальномъ судѣ (которому въ стѣнахъ города подвѣдомы были дворяне), обнаруживаетъ свое негодованіе, что рыцарство, благороднѣйшее сословіе, подвергается такому униженію, обѣщаетъ отмѣнить его (то есть нарушить право городскаго общества) и открываетъ депутатамъ государственный архивъ, чтобъ они могли извлечь изъ него аргументы противъ своихъ согражданъ. Король какъ видно хорошо зналъ чѣмъ онъ могъ ублажить дворянъ. Цитированный выше авторъ брошюры 1841 года о Лифляндскихъ привилегіяхъ строго порочитъ лукавую политику Шведскаго правительства, сознательно направливавшаго одно сословіе на другое и прибавляетъ, что обращаясь въ Стокгольмъ съ доносами другъ на друга, дворянство и граждане напрасно вредили общему дѣлу, тогда какъ было бы такъ легко покончить полюбовно домашнія распри и уже за одно стоять противъ общаго врага.*) Но въ томъ то и сила, что это не для всѣхъ бываетъ легко. Въ подобномъ случаѣ, Русскіе, слѣдуя грубому *инстинкту* своей породы, можетъ быть и „сошлись бы въ любовь“ (какъ выражались наши древніе лѣтописатели), а въ Лифляндіи, какъ видно, дѣйствовалъ инстинктъ, можетъ быть и высшаго, но во всякомъ случаѣ противоположнаго свойства. Вскорѣ послѣ упомянутой поѣздки въ Стокгольмъ, наступаетъ для Лифляндіи рѣшительный кризисъ. Шереметевъ стоитъ у разбитыхъ укрѣпленій Риги и ожидаетъ сдачи; но и въ эту минуту дворянство и горожане дѣйствуютъ не только не вмѣстѣ и не собща, но даже другъ противъ друга, напередъ запасаясь оружіемъ, въ видахъ предполагаемаго ими перенесенія своихъ сословныхъ тяжбъ на рѣшеніе новой

*) Стр. 96. прим.

власти, какъ только она установится. Такъ дворянство, въ своей капитуляціи, выговариваетъ себѣ преимущество въ полученіи въ арендное владѣніе казенныхъ имѣній „наипаче передъ гражданами Рижскими“ а Рижане испрашиваютъ себѣ особенной гарантіи своего владѣнія по заставному праву, казенными и дворянскими имѣніями и получаютъ ее 4-го Іюля 1710 года.*)

Проходитъ два года и дворяне подаютъ правительству длинный меморіалъ, въ которомъ они между прочимъ заявляютъ: что имъ, дворянамъ, Всемилостивѣйше даровано преимущество во владѣніи казенными имѣніями, а граждане хотятъ де учинить въ семъ препятствіе, подъ тѣмъ предлогомъ(?!), что имъ отъ Высочайшаго имени обѣщана защита во владѣніи ихъ по заставному праву, чѣмъ де они дворянскимъ привилегіямъ обиду чинятъ. Далѣе, продолжаютъ просители, въ Шведскія времена, тѣмъ дворянству сильное предосужденіе учинено, что гражданамъ владѣть маетностями позволено было; такъ нельзя ли отобрать у нихъ эти мѣстности и передать намъ, а мы бы, разумѣется, поручились кредиторамъ за исправную уплату сдѣланныхъ ими ссудъ. Съ чего бы имъ послѣ этого домогаться дѣйствительнаго владѣнія, тѣмъ болѣе „что рѣшеніе сего единственно отъ Вашего Императорскаго Величества зависитъ.“ Иными словами: когда Шведское правительство подвергло насъ редукціи, мы подняли гвалтъ на всю Европу противъ этого вопіющаго нарушенія нашихъ правъ; теперь, мы желали бы предпринять такого-же рода редукцію въ нашу пользу, противъ нашихъ Риж-

*) Въ Русскомъ текстѣ говорится о маетностяхъ отданныхъ въ закладъ, въ Нѣмецкомъ: объ имѣніяхъ составляющихъ einiges Pfand, но рѣчь идетъ о продолженіи дѣйствительнаго владѣнія имѣніями (могутъ оставить за собою и возвратить не прежде какъ, и т. д.) слѣдовательно о заставномъ правѣ, по которому кредиторъ, выдавъ ссуду, немедленно вступалъ, на опредѣленный срокъ, во владѣніе имѣніемъ своего должника и самъ выручалъ, въ видѣ доходовъ съ него, какъ проценты такъ и самый капиталъ.

скихъ сограждан. Разрѣшивъ намъ это, Вы конечно нарушили бы ихъ права, вчера Вами гарантированныя, но вѣдь Самодержцу стоитъ только захотѣть! — Совѣсть Князя Меншикова, за отсутствіемъ Императора принявшаго просьбу Лифляндскаго шляхетства, какъ извѣстно, не отличалась особенною щекотливостью въ денежныхъ дѣлахъ; но и его привела въ изумленіе безцеремонность Лифляндскихъ „оберегателей и носителей права вообще“ (по опредѣленію Г. Ширрена). Онъ отвѣчалъ имъ: „шляхта имѣетъ всегда прежде гражданъ къ арендамъ до публичныхъ маетностей допущена быть, однакожъ Его Царское Величество и оныхъ гражданъ обидѣть не хочетъ, которымъ отъ короны Шведской публичныя маетности подъ закладъ отданы „... Правда и то“ что Его Царское Величество обѣщать изволилъ отъятыя маетности имъ (дворянамъ) паки возвратить, но понеже нѣкоторыя маетности отъ короны Шведской прежде сего заложены (т. е. отданы въ заставное владѣніе) и немалая учинена будетъ неправда, ежели безвинно оныя отъ залогодержца отнять, того ради всемилостивѣйшее есть Его Царскаго Величества соизволеніе, чтобъ напредъ закладодержца удовольствовать какимъ нибудь образомъ“.*)

Спрашиваю: кто тутъ является носителемъ и оберегателемъ права, не своего только, но и чужаго, права вообще: Лифляндское Шляхетство или инстинктъ Русской породы?

А чтожъ такое были Ландтаги? — спрашиваетъ Г. Ширренъ, какъ не исконное представительство, не одного дворянства, а именно всей земли, въ живой ея цѣльности, то есть рыцарства, уѣздныхъ землевладѣльцевъ, городовъ, Риги, Пернавы и т. д., въ совокупности; Ландтаги, почти безъ перерыва созывавшіеся одинъ за другимъ въ самыхъ

*) Пол. Собр. зак. IV. Ном. 2496.

первыхъ годахъ Русскаго владычества, до заключенія Ништатскаго договора, Ландтаги, которые и теперь, въ нынѣшней, исхудалой ихъ и формѣ (verkrümmten Form) все-таки признаются за представительство всей земли, согласно послѣднимъ строкамъ капитуляціи 1710 года (слѣдующимъ за пунктомъ 30) и согласно свидѣтельству ст. 83 св. мѣстн. узаконеній для губерній Остзейскихъ.*)

Здѣсь (да не прогнѣвается Г. Ширренъ) понятія и эпохи нѣсколько сбиты, а ссылки далеко не подтверждаютъ высказаннаго мнѣнія о Ландтагахъ. Представительныя собранія бываютъ различныхъ родовъ. Уполномоченные отъ Россіи, Англіи и Франціи съѣзжаются для взаимнаго соглашенія по вопросу близко затрогивающему интересы каждой изъ этихъ державъ; состоится ли между ними соглашеніе — неизвѣстно; обмѣнъ мыслей можетъ заключиться договоромъ, но каждая сторона можетъ также остаться при особомъ мнѣніи, наконецъ можетъ даже послѣдовать разрывъ. Депутаты отъ всѣхъ избирательныхъ округовъ Франціи съѣзжаются въ Парижъ для разрѣшенія состоящихъ на очереди законодательныхъ вопросовъ и изъ преній непремѣнно выработается коллективная воля всей земли, потому что всѣ депутаты и всѣ избиратели ихъ признаютъ будущее рѣшеніе собранія безусловно обязательнымъ для всѣхъ. Въ первомъ случаѣ передъ нами представители многихъ, другъ отъ друга совершенно независимыхъ, полноправныхъ личностей; во второмъ — представители частей единой коллективной личности, одной земли. Вотъ два типа собраній въ самой рѣзкой ихъ противоположности. Ни къ тому ни къ другому нельзя отнести безоговорочно древнихъ Ландтаговъ собиравшихся въ Балтійскомъ краѣ до его распаденія и до подчиненія Лифляндіи Польшѣ; но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ,

*) Стр. 131, 132.

что они гораздо болѣе походили на дипломатическія конференціи, чѣмъ на парламентскія сессіи. Конечно это былъ только зародышъ, изъ котораго современемъ можетъ быть и выработалось бы дѣйствительное представительство всей земли, еслибы, вопервыхъ, внѣшняя, историческая судьба Лифляндіи сложилась иначе, и еслибы, во вторыхъ, въ самой Лифляндіи, инстинктъ общенія и единенія взялъ верхъ надъ инстинктомъ эгоистическаго обособленія и сословной розни. Да дѣло въ томъ, что случилось обратное. Ландтаги приняли сперва характеръ преимущественно дворянскій, а потомъ исключительно дворянскій. Уже при Шведскомъ владычествѣ, дворяне съѣзжались на нихъ поголовно, тогда какъ не многіе привиллегированные города отряжали туда не болѣе двухъ или трехъ выборныхъ. Теперь, это право (очень ограниченное и въ томъ отношеніи, что члены собранія не изъ коренныхъ дворянъ пользуются правомъ голоса только по дѣламъ о добровольномъ самообложеніи) осталось за одною Ригою. Кто же вытѣснилъ депутатовъ отъ другихъ городовъ? — спроситъ можетъ быть читатель. Намъ объяснитъ это Отто Миллеръ, на котораго я уже ссылался и брошюрою котораго, не ссылаясь на нее, такъ много пользовался Г. Ширренъ. Когда въ 1757 году (стало быть не позднѣе какъ по прошествіи 36 лѣтъ послѣ послѣдняго Ландтага о которомъ упоминаетъ Г. Ширренъ) городъ Пернава вздумалъ напомнить о своемъ правѣ отряжать отъ себя депутатовъ на Ландтагъ, рыцарство отвѣтило ему, что оно о такомъ правѣ ничего не знаетъ — sie wisse von einem solchen Rechte nichts.*)

Такъ то рыцарство дорожило всесословнымъ представительствомъ и оберегало чужія права. Посмотримъ теперь на ссылки Г. Ширрена. Въ послѣднихъ строкахъ

*) Die Livländisch. Landesprivilegien. Стр. 70, примѣч.

п. 30 Шляхетскихъ аккордныхъ пунктовъ мы читаемъ: „и что еще къ пользѣ рыцарства и земли (zu der Ritterschaft und des Landes Besten) напомянуть и договариваться иногда надобно будетъ, то и впередъ у оныхъ (т. е. у рыцарства, а не у ландтага, derselben — scilicet der Ritterschaft) ни коимъ образомъ не отнято". Въ этой формѣ выражено ходатайство дворянства, а вотъ резолюція фельдмаршала Шереметева: „какъ никому путь къ праву не запрещается, и то что къ претензіи его принадлежитъ, объявить не возбраняется, такъ и благошляхетное рыцарство и земство (Landschaft а не Land) надѣяться могутъ, что и онымъ Его Царское Величество сіе не откажетъ, но паче Всемилостивѣйше на то воззритъ". Другими словами: пусть всякій и впередь ходатайствуетъ о своихъ нуждахъ. Есть ли тутъ хоть тѣнь намека на Ландтагъ, какъ на все сословное представительство всей земли? Противъ обыкновенія своего, Г. Ширренъ на сей разъ не побрезгалъ снизойти и до свода мѣстныхъ узаконеній (лучше бы было прежде не плевать въ колодезъ, пришлось же и изъ него напиться). Въ цитованной имъ 83 статьѣ значится, что предметомъ совѣщанія Ландтага можетъ быть все что касается правъ, пользъ и учрежденій дворянскаго общества или блага сего края. Но неужели говорить *обо всемъ* и говорить *за всѣхъ*, въ качествѣ представителя всѣхъ, значитъ одно и тоже? Еслибъ Г. Ширренъ перевернулъ двѣ страницы, то онъ увидѣлъ бы, что весь отдѣлъ о Ландтагахъ озаглавленъ словами: О собраніяхъ *дворянства* — таковыми признаетъ ихъ законъ.

Собраній земскихъ въ Русскомъ смыслѣ, то есть собраній всесословныхъ, въ Балтійскомъ краѣ кажется никогда не было, по крайней мѣрѣ ихъ не было уже въ концѣ XVII вѣка, нѣтъ и теперь, и вѣроятно не будетъ до тѣхъ поръ, пока тамошній дворянскій ржондъ не убѣ-

дится въ возможности сдѣлать изъ нихъ орудіе своей нѣмецкой, національной политики. Пересматривая аккордные пункты, мы даже находимъ въ нихъ очень важное хотя и не прямое свидѣтельство противъ теоріи Г. Ширрена, заднимъ числомъ навязывающаго Лифляндіи XVIII вѣка внутреннее единство, о которомъ она и не заботилась. Ни въ одной изъ 33хъ статей представленныхъ шляхетствомъ Русскому правительству на утвержденіе даже не упоминается о Ландтагахъ, а чего въ нихъ нѣтъ! Говорится о привилегіяхъ Лютеранскаго вѣроисповѣданія, объ организаціи Церкви, о личныхъ правахъ, о правахъ по имуществу, о землевладѣніи вотчинномъ, помѣстномъ и заставномъ, о судопроизводствѣ и управленіи, о нѣмецкомъ языкѣ и о нѣмецкихъ чиновникахъ, о содержаніи Ландратовъ, объ изъятіи отъ податей, о торговлѣ и промыслахъ, и таки ни слова о Ландтагѣ. Тревожимыя опасеніемъ какъ бы окончательно не одолѣла Швеція, дворянскія и городскія корпораціи старались затянуть дѣло и, по возможности, умалить свою отвѣтственность за переходъ свой въ Русское подданство; не естественно ли было бы при этомъ заявить, въ той или другой формѣ, что въ такомъ важномъ дѣлѣ, ни одно сословіе не считаетъ себя въ правѣ окончательно располагать собою, а можетъ только дать предварительное свое согласіе и напередъ подчиниться рѣшенію Ландтага, какъ единственнаго законнаго представителя всей земли — еслибы въ то время Ландтагъ дѣйствительно имѣлъ въ общемъ сознаніи такое значеніе? Никто объ этомъ и не подумалъ. Это отсутствіе общаго совѣта, даже потребности въ соглашеніи въ самую критическую минуту, особенно поражаетъ насъ Русскихъ, какъ рѣзкая противоположность къ параллельнымъ явленіямъ нашей исторіи въ смутную эпоху предшествовавшую избранія на царство Михаила Романова. У насъ, Государственная форма выработалась изъ земли

и служила какъ бы внѣшнимъ обликомъ внутренняго, земскаго единства; въ Лифляндіи, на оборотъ, объединеніе пришло извнѣ; сперва Польша, потомъ Швеція накинули на нее сѣть своихъ государственныхъ учрежденій. Оттого, когда у насъ государство треснуло сверху до низу, изъ за осколковъ его выступило наружу единство земское, и вся Россія, въ одинъ голосъ, потребовала земскаго собора; а въ Прибалтійскомъ краѣ, какъ только порвалась Государственная сѣть, загнанныя въ нее сословія ушли въ себя и потянули каждое въ свою сторону. Это не попрекъ, а простое заявленіе факта: у насъ: инстинктъ самопожертвованія и общенія, тамъ — инстинктъ самосохраненія и обособленія.

Въ этомъ отношеніи, крайне поучительна первая эпоха Русскаго владычества, до преобразованій Екатерины II и особенно первые года, непосредственно слѣдовавшіе за пріобрѣтеніемъ Лифляндіи. Никогда, ни прежде ни послѣ, тамошніе чины не пользовались такою широкою автономіею. Тогдашнее наше правительство разрѣшило имъ возстановить въ цѣломъ и въ частяхъ, такъ называемый правомѣрный порядокъ вещей, иначе старый, провинціяльный ихъ штатъ. Въ то время, ничто бы конечно не помѣшало имъ покончить домашнимъ порядкомъ старыя свои междоусобныя распри и сложиться въ плотную массу; никто бы этого и не замѣтилъ. Какъ же воспользовались они этою драгоцѣнною минутою и каковы были плоды ихъ внутренней, домашней работы, которой ничье непрошеное вмѣшательство со стороны не возмущало и не разстроивало? По практическимъ ея результатамъ, мы составимъ себѣ безошибочное понятіе и о томъ: какое мѣсто интересы всей земли, занимали въ заботахъ привиллегированныхъ сословій въ минуту подписанія аккордныхъ пунктовъ. Выслушаемъ же отвѣтъ самаго Г. Ширрена: „блекнутъ зародыши спасительнаго развитія, *дворянство изо-*

мируется, города хочешь, политическое развитіе останавливается на цѣлыхъ два поколѣнія.“*) Къ этому приговору мнѣ нечего прибавлять отъ себя.

Разсуждая о мѣстныхъ особенностяхъ Прибалтійскихъ губерній въ существѣ, а не по отношенію къ формальной ихъ правомѣрности, я почти не затрогивалъ вопроса о правѣ верховной власти измѣнять ихъ въ порядкѣ законодательномъ. Мнѣ казалось достаточнымъ напомнить, что утверждая привилегій Остзейскихъ корпорацій, правительство оговаривало права верховной власти и общія государственныя установленія, слѣдовательно подчиняло силу и обязательность частнаго и мѣстнаго интересамъ общаго и цѣлаго. Но Остзейцы думаютъ объ этомъ иначе. Преслѣдуя въ своихъ ученыхъ изслѣдованіяхъ, политическихъ брошюрахъ, общественныхъ приговорахъ, ходатайствахъ и адресахъ, одну мысль, о постепенномъ возведеніи сословныхъ привилегій на степень областной конституціи они, съ одной стороны, присвоиваютъ себѣ, какъ мы видѣли, законодательную автономію, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова (хотя, по сознанію самаго Г. Ширрена, это право всей землѣ даровано не было), съ другой, они отрицаютъ у правительства право преобразовательнаго почина и противопоставляютъ ему огульныя конфирмаціи того порядка вещей, подъ который они же теперь подкапываются. Мы де будемъ понемногу разбирать старую свою храмину и перестроивать ее по новому плану, нами начертанному, до котораго никому нѣтъ дѣла, а васъ покорнѣйше просимъ не мѣшаться въ нашу работу и не забывать, что вы на вѣки вѣчные скрѣпили старый планъ своею подписью. На это обыкновенно возражали, что скрѣпа всетаки сопровождалась оговорками, и потому, чтобъ убѣдить правительство въ его безправіи, нужно

*) Стр. 182.

было прежде всего постараться какъ нибудь умалить ихъ значеніе до нуля. Въ этомъ то и заключается главная заслуга Г. Ширрена. Онъ приступилъ къ дѣлу прямо, израсходовалъ на него много остроумія и, можно сказать, исчерпалъ вопросъ, разумѣется въ видахъ той партіи, которой онъ служилъ.

Въ конфирмаціяхъ и жалованныхъ грамотахъ встрѣчаются три оговорки:

1) „однакожъ Наше и Нашихъ государствъ Высочество и права предоставляя безъ предосужденія и вреда“ или: „однакожъ удерживаемъ мы при семъ Наше и государствъ нашихъ Высочество и права безъ предосужденія и вреда.“*)

2) „елико оныя (т. е. привилегіи, статуты, права, обычаи и пр.) къ нынѣшнему правительству и времени приличаются“ или: „елико оныя при нынѣшнемъ правительствѣ и времени возможно употребить.“**)

3) „елико сообразны они съ общими государства Нашего постановленіями и законами.“***)

Первыя двѣ формулы встрѣчаются вмѣстѣ начиная отъ первой конфирмаціи Петра Великаго до Императора Александра I; при немъ, онѣ исчезаютъ и на мѣсто обѣихъ вводится третья формула повторяющаяся въ прошломъ и въ началѣ нынѣшняго царствованія.

На первую оговорку Г. Ширренъ не обращаетъ вниманія; она буквально переведена съ Нѣмецкаго (uns und unserer Reiche Hoheit und Recht in allem vorbehältlich und sonder Nachtheil und praejudice) и, по крайней своей неопредѣленности, нисколько его не безпокоитъ.

---

*) Грамота Петра I 1710 Сент. 30-го (No. 2301) Екатерины I 1725 Іюля 1-го (No. 4743) Елисаветы Петровны 1742 25 Іюля (No. 8573).

**) Тамъ же.

***) Грамота Александра I 1801 Сент. 15 (No. 20010) Николая I 1827 9 Февр. (No. 889) Александра II 1856 Февр. 17 (No. 30185).

Противъ второй онъ выводитъ слѣдующій аргументъ. Въ аккордныхъ пунктахъ предложенныхъ рыцарствомъ Фелдьмаршалу Шереметеву испрашивалось прежде всего огульное признаніе и утвержденіе всѣхъ когда либо имѣвшихъ силу привилегій, правъ, обычаевъ и вольностей. Это составляетъ содержаніе *генеральнаго пункта*, какъ названъ онъ въ резолюціи Шереметева. За тѣмъ испрашивалось спеціяльное утвержденіе правъ и кондицій формулированныхъ въ слѣдующихъ 33хъ пунктахъ. Этому же порядку въ точности соотвѣтствуютъ и Высочайшія грамоты выданныя Петромъ Великимъ. Одна изъ нихъ, жалованная грамота дворянству Княжества Лифляндскаго 30 Сентября (No. 2301) служитъ отвѣтомъ на генеральное прошеніе и содержитъ въ себѣ генеральное подтвержденіе всѣхъ правъ, привилегій и вольностей рыцарства, *но съ двумя оговорками*, первою и второю. Другая, отъ 12 Октября, (No. 2304) содержитъ съ себѣ Высочайшія резолюціи на тѣ спеціяльные пункты капитуляціи, которыхъ Шереметевъ не счелъ себя вправѣ принять собственною своею властью, при чемъ и всѣ остальные имъ уже разрѣшенные пункты окончательно утверждаются на сей разъ *безъ всякихъ оговорокъ*. А какъ (разсуждаетъ Г. Ширренъ) общепринято, что сила оговорки ограничивающей дѣйствіе многихъ правъ въ совокупности, не распространяется на отдѣльныя права спеціяльно утвержденныя, то оказывается, что включеніемъ двухъ оговорокъ въ генеральную конфирмацію, Петръ I хотѣлъ только выразить, что онъ оставлялъ за собою право предварительнаго обсужденія законности тѣхъ притязаній и ходатайствъ, которыя въ этотъ моментъ не были еще выяснены, а могли быть предъявлены въ послѣдствіи; что же касается до правъ уже предъявленныхъ, въ точности формулированныхъ и признанныхъ, то они утверждены безоговорочно и *навсегда* (was einmal klar gestellt und bewilligt worden, ist auf immer bewilligt —

unzweideutig gewährt und auf ewige Zeiten ohne Clauseln bestätigt).*)

Все это очень остроумно; жаль только, что Г. Ширренъ, издавшій, отдѣльною брошюрою Лифляндскіе аккордные пункты и ихъ конфирмаціи, не взялъ на себя труда указать намъ гдѣ онъ вычиталъ выраженіе *навсегда*, или *на вѣчныя времена*, или *за себя и за своихъ преемниковъ* или что либо равносильное, въ резолюціяхъ 12 Октября 1710 года, на которыя онъ ссылается и которыя ему такъ дороги по отсутствію въ нихъ ненавистныхъ ему оговорокъ? Перебравъ эти резолюціи по складамъ, въ Русскомъ текстѣ и въ Нѣмецкомъ переводѣ по изданію Г. Ширрена, я утверждаю, что въ нихъ нѣтъ ничего подобнаго, то есть ни единаго слова, которымъ бы связывалась свобода правительства въ будущемъ. Въ резолюціяхъ Шереметева на аккордные пункты также не встрѣчается выраженій *навсегда* или *вѣчно;* въ самыхъ же пунктахъ предложенныхъ дворянствомъ, они встрѣчаются только два раза, именно въ начальной статьѣ, или въ такъ называемомъ генеральномъ прошеніи объ огульной конфирмаціи всѣхъ привилегій *на вѣчныя времена* и въ пунктѣ 1мъ „о сохраненіи безъ перемѣны *вѣчно* Евангелической вѣры.“ Между тѣмъ, въ первой жалованной грамотѣ, 30 Сентября, въ которую включены оговорки и которая, по мнѣнію Г. Ширрена, относится только къ генеральной просьбѣ, Петръ I, съ особеннымъ удареніемъ, подтверждаетъ *непрестанное* охраненіе Лифляндцевъ при ихъ правахъ и привилегіяхъ, не только за себя, *но и за своихъ наслѣдниковъ*, слѣдовательно навсегда. Такимъ образомъ, сопоставленіе двухъ конфирмацій 30 Сентября и 12 Октября приводитъ къ слѣдующему заключенію: что утверждено навсегда (грамотою 30 Сентября) утверждено

*) Стр. 116, 139, 146, 150, 151, 153.

съ оговорками; что утверждено безоговорочно (грамотою 12 Октября) утверждено безсрочно, но не навсегда. Понятно, что для цѣлей Г. Ширрена этого было недостаточно; ему непремѣнно нужна конфирмація безоговорочная и въ тоже время вѣковѣчная, а такъ какъ таковой не оказывалось, то для полученія искомаго, онъ сперва строго разъединилъ обѣ конфирмаціи, чтобъ имѣть предлогъ не распространять на вторую силы оговорокъ встрѣчаемыхъ въ первой, а потомъ принялъ ихъ за нѣчто единое и нераздѣльное, чтобъ имѣть основаніе ввести во вторую понятіе вѣковѣчности, которое также какъ и оговорка находится только въ первой. Выводъ его можно формулировать слѣдующимъ образомъ: такъ какъ оговорки встрѣчаются только въ первой грамотѣ содержащей въ себѣ резолюцію на генеральное прошеніе, то не слѣдуетъ примѣнять ихъ къ резолюціямъ второй грамоты на частныя ходатайства; а такъ какъ въ резолюціи на генеральное прошеніе утвержденіе дано на вѣчныя времена, то ничто не мѣшаетъ предположить, что и утвержденія послѣдовавшія на частныя ходатайства, во второй грамотѣ, даны также на вѣчныя времена. Логической послѣдовательности въ этомъ конечно нѣтъ, за то нельзя отрицать твердой послѣдовательности въ намѣреніи не отступающемъ ни передъ какими противорѣчіями.

Еще замысловатѣе другой доводъ придуманный Г. Ширреномъ для тойже цѣли, то есть для ослабленія силы оговорокъ.

Генеральная конфирмація 30 Сентября 1710 года, по ея конструкціи, совершенно сходна съ таковою же грамотою Шведскаго короля 10 Мая 1678 года. Послѣдняя, очевидно, служила образцомъ при редактированіи порвой, такъ что многія мѣста даже буквально переведены. Г. Ширренъ доказываетъ это перепечатывая ихъ одну противъ другой, въ два столбца. Выходитъ, между прочимъ,

что оговорка: „Наше и Нашихъ государствъ Высочество и права предоставляя безъ предосужденія и вреда“ цѣликомъ заимствована изъ Шведскаго документа. Но другой оговорки: „елико оныя къ нынѣшнему правительсву и времени приличаются“ въ Шведской грамотѣ нѣтъ; за то въ ней встрѣчается слѣдующая фраза: „признаемъ, оставляемъ и утверждаемъ за Лифляндскимъ рыцарствомъ и дворянствомъ тѣ привилегіи, права, вольности, владѣнія и т. д. которыя ими *законнымъ образомъ, въ силу несомнѣнныхъ актовъ* (ordentlich, bono titulo) пріобрѣтены и которыми они пользовались и т. д.“ Таковъ же, заключаетъ Г. Ширренъ, и смыслъ Царской Генеральной Конфирмаціи, съ ея оговорками. Правда, оговорокъ въ ней больше чѣмъ въ Шведской грамотѣ, но сила одинакова.*) Прошу читателей остановиться на этомъ выводѣ. Петръ I говоритъ: утверждаю въ той мѣрѣ въ какой сообразны съ нынѣшнимъ Русскимъ правительствомъ и съ условіями времени, слѣдовательно оставляетъ за собою и за преемниками своими право подвергать привилегіи разсмотрѣнію *въ существѣ* и откидывать все то, что оказалось бы непримиримымъ съ интересами государства и съ ходомъ времени. Король Шведскій говоритъ: утверждаю все то, что имѣетъ законное основаніе, иначе: что можетъ быть *въ формальномъ отношеніи оправдано*, не касаясь вопроса о существѣ или содержаніи. А насъ хотятъ увѣрить, что это одно и тоже „что въ силѣ оговорокъ нѣтъ разницы“ — ihre Tragweite ist unverändert“ — Невольно приходится предположить, что и Г. Ширренъ, приступая къ дѣлу, запасся про себя третьею невысказанною оговоркою, своего рода restriction mentale: буду толковать свидѣтельства въ настоящемъ ихъ смыслѣ, елико оный приличествуетъ интересамъ Остзейскаго сепаратизма и предвзятой цѣли.

---

*) Стр. 149, 150.

Сопоставивъ вторую оговорку (елико къ нынѣшнему правительству или времени приличаются) съ третьею, позднѣйшею (елико сообразны они съ общими государственными постановленіями и законами) я призналъ въ нихъ одну и туже мысль въ двухъ различныхъ редакціяхъ. Напрасно — говоритъ Г. Ширренъ: редакція 1710 года и редакція 1856го вовсе не равносильны и не замѣняютъ одна другой; ибо послѣдняя встрѣчается и тамъ гдѣ не было первой, на примѣръ въ конфирмаціи привилегій Эстляндскаго рыцарства. Вы — продолжаетъ Г. Ширренъ, обращаясь ко мнѣ: конечно увѣряете, что тамъ гдѣ оговорка буквально не выражена ее надобно предполагать. Вольно Вамъ это говорить, но ктоже повѣритъ Вамъ?*).

Я могъ бы отвѣтить, что повѣрятъ можетъ быть тѣ самые довѣрчивые читатели, которымъ Г. Ширренъ повѣдалъ, что гдѣ говорится въ документѣ о совокупности *всѣхъ* правъ, нужно предполагать: за изъятіемъ правъ сословныхъ; но я могу вовсе обойтись безъ вѣры на слово и удовольствоваться полнотою въ справкѣ. Я развертываю полное собраніе законовъ на 1725 годѣ, на жалованной грамотѣ Эстляндскому рыцарству и нахожу въ ней подтвержденіе привилегій съ буквально выраженною оговоркою: елико оныя къ нынѣшнему правительству и времени приличаются.**) Откудажь взялась бы она, на другой годъ послѣ кончины Петра Великаго, въ первый годъ царствованія Екатерины I, которой правленіе было продолженіемъ государственныхъ традицій ея супруга, еслибъ и при немъ эта оговорка не подразумѣвалась всегда и вездѣ и не считалась существеннымъ условіемъ утвержденія? Пусть разсудятъ читатели: что вѣроятнѣе, мое ли предположеніе, противъ котораго протестуетъ Г. Ширренъ,

*) Стр. 138, 139.

**) 1725, Іюля 1, Ном. 4743.

но въ пользу котораго свидѣтельствуетъ практика ближайшей къ Петру Великому эпохи, или объясненіе Г. Ширрена, идущее въ разрѣзъ съ этимъ свидѣтельствомъ, будто бы Петръ I сознательно отказался отъ дальнѣйшаго употребленія оговорки включенной въ Лифляндскую жалованную грамоту, вслѣдствіе вызванныхъ ею недоразумѣній и возраженій. *)

Далѣе, продолжаетъ Г. Ширренъ, хотя оговорки 1710 и 1856 годовъ (вторая и третья) повидимому совпадаютъ между собою, но на самомъ дѣлѣ, онѣ не имѣютъ *ничего общаго*, такъ какъ и самыя конфирмаціи, въ которыхъ онѣ встрѣчаются, столь рѣшительно разнятся между собою въ существѣ, что ихъ нельзя даже ставить въ одинъ рядъ.**)

Эта разница обнаруживается въ слѣдующемъ:

Конфирмація 1710 года связала не только Петра Векикаго давшаго ее, но и всѣхъ его наслѣдниковъ, на вѣчныя времена, тогда какъ каждая изъ послѣдующихъ связывала только того Государя, который ее выдавалъ, на время одного царствованія.

Конфирмаціею 1710 года, Петръ Великій утвердилъ договорныя отношенія, установившіяся на основаніи капитуляцій, между двумя равноправными сторонами, Русскою державою и еще неподвластными ей Лифляндскими чинами. Какъ выраженіе обязательства единожды навсегда принятаго, эта первая конфирмація не нуждалась ни въ повтореніи, ни въ подтвержденіи, а потому, если бы даже въ послѣдствіи и прекратилось обычное при началѣ каждаго новаго Царствованія подтвержденіе привилегій, то обстоятельство это нисколько бы не ослабило силы Петровской конфирмаціи 1710 года.

---

*) Стр. 153, 155.

**) Стр. 138, 139, 155, 156, 157.

Позднѣйшія конфирмаціи выдавались Русскими Государями не въ качествѣ наслѣдниковъ Петра I (nicht als Nachkommen Peters des Grossen) — ибо какъ его наслѣдники они уже были связаны его конфирмаціею, и получались Остзейскими чинами не въ качествѣ потомковъ договаривавшихся въ 1710 году, а въ качествѣ подданныхъ; оттого онѣ и носятъ названіе жалованныхъ грамотъ (Gnadenbriefe).

Конфирмаціею 1710 года утверждена на вѣки цѣлая система вполнѣ законченныхъ и навсегда неприкосновенныхъ правъ, но, оставаясь неизмѣнными въ существѣ, эти права всетаки развивались послѣдующими узаконеніями, и позднѣйшія конфирмаціи заключали въ себѣ не болѣе какъ признаніе именно этихъ преходящихъ фазисовъ или моментовъ развитія, этого (если можно такъ выразиться) постепеннаго, законодательнаго нарощенія.*)

Здѣсь, что ни слово, то натяжка или прямое противорѣчіе документальнымъ свидѣтельствамъ; ибо: вопервыхъ, генеральная конфирмація 30 Сентября 1710 года, первая по старшинству, озаглавлена въ полномъ собраніи законовъ, какъ и всѣ послѣдующія *жалованною грамотою*,**) и, слѣдовательно въ этомъ отношеніи, нисколько отъ нихъ не разнится.

Во вторыхъ, въ началѣ этой грамоты значится: „Понеже Наше благородное рыцарство и земство княжества Лифляндскаго, со всею тою провинціею по Божію милосердому управленію, Нашимъ справедливымъ и побѣдоноснымъ оружіемъ, по капитуляціи отъ Насъ прежде *позволенной*, Намъ сдались и *подданными учинилися* и Намъ и Нашимъ законнымъ наслѣдникамъ *торжественную присягу въ вѣрности учинили*, и *потомъ всеподданнѣйше просили* дабы мы всѣ ихъ древнія привилегіи и т. д. милостиво

*) Стр. 138, 139, 156, 157.
**) No 2301.

подтвердили и т. д, того ради, Мы за справедливо разсудили, на ихъ *покорнѣйшее* прошеніе позволить и т. д.“ Вторая конфирмація, содержащая въ себѣ резолюціи на спеціяльные пункты подписана нѣсколькими днями позднѣе, 12 Октября; слѣдовательно, обѣ грамоты 1710 года выданы *подданнымъ*, по принесенію ими присяги, а потому и въ этомъ отношеніи нисколько не разнятся отъ всѣхъ послѣдующихъ конфирмацій.

Въ третьихъ, обѣщаніе какъ за себя такъ и за своихъ законныхъ наслѣдниковъ, встрѣчается, не только въ конфирмаціи Петра I 1710 года, но и въ послѣдующихъ Екатерины I, Петра II, Анны Іоанновны, принцессы Анны и Елисаветы Петровны;*) слѣдовательно, эта формула не представляетъ собою исключительной особенности первой конфирмаціи, въ отличіе отъ позднѣйшихъ.

Въ четвертыхъ, сами Лифляндскіе депутаты, въ началѣ каждаго царствованія, испрашивая подтвержденія своихъ привилегій, нетолько не проводили рѣзкой черты между конфирмаціею Петра Великаго и послѣдующими, а совершенно на оборотъ, всякій разъ перечисляли ихъ къ ряду, не дѣлая между ними никакой разницы и основывая свои ходатайства на совершенномъ ихъ тождествѣ и на ихъ непрерывности. Прежніе владѣтели Лифляндіи, Гермейстеры и Гросмейстеры утверждали наши привилегіи; тоже дѣлали Короли Польскіе, Короли Шведскіе и Ваши предки Петръ I и Его наслѣдники, такіе то и такіе то; мы просимъ Васъ всеподаннѣйше послѣдовать ихъ примѣру — это обыкновенная формула ходатайства. И Государь отвѣчаетъ: по примѣру прежнихъ владѣтелей Лифляндіи и моихъ предковъ, Петра, Екатерины и проч.

---

*) 1725 Іюля 1 (No 4743) 1728 Сент. 12 (NNo 5330, 5332) 1730 Августа 23 (No 5608) 1741 Февр. 20 (No 8336) 1742 Іюня 25 (No 8573). Конфирмація Петра II Лифляндскому дворянству не помѣщена въ полномъ собраніи законовъ, но объ ней упоминается въ конфирмаціи выданной Эстляндцамъ.

и въ воздаяніе за вѣрную службу моимъ предкамъ, соизволяемъ и Мы и утверждаемъ и т. д.*) Слѣдовательно, Лифляндскіе депутаты подходили къ престолу именно какъ потомки рыцарей присягнувшихъ Петру Великому и принявшихъ первую конфирмацію, а наши Государи выслушивали ихъ ходатайства именно какъ наслѣдники Петра Великаго. Ни тѣ ни другіе, какъ видно, не подозрѣвали новѣйшей теоріи Г. Ширрена.

Въ пятыхъ, въ *нѣкоторыхъ* конфирмаціяхъ (въ грамотахъ Петра II и Елисаветы) дѣйствительно упоминается о правахъ и преимуществахъ дарованныхъ дворянству послѣ Петра Великаго, какъ то: о вотчинахъ и доходахъ пожалованныхъ на содержаніе Ландратовъ и школъ, но *во всѣхъ конфирмаціяхъ безъ исключенія* стоитъ на первомъ планѣ утвержденіе именно тѣхъ „напредъ сего благозаслуженныхъ привилегій, съ которыми они къ Е. И. В. блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти супругу, или дѣду, или дядѣ, или родителю Нашему въ подданство пришли“**) слѣдовательно, именно той юридической старины, которая, по толкованію Г. Ширрена, будтобы не нуждалась въ подтвержденіяхъ и до которой конфирмаціи преемниковъ Петра Великаго будто бы вовсе не относились.

Наконецъ, оговорка: елико приличествуютъ нынѣшнему правительству и времени, въ первый разъ употребленная въ 1710 году, повторена была въ конфирмаціяхъ 1725 и 1742 годовъ; слѣдовательно, 1710 годъ не былъ годомъ послѣдняго суда надъ привилегіями, какъ думаетъ Г. Ширренъ. Приспособленіе ихъ къ обстоятельствамъ и измѣненіе ихъ сообразно съ требованіями времени не считалось дѣломъ разъ навсегда законченнымъ, а дѣломъ постоянно продолжающимся; иными словами: пока стоятъ

*) Жалованныя грамоты Екатерины I, Петра II, Анны Іоанновны, Елисаветы.

**) Тѣже грамоты.

привилегіи, оговорка 1710 года остается во всей силѣ; она упразднится только тогда, когда самыя привилегіи отойдутъ въ область прошедшаго.

Въ дополненіе къ ссылкамъ своимъ на аккордные пункты и на конфирмаціи привилегій, Г. Ширренъ, разумѣется, не упустилъ пригрозить намъ и Ништатскимъ трактатомъ, хотя справедливость требуетъ замѣтить, что онъ дѣлалъ это мимоходомъ и, повидимому, не придавая этому аргументу особенной важности. Вовсе умолчать объ немъ было невозможно — онъ теперь въ модѣ, не только въ Ригѣ, но и въ Петербургѣ. Понятна до нѣкоторой степени надежда питаемая Остзейскими политиками и поощряемая ихъ заграничными сторонниками, при обстоятельствахъ для нихъ благопріятныхъ а для Россіи несчастныхъ, перенести нашъ домашній вопросъ на дипломатическую почву и потянуть насъ къ отвѣту передъ трибуналомъ Европы. Въ этихъ видахъ, мало по малу, пріучаютъ слухъ ея, кстати и не кстати упоминая о Ништатскомъ трактатѣ; но гораздо труднѣе объяснить себѣ вслѣдствіе какихъ побужденій ссылки на него, при обсужденіи вопросовъ внутренняго законодательства, повидимому начинаютъ переходить изъ Остзейской практики въ практику Государственнаго Совѣта. *) Пора же наконецъ ознакомиться по короче съ этимъ пресловутымъ трактатомъ, обращаемымъ теперь въ новое стѣнобитное противъ насъ орудіе. Прежде всего не слѣдовало бы кажется упускать изъ виду, что всякій договоръ, какъ частный такъ и государственный, можетъ служить основаніемъ къ предъявленію какихъ либо требованій или жалобъ только самимъ договорившимся сторонамъ, или лицамъ принявшимъ на себя гарантію точнаго его исполненія. Ништат-

*) На примѣръ въ особомъ мнѣніи 8-ми членовъ по вопросу о повинностяхъ въ пользу Лютеранскаго духовенства Журн. Государ. Совѣта Департ. законовъ и экономіи 29 Января и 20 Февраля 2, 5, 9, 12, 28 Марта 1860 № 17.

скимъ трактатомъ обязались другъ передъ другомъ Россія и Швеція — болѣе никто; ни одна сторонняя держава не гарантировала его и даже не принимала участія въ его составленіи. Правда, мы знаемъ изъ оффиціяльныхъ свидѣтельствъ первой четверти прошлаго вѣка, что нѣкоторые Лифляндцы, присягнувъ Петру I, перешептывались за спиною Россіи съ Шведскимъ правительствомъ; эти тайныя, воровскія сношенія, начавшіяся до заключенія Ништатскаго договора, вызывали со стороны Русскаго правительства неоднократныя выраженія неудовольствія и на столько озабочивали его, что въ ожиданіи войны съ Англіею, Петръ I, по донесенію Рижскаго Губернатора Репнина, не только не разрѣшилъ употреблять Рижанъ для обороны порода, а повелѣлъ, какъ только покажется непріятель, немедленно обобравъ у Рижанъ всѣ ружья, всѣхъ взрослыхъ мущинъ выслать изъ города въ нашу землю и также поступить и съ уѣздомъ „гдѣ живетъ пляхетство, на которыхъ къ вѣрности мало мнится упованію быть" какъ писалъ Репнинъ.*) Все это естественно наводитъ на предположеніе, что если Шведское правительство, такъ безцеремонно обращавшееся съ мѣстнымн привилегіями во время своего владычества въ Лифляндіи, приняло такъ горячо къ сердцу ихъ неприкосновенность какъ только Лифляндія отошла къ Россіи, то это пробужденіе въ немъ поздней объ нихъ заботливости вызвано было ничѣмъ инымъ какъ усиленными домогательствами *Лифляндскихъ его адгерентовъ*; но въ настоящемъ случаѣ рѣчь идетъ не о тайныхъ интригахъ, а о прямомъ, законномъ и гласномъ участіи въ переговорахъ. Такого участія представителямъ Лифляндскихъ чиновъ дано не было; по вступленіи ихъ въ подданство Россіи оно было даже немыслимо. Мы не видимъ ихъ подписей подъ Ништат-

*) Осьмнадцатый вѣкъ — изданіе Бартенева IV.

скимъ трактатомъ; они были не болѣе какъ предметомъ, или объектомъ соглашеній; объ нихъ упоминалось въ статьяхъ договора, но это очевидно не давало имъ правъ и не налагало на нихъ обязанностей договаривающагося субъекта. На какомъ же основаніи стали бы они теперь ссылаться на Ништатскій трактатъ и противопоставлять статьи его статьямъ свода законовъ? Протестовать могла бы только Швеція, не опротестовавшая и великихъ преобразованій Екатерины II, а когда молчитъ Швеція, никто не въ правѣ самовольно присвоивать себѣ ея роль, становиться на ея мѣсто, подавать за нее голосъ и напоминать Русскому правительству о его обязательствахъ по отношенію къ ней. Не мѣшало бы разъ навсегда разъяснить это Ревельскому Магистрату и Лифляндской Ландратской Коллегіи.

Обратимся теперь въ самому содержанію договора. Въ той мѣрѣ въ какой онъ касается настоящаго предмета, вся суть его заключается въ ст. 9: „Его Царское Величество обѣщаетъ, что *всѣ жители* провинцій Лифляндскія и Эстляндскія, такожде и острова Эзеля шляхетные и *нешляхетные*, и въ тѣхъ провинціяхъ обрѣтающіеся города, Магистраты, цехи и цунфты при ихъ *подъ Свѣйскимъ правленіемъ имѣвшихъ привилегіяхъ, обыкновеніяхъ, правахъ и справедливостяхъ*, постоянно и непоколебимо содержаны и защищены будутъ.“ Въ ст. 10, это общее обѣщаніе примѣняется къ церковнымъ дѣламъ, а въ ст. 11 подтверждается отмѣна редукціи и ликвидаціи дворянскихъ имѣній.*) Итакъ, Русское правительство обязалось охранять не привилегіи вообще, а привилегіи бывшія въ силѣ при Шведскомъ правительствѣ. Но Шведское владычество надъ Лифляндіею длилось безъ малаго цѣлое столѣтіе и въ продолженіи этого періода, оно, какъ из-

*) Полн. Собр. зак. VI No. 3819.

вѣстно, не бездѣйствовало. Много старыхъ привилегій было отмѣнено, много было совершено или начато коренныхъ преобразованій въ правахъ состояній, въ устройствѣ сословій, въ системѣ управленія, такихъ преобразованій, о какихъ никогда и не мечтало Русское правительство, за исключеніемъ царствованія Екатерины II. Какое же именно время Шведскаго правительства, чье царствованіе, какой годъ, долженъ служить на вѣки вѣчные образцомъ и мѣриломъ законности? Чѣмъ именно должны мы руководствоваться въ практикѣ Шведскаго правительства, чему подражать и чего избѣгать? Въ разрѣшеніе этихъ вопросовъ, буква Ништатскаго трактата не дастъ никакихъ указаній, а историческія справки иногда страннымъ образомъ расходятся съ теперешними притязаніями. Во время Шведскаго владычества, треть казенныхъ помѣстій, составлявшихъ значительно болѣе половины всѣхъ имѣній въ уѣздахъ, всегда раздавалась Шведамъ; чрезъ нихъ, правительство, въ полицейскомъ отношеніи, держало край въ своихъ рукахъ;*) почти во всѣ коренныя должности назначались Шведы, а коронными считались въ то время всѣ судебныя мѣста; наконецъ, дворянство обязано было половину Ландратовъ выбирать непремѣнно изъ числа Шведскихъ помѣщиковъ, а теперь назначеніе Русскаго въ коронную должность возбуждаетъ ропотъ. Генералъ Вел-

*) При обращеніи помѣстій въ вотчины въ 1783 году, это могучее орудіе вывалилось изъ рукъ правительства. Теперь всѣ земскія полицейскія должности замѣщаются по выбору отъ мѣстнаго дворянства, слѣдовательно находятся въ рукахъ сословія не признающаго обязательности свода законовъ. Вообще, въ Балтійскомъ краѣ, кромѣ Генералъ-Губернатора, Губернаторовъ, двухъ предсѣдателей и полицеймейстеровъ въ городахъ, правительство не имѣетъ другихъ агентовъ, которыхъ бы оно могло считать своими. Мудрено ли, что при такихъ условіяхъ, ни одинъ Русскій Генералъ-Губернаторъ (кромѣ Князя Суворова) долго не уживался въ Ригѣ. А у насъ не обращаютъ вниманія на этотъ не нормальный порядокъ вещей и тѣмъ временемъ сочиняютъ проэкты объ усиленіи правительственной полиціи въ Русскихъ губерніяхъ!

лингъ, Шведскій главнокомандующій въ Лифляндіи и уполномоченный отъ своего правительства по военнымъ и гражданскимъ дѣламъ сносился даже съ Ландтагомъ предложеніями писанными по Шведски, Ландтагъ принималъ ихъ безпрекословно и для доклада собранію, отъ себя, переводилъ ихъ по Нѣмецки;*) слѣдовательно въ то время, Нѣмецкій языкъ, какъ видно, не пользовался исключительною привилегіею въ оффиціяльной перепискѣ, а Ревельскій Магистратъ, въ дерзкой отповѣди при которой онъ вернулъ Генералъ-Адъютанту Альбединскому предложеніе писанное по Русски, въ оправданіе своего поступка, не преминулъ сослаться между прочимъ и на Ништатскій трактатъ. Кажется, что указать на него имѣлъ бы болѣе основаній Генералъ Альбединскій еслибъ онъ не предпочелъ отмолчаться. Всѣмъ извѣстно, что убѣждая Лифляндцевъ отложиться отъ Швеціи при первомъ появленіи Русскихъ войскъ и не выжидая исхода войны, Петръ I, въ Универсалахъ своихъ, не скупился на порицаніе дѣйствительно крутыхъ и раззорительныхъ для дворянства мѣропріятій Шведскаго правительства и обѣщалъ мѣстнымъ сословіямъ, буде они перейдутъ на его сторону, полное удовлетвореніе по всѣмъ ихъ жалобамъ и возстановленіе всѣхъ упраздненныхъ привилегій. Оружіе рѣшило судьбу Лифляндіи; но и по завоеваніи ея, Петръ I не взялъ назадъ своего обѣщанія. Мѣстныя сословія тотчасъ же предъявили цѣлый рядъ болѣе или менѣе основательныхъ требованій сводившихся къ возстановленію на такъ называемомъ законномъ основаніи провинціяльнаго земскаго штата — die Wiederaufrichtung oder Restauration des Landesstaates — это значило: вернуться къ средневѣковому порядку вещей, уничтожить въ пользу сословной и провинціяльной исключительности все что успѣло выра-

*) Recesse der Livländ. Ritterschaft, изданіе Г. Ширрена стр. 287.

ботаться изъ вѣковой ея борьбы съ началомъ государственнаго объединенія, вооружить ее новыми средствами и орудіями для продолженія той же, неминуемой борьбы въ будущемъ; это значило, прежде всего, осудить въ принципѣ всѣ мѣропріятія Шведскаго правительства и до чиста смыть съ лица Лифляндіи всѣ слѣды его дѣятельности. Понятно, что для такой работы, требовавшей близкаго знакомства съ мѣстными законами и обычаями, наше тогдашнее правительство было безусловно инкомпетентно и что она естественно перешла въ руки Лифляндскихъ дѣльцовъ. Доклады того времени, восходившіе на Высочайшее утвержденіе, облекались въ слѣдующую общую форму: Шведское правительство установило и узаконило тото и тото, слѣдовательно — это никуда не годится, а въ старину когда то, было тото и тото, и потому нужно поскорѣе упразднить то, что сдѣлано было въ новѣйшее время и возстановить старину. Пользуясь попутнымъ вѣтромъ, Лифляндское дворянство неслось по этому направленію на всѣхъ парусахъ, рубило съ плеча и ломало законы, какъ оно одно умѣетъ рубить и ломать когда виднѣется впереди антилиберальная цѣль и когда путь къ ней открытъ. Эта лихорадочная и въ полномъ смыслѣ слова революціонная реакція противъ всѣхъ порядковъ существовавшихъ подъ Шведскимъ владычествомъ началась до Ништатскаго трактата и, по заключеніи его, ни мало не задумываясь, продолжала свое дѣло. На пунктъ 9, требовавшій непрестаннаго охраненія привилегій, обычаевъ, правъ и справедливостей *имѣвшихъ силу при Шведскомъ правительствѣ* никто не обращалъ вниманія; менѣе всѣхъ думало о немъ дворянство, хотя возстановленіе его стародавнихъ, дѣйствительныхъ или мнимыхъ правъ почти никогда не обходилось безъ нарушенія или стѣсненія чужихъ правъ, въ послѣднее время пріобрѣтенныхъ другими сословіями.

Было между прочимъ одно дѣло, первостепенной важности, въ которомъ, къ сожалѣнію, дѣйствительно было поступлено вопреки буквѣ и духу Ништатскаго трактата — это дѣло крестьянское. Шведскому правительству принадлежитъ честь перваго по времени и почти единственнаго толковаго заступничества за несчастныхъ Латышей и Эстовъ. Не довольствуясь, какъ Польское, выраженіемъ безплодныхъ пожеланій, оно энергически принялось за дѣло и положило прочное основаніе обеспеченію хозяйственнаго ихъ быта, установленіемъ неотъемлемаго поземельнаго надѣла и обязательной нормы издѣльной повинности. Это были въ полномъ смыслѣ слова права или привилегіи крестьянъ, конечно не менѣе важныя не только для нихъ, но и по себѣ, чѣмъ шраги какой нибудь компаніи Рижскихъ Шварцгейптеровъ или чѣмъ привилегія de non apellando; а такъ какъ трактатомъ гарантировались *всѣ* права *всѣхъ* жителей провинціи, въ томъ числѣ и *нешляхетныхъ*, то сила его несомнѣнно распространялась и на органическія постановленія изданныя въ пользу крестьянъ. Какъ же могло случиться, что все это въ 1819 году отмѣнено было такъ безцеремонно, однимъ почеркомъ пера, и по ходатайству дворянства? Не удивительно, что Швеція ничего не возразила на эту мѣру подрѣзавшую въ корнѣ лучшія ея насажденія; но какъ не вспомнили о девятомъ параграфѣ Ништатскаго трактата сами Балтійскіе политики, хотя бы на примѣръ передовой человѣкъ того времени, Ландратъ Самсонъ изобрѣтатель обезземеленія крестьянъ и великій знатокъ мѣстнаго права? Не для того же заключенъ былъ этотъ договоръ, чтобъ Лифляндскіе чины могли стѣснятъ имъ другихъ, не стѣсняясь имъ сами, забывать объ немъ когда вздумается и напомнить объ немъ когда нужно. Послѣдовательнѣе и честнѣе было бы оставить его совсѣмъ въ покоѣ, предоставивъ вопросы международнаго права единственнымъ компетентнымъ въ этомъ дѣлѣ

судьямъ: нашему Министерству Иностранныхъ Дѣлъ и представителямъ другихъ державъ при нашемъ дворѣ.*)

*) Говоря о Ништатскомъ трактатѣ исключительно по отношенію къ мѣстнымъ особенностямъ Лифляндіи, я считаю излишнимъ напоминать, что по истеченіи безъ малаго полутораста лѣтъ, въ продолженіи которыхъ Россія не разъ воевала и договаривалась съ Швеціею, этотъ трактатъ, и самъ по себѣ, не можетъ уже считаться ни единственнымъ, ни послѣднимъ по времени основаніемъ для регулированія взаимныхъ отношеній между Россіею и Швеціею. На это обстоятельство было уже не разъ указываемо въ нашихъ газетахъ, между прочимъ въ Голосѣ 15 Мая, 1870 No 133.

IV.

По множеству выписокъ изъ древнихъ актовъ и ссылокъ на нихъ встрѣчаемыхъ въ брошюрахъ какъ Г. Ширрена такъ и другихъ поборниковъ Лифляндской автономіи, можно на первый взглядъ подумать, что они крѣпко стоятъ на исторической почвѣ; но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что короткое знакомство съ исторіею доводитъ ихъ иногда до слишкомъ безцеремоннаго обращенія съ нею. Пока идетъ рѣчь о внутреннемъ складѣ Балтійскаго общества, они даютъ широкій просторъ требованіямъ времени и охотно допускаютъ необходимость послѣдовательныхъ превращеній вызываемыхъ общимъ ходомъ историческаго развитія. На этомъ основаніи, сословія, недавно еще чуждавшіяся другъ друга, теперь снимаютъ раздѣлявшія ихъ перегородки и перестраиваются въ политическую національность; изъ частныхъ привилегій вырабатывается областная конституція; общегерманскій интересъ подчиняетъ себѣ и совокупляетъ недавно еще разбѣгавшіеся въ разныя стороны интересы отдѣльныхъ группъ мѣстнаго населенія; даже Латышей и Эстовъ, которыхъ тамошняя интеллигенція такъ долго и такъ систематически держала въ черномъ тѣлѣ, стараются теперь наскоро завербовать въ задніе ряды формируемаго Нѣмецкаго ополченія, въ надеждѣ обмануть глазъ и замаски-

ровать малочисленность передовой дружины. Все это рѣшительно противорѣчитъ достопочтенной старинѣ и тѣмъ не менѣе признается естественнымъ, похвальнымъ, заслуживающимъ всякаго поощренія, ибо таково требованіе времени. Казалось бы, что на таковыя же и конечно не менѣе уважительныя требованія, на тотъ же законъ непрерывности историческаго развитія, могло бы сослаться и правительство въ оправданіе своихъ преобразовательныхъ начинаній; ибо нельзя же предполагать, чтобъ отношенія цѣлой Имперіи къ одной изъ ея областей, установившіяся въ 1710 году, могли ни въ чемъ не расходиться съ нынѣшними понятіями о значеніи, призваніи и правахъ государства. Но какъ только дѣло доходитъ до государства, вопросъ немедленно переносится съ почвы исторической на почву гражданскаго права. Что было разъ договорено и подписано, хотя бы полтораста лѣтъ тому назадъ, то остается крѣпкимъ и неизмѣннымъ навсегда! Выходитъ, что для Лифляндіи, капитуляціи не болѣе какъ историческій моментъ, представляющій собою итогъ предшествовавшаго и вмѣстѣ съ тѣмъ исходную точку послѣдующаго развитія; а для государства, тѣже капитуляціи должны имѣть каноническую силу послѣдняго слова, надъ которымъ времени не дано никакой власти и изъ котораго не прейдетъ ни единая буква. Такимъ образомъ, къ длинному ряду давно извѣстныхъ привилегій приходится прибавить еще одну, вновь открытую: исключительное право Лифляндіи на непрерывность развитія. Въ границахъ этой счастливой провинціи, и только для нея, исторія продолжается и будетъ продолжаться, тогда какъ для государства, по отношенію его къ Лифляндіи, нить историческаго развитія какъ будто обрывается на 1710 году.

А много съ тѣхъ поръ утекло воды! Когда подъ разбитыми стѣнами Риги, дворянство и горожане вышли на встрѣчу Россіи придвигавшейся къ Балтійскому морю,

у нихъ была одна забота: какъ бы со всѣхъ сторонъ окопаться отъ Русскихъ и остановить ихъ на границѣ Лифляндіи.*) Забота эта объясняется, съ одной стороны, паническимъ страхомъ наведеннымъ на мѣстныхъ жителей грабежами и опустошеніями, безъ которыхъ въ прошломъ вѣкѣ не обходилась ни одна война;**) съ другой: свѣжимъ

---

*) Впрочемъ, и въ позднѣйшую эпоху, цѣль эта не упускалась изъ виду. Извѣстно, на примѣръ, что до послѣдняго времени, мѣстное коренное дворянство пользовалось правомъ принудительнаго перекупа недвижимыхъ имѣній пріобрѣтаемыхъ въ Лифляндіи лицами, хотя бы и дворянскаго происхожденія, но не записанными въ мѣстныя дворянскія матрикулы (св. мѣстн. узак. II ст. 876). Говорятъ, что окончательное утвержденіе этого права и внесеніе его въ сводъ мѣстныхъ узаконеній стоило Остзейскимъ дѣльцамъ великихъ трудовъ и хлопотъ; какого рода соображеніями и какими ссылками удалось имъ оправдать его? — я не знаю; но вотъ въ чемъ можетъ удостовѣриться всякій: подъ статьями свода законовъ 874 — 878, къ этому предмету относящимися, сдѣлана ссылка не на какія либо древнія привилегіи, не на аккордные пункты или жалованныя грамоты, а на Высочайше утвержденный докладъ Главноуправляющаго II Отдѣленіемъ Собственной Е. И. Величества Канцеляріи 1841 Іюня 20, то есть на разрѣшеніе по вопросу законодательному испрошенное экстралегальнымъ порядкомъ, помимо Государственнаго Совѣта. Теперь Г. ф. Боккъ печатно объявляетъ намъ, что право перекупа было изобрѣтено *исключительно противъ Русскихъ*, чтобъ отнять у нихъ возможность водворяться въ Балтійскомъ краѣ (Livl. Beitr. Neue Folge B. II, H. 7. стр. 663). Въ 1841 году, Г. Г. Бунге и Самсонъ объ этомъ конечно не проговаривались.

**) По свойственному ему чувству доброжелательства къ Россіи, Г. Ширренъ тщательно подбираетъ всѣ историческія свидѣтельства о разореніяхъ произведенныхъ нашею арміею (особенно иррегулярною конницею) подъ начальствомъ Шереметева и выставляетъ ихъ какъ черты Русскаго варварства. Разумѣется, онъ не подумалъ навести справки о томъ, что творили Французы въ Прирейнскомъ краѣ подъ начальствомъ Тюрена; но странно, что онъ при этомъ не вспомнилъ свидѣтельства самаго Лифляндскаго дворянскаго Конвента 1700 года, имъ же Г. Ширреномъ обнародованнаго въ сборникѣ дворянскихъ постановленій, и не менѣе любопытнаго для характеристики отношеній Лифляндскаго простонародія къ дворянамъ, которыхъ онъ называетъ оберегателями и заступниками земскихъ правъ вообще. Вотъ что говоритъ конвентъ: „безбожные крестьяне Ненѣмецкаго племени (Латыши и Эсты) во многихъ мѣстахъ поступали гораздо хуже непріятеля (Русскихъ) и въ конецъ ограбили и опустошили многіе дворы (Die Recesse der Livländ. Landtage etc. Schirren, стр. 259). Вотъ она эта единодушная и цѣльная земля — das ganze Land! Какъ только показался непріятель, одна половина земли нажинулась на другую.

воспоминаніемъ о тяжелой и обидной для края административной системѣ Шведскаго правительства, которое, вторгаясь всѣми путями въ Лифляндію, вводя въ нее свои законы, свои учрежденія, своихъ чиновниковъ и помѣщиковъ, въ тоже время, у себя дома, трактовала Лифляндцевъ какъ чужихъ.*) Подъ исключительнымъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній были редактированы аккордные пункты. Ни баронамъ, ни биргерамъ не пришло на мысль заняться будущимъ своимъ положеніемъ въ предѣлахъ всей Имперіи; они даже не коснулись вопроса о свойствѣ и объемѣ гражданскихъ, судебныхъ, торговыхъ и другихъ правъ своихъ въ составѣ Русскаго общества, точно какъ будто бы они намѣревались никогда и не заглядывать въ нашу сторону, а жить своею провинціальною жизнью, кормясь барышами отъ мѣстныхъ своихъ промысловъ и доходами отъ своихъ гаковъ. Петръ I утвердилъ на вѣру поднесенные ему аккордные пункты, исполнилъ все то о чемъ его просили и сдѣлалъ гораздо больше. Онъ не только не усвоилъ себѣ узкихъ воззрѣній и административныхъ традицій прежнихъ правительствъ, а съ перваго же дня принялъ совершенно противоположную систему, которой всѣ преемники его держались неуклонно и держатся до сихъ поръ. Вмѣсто того, чтобы колонизировать Лифляндію Русскими, онъ распахнулъ настежь передъ Лифлянцами двери въ Россію и они хлынули въ нихъ изъ раззоренной своей родины. Приливъ оттуда былъ такъ силенъ, а у насъ пріемъ былъ такъ радушенъ и снисходителенъ, что лѣтъ черезъ тридцать наши новые сограждане успѣли уже породниться

*) Достаточно напомнить, что Лифляндское дворянство долго ходатайствовало о причисленіи его къ составу Шведскаго дворянства и о подчиненіи его одному съ нимъ сословному управленію, но не могло этого выпросить (Die Livländ. Landesprivil. 1841, стр. 61, 74). У насъ, обратное отношеніе: каждый Остзейскій дворянинъ, во всей Имперіи, пользуется всѣми правами мѣстнаго дворянства, а для пріобрѣтенія таковыхъ же правъ въ Лифляндіи, Русскій дворянинъ обязанъ подвергнуться баллотировкѣ.

съ Русскими дворянскими семьями, пріобрѣсти у насъ доходныя имѣнія, обзавестись въ нашихъ городахъ домами, открыть въ нихъ лавки, конторы, фабрики, аптеки, занять профессорскія каѳедры и размѣститься на службѣ въ высшихъ должностяхъ, особенно по гвардейскимъ полкамъ и по дипломатическому корпусу. Намъ теперь часто напоминаютъ (безъ всякой впрочемъ надобности) что въ этомъ заключается великая ихъ заслуга, дающая имъ право на нашу признательность; мы это знаемъ и всегда цѣнили по достоинству приносимую ими пользу; но мы позволяемъ себѣ думать, что командовать Русскими войсками и подавать голосъ за Россію при иностранныхъ дворахъ есть также честь не изъ послѣднихъ, при томъ не хуже Лифляндскихъ вотчинъ обеспечивающая матеріальное существованіе большей части тамошняго многочисленнаго дворянства. Такимъ образомъ, сами Остзейцы очень скоро сошли съ своей изолированной позиціи и сдвинулись съ той юридической почвы, на которой мы съ ними впервые встрѣтились. Это вѣдь тоже историческій фактъ, хотя и не предусмотрѣнный въ минуту подписанія капитуляцій; и если можно отъ насъ требовать, чтобъ мы теперь почтительно обращались съ какою нибудь привилегіею Сигизмунда Августа, потому что въ ней содержится продуктъ многолѣтняго развитія, то какъ бы кажется не понять, что и послѣдній періодъ, прожитой Лифляндцами подъ Русскимъ владычествомъ, въ самомъ близкомъ общеніи съ Русскими, не могъ же пройти безслѣдно не измѣнивъ существенно тѣхъ понятій, съ которыми ихъ предки вошли съ составъ Русской державы, и слѣдовательно не выяснивъ необходимости существеннаго измѣненія и тѣхъ юридическихъ формъ, въ которыхъ тогдашнія понятія нашли себѣ выраженіе. Одинъ этотъ даръ полнѣйшей равноправности съ нами, великодушно имъ предложенный, не въ силу аккордныхъ пунктовъ а сверхъ всего имъ обѣщан-

наго, этотъ даръ, которымъ они не побрезгали, и которымъ они такъ благоразумно пользуются, къ чему нибудь да обязываетъ по закону взаимности — намъ по крайней мѣрѣ такъ кажется.

Къ сожалѣнію, на дѣлѣ видно иное. Просачиваясь во всѣ поры нашего государственнаго и общественнаго организма, проникая до самой сердцевины его, Остзейская стихія не растворяется въ нашей крови, не срастается съ нашею плотью. Давно уже писала Императрица Екатерина II, въ наставленіи своему Генералъ—Прокурору „что присоединенныя страны непристойно называть чужестранными, и обращаться съ ними на таковомъ основаніи есть больше чѣмъ ошибка; сіи провинціи надлежитъ легчайшимъ способомъ привести къ тому, *чтобъ онѣ обрусѣли и перестали бы глядѣть какъ волки къ лѣсу*“. Въ одномъ отношеніи, программа великой Императрицы выполнена, и конечно никто не скажетъ, чтобы преемники ея обращались съ Остзейцами какъ съ чужестранцами. Но чего достигли мы этимъ? Пусть отвѣчаетъ на вопросъ даровитый авторъ брошюры о Лифляндскихъ привилегіяхъ: „въ прежнее время, Лифляндецъ, въ глазахъ заграничныхъ Нѣмцевъ, мало чѣмъ разнился отъ Русскаго, да и самъ мало дорожилъ этою разницею; теперь же, на оборотъ, не только Прусакъ, ближайшій его сосѣдъ, но и болѣе отдаленный отъ него южный Германецъ, привѣтствуетъ его какъ равнокровнаго соплеменника и Лифляндецъ чувствуетъ все значеніе такого привѣтствія“. Стало быть, говоря языкомъ Екатерины II, мы встрѣчаемъ тотъ же волчій взглядъ, но только съ заискивающею оглядкою на Пруссію. Я привожу эти строки именно потому, что онѣ писаны давно, въ 1841 году, прежде чѣмъ такъ называемая національная Русская партія успѣла промолвить первое слово, когда въ Россіи не существовало и подобія политической

прессы, когда никто въ нашемъ обществѣ и не помышлялъ объ отношеніяхъ Остзейскаго края къ Имперіи.

Въ настоящую минуту, выросшій на нашихъ глазахъ Балтійскій вопросъ имѣетъ двѣ стороны: положеніе Русскихъ людей на нашей Балтійской окраинѣ и положеніе Балтійцевъ въ Россіи. Г. Ширренъ взялъ на себя трудъ окончательно разъяснить намъ, что Русскіе въ Лифляндіи не болѣе какъ заѣзжіе *гости*, которымъ позволяется жить въ чужомъ домѣ, но подъ условіемъ не домогаться участія въ мѣстномъ домостроительствѣ. Этимъ опредѣленіемъ исчерпывается вполнѣ одна сторона вопроса; но другая, къ сожалѣнію, осталась незатронутою—она, какъ видно, не входила въ задачу. Я жалѣю объ этомъ потому, что эта богатая тема вѣроятно освѣтилась бы, какъ для насъ такъ и для самаго Г. Ширрена, совершенно новымъ свѣтомъ, еслибъ онъ захотѣлъ примѣнить къ ней свое ученіе о балансированіи равноцѣнныхъ правъ — über die Aequivalenz der Rechte. Можетъ быть она бы даже навела его на открытіе закона однородной пропорціональности между правами граждан и ихъ гражданскимъ *домомъ*, закона, котораго глубокая разумность ни въ чемъ такъ ясно не проявляется какъ въ уродливости явленій обусловливаемыхъ его нарушеніемъ.

Этотъ предметъ, въ практическомъ отношеніи, имѣетъ для насъ такую несомнѣнную важность, особенно въ виду ближайшей будущности, что кстати будетъ по крайней мѣрѣ намекнуть на нѣкоторыя изъ этихъ явленій.

Нѣтъ сомнѣнія, что многіе изъ бывшихъ учениковъ Г. Ширрена пойдутъ по стопамъ своихъ отцевъ и старшихъ братьевъ, то есть предложатъ государству свои услуги, которыя, разумѣется, приняты будутъ радушно — они вѣдь равноправные съ нами члены единой Русской семьи. При извѣстномъ ихъ трудолюбіи и благодаря дружному содѣйствію старшихъ своихъ земляковъ, они быстро дви-

нутся на всѣхъ поприщахъ и скоро подоспѣютъ на смѣну своимъ покровителямъ. Тогда наступитъ для нихъ пора примѣненія къ дѣлу познаній вынесенныхъ ими изъ Дерпта.

Лѣтъ черезъ десять, люди которыхъ научили вѣрить, *что у Россіи нѣтъ ни прошедшаго ни будущаго*,*) займутъ при иностранныхъ дворахъ мѣста уполномоченныхъ отъ Россіи. Они будутъ рѣшать ея судьбу на будущихъ конгрессахъ и примутъ дѣятельное участіе въ продолженіи той самой Русской исторіи, которую преподавалъ имъ Г. Ширренъ и въ которой зоркій взглядъ его не высмотрѣлъ *никакого міроваго призванія*.**) — Спрашиваю: можно ли будетъ ожидать отъ нихъ твердой, національной политики?

Люди, которымъ натолковано, *что Русская порода неспособна властвовать****) призовутся въ случаѣ нужды къ изысканію и приведенію въ дѣйствіе административныхъ мѣръ въ видахъ укрѣпленія ея владычества на той или другой ея окраинѣ — Желательно бы знать: восполнитъ ли въ этомъ случаѣ вѣрно подданническое усердіе исполнителей Высочайшей воли отсутствіе въ нихъ той вѣры въ успѣхъ, безъ которой въ подобнаго рода предпріятіяхъ успѣхъ почти немыслимъ?

Люди, которымъ внушалось въ молодости, что они должны, по примѣру своихъ предковъ, *стоять лицемъ къ западу*,†) примутъ команду надъ нашею арміею и, въ случаѣ войны съ Германіею, поведутъ въ бой матеріальныя силы государства, къ которому они приписаны, противъ *духовной своей отчизны*,††) которая *и теперь, какъ въ былое время, одна, своимъ живымъ дуновеніемъ, издали, поддерживаетъ въ нихъ бодрость и не даетъ угаснуть надеждѣ въ*

---

*) Стр. 105.
**) Стр. 7, 103.
***) Стр. 101, 103, 105, 106.
†) Стр. 193.
††) Стр. 107.

ихъ тоскующихъ сердцахъ.) — Подумаемъ ли мы объ этой трагической борьбѣ сочувствій и вѣрованій съ служебнымъ долгомъ, и разумно ли будетъ съ нашей стороны ожидать, чтобъ командиры раздвоившіеся духомъ нашли въ себѣ силу вдохновлять другихъ?

Люди, затвердившіе со словъ бывшаго своего профессора, что такъ называемое національное направленіе Русскаго общества есть не иное что *какъ выраженіе племенной зависти и грубыхъ инстинктовъ нисшей породы,***) будутъ подавать голосъ по вопросамъ о томъ какую долю свободы можно предоставить Русской мысли въ словѣ и дѣлѣ, а мы прислушиваясь къ ихъ сужденіямъ, будемъ вѣроятно недоумѣвать: отчего эти строгіе поклонники законности у себя, эти краснорѣчивые и мужественные до дерзости поборники всевозможныхъ видовъ свободы въ Лифляндіи, у насъ, на нашей Русской почвѣ, такъ усердно подслуживаются всякому произволу и такъ убѣдительно доказываютъ необходимость всякаго рода антилиберальныхъ реакцій.***)

---

*) Стр. 161.

**) Стр. 105, 106 и др.

***) Для примѣра, я приведу одинъ случай, далеко не изъ самыхъ важныхъ, но по крайней мѣрѣ всѣмъ памятный. Судя по заграничной Остзейской литературѣ и по множеству всякаго рода оффиціяльныхъ ходатайствъ и полуоффиціяльныхъ записокъ, Балтійскія сердца пламянѣютъ самою горячею любовью къ свободѣ совѣсти, если только можно видѣть оказательство любви въ ядовитыхъ упрекахъ, которыми осыпается наша Церковь за нѣкоторыя существующія въ нашихъ законахъ постановленія, дѣйствительно несогласныя съ ея духомъ, болѣе еще чѣмъ съ началами гражданской вѣротерпимости. Такого же рода упрекамъ подвергается и Русское общество за мнимое его равнодушіе къ этому вопросу. Изъ всѣхъ нашихъ современныхъ дѣятелей, только одинъ въ этомъ отношеніи, заслужилъ благоволеніе Остзейскихъ публицистовъ, это — бывшій редакторъ газеты „Москва“ Г. Аксаковъ. Г. ф. Боккъ перевелъ и перепечаталъ въ своемъ изданіи его превосходныя передовыя статьи о свободѣ совѣсти, вѣроятно памятныя многимъ изъ Русскихъ читателей; Г. Ширренъ также съ похвалою отозвался о Г. Аксаковѣ, прибавивъ, что одинокій голосъ его прозвучалъ безотзывно въ затхлой, тупой средѣ Русскаго общества. Какъ же отнеслись къ нему въ живой, просвѣщенной и воспріимчивой средѣ на-

Разгадка однако очень проста. Они сочиняютъ для насъ законы, управляютъ нами, учатъ и судятъ насъ, *не имѣя*, по собственнымъ ихъ словамъ, *ничего съ нами общаго кромѣ принадлежности къ одному государству, и пребывая неутральными по отношенію къ Русской народности**). Это заявляется ими не какъ прискорбный фактъ, а какъ ихъ право, какъ привилегія будто бы имъ гарантированная и которою они дорожатъ. Короче: состоя на службѣ, они держатся *Опричь земли*.

Такое положеніе, какъ бы выгодно оно ни было, все-таки не совсѣмъ нормально и потому не мудрено, что внутреннее сознаніе его натянутости, при сильномъ желаніи удержаться на немъ, заставляетъ прибѣгать къ систематическому заподозриванію земли и къ внушенію репрессивныхъ мѣръ, будто бы вызываемыхъ мнимыми ея посягательствами на достоинство предержащей власти.**) Ядовитое остріе этихъ внушеній, приличія ради, обыкновенно обматывается узорчатою тканью вѣрноподданническихъ заявленій, но оно проглядываетъ вездѣ.

шего высшаго Балтійскаго общества? Случай отозваться сочувственно представился очень скоро. Обвинительный актъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ противъ газеты „Москва“ разсматривался три раза, въ Департаментѣ Сената, въ общемъ собраніи и въ Государственномъ Совѣтѣ. Въ каждой изъ этихъ инстанцій засѣдаетъ, какъ извѣстно, не мало представителей Балтійской интеллигенціи а одинъ изъ нихъ, въ качествѣ Министра Юстиціи, даже обязанъ былъ подать письменное, мотивированное мнѣніе въ видѣ согласительнаго предложенія. Вспомнилъ ли кто нибудь изъ нихъ, что передъ ними стоялъ мужественный и (говорятъ) единственный поборникъ свободы совѣсти? Графъ Паленъ поддержалъ обвиненіе и не нашелъ ни одного соображенія въ пользу смягченія кары. Положимъ — ему такъ было приказано. А прочіе его земляки? Присталъ ли хоть одинъ изъ нихъ къ тѣмъ четыремъ благороднымъ Русскимъ голосамъ, которые спасли въ этомъ случаѣ честь нашего служилаго сословія? Отчего именно въ эту минуту притаились и притихли горячіе въ другихъ случаяхъ защитники свободы совѣсти? Не оттого ли, что они причисляютъ себя къ другому приходу и подразумѣваютъ подъ свободою, свободу Лифляндскую, а подъ совѣстью, совѣсть протестантскую?

*) Стр. 95, 108.

**) См. на пр. стр. 114.

Такъ, еще очень недавно, консерваторъ Ф. Боккъ рекомендуя на все готовое служебное усердіе своихъ земляковъ, ручался за нихъ печатно, что никто такъ охотно какъ они не схватится за фитиль, по первому командному слову, въ тотъ желанный часъ когда правительству вздумается обратить Русскія пушки противъ Русскихъ людей.*)

Либеральный Г. Ширренъ такъ далеко не заходитъ; но и онъ неодобрительно потряхиваетъ головою, замѣчая, что правительство слишкомъ долго *потворствовало прихотямъ господствующей породы*;**) это значитъ (переводя съ Балтійскаго языка на Русскій) — что оно напрасно идетъ рука объ руку съ землею и что пора разорвать этотъ непріятный союзъ, грозящій опричинѣ конечнымъ оставленіемъ ея за штатомъ. Какъ человѣкъ науки, по всѣмъ привычкамъ своимъ предпочитающій кабинетныя

*) Чтобъ не заподозрили меня въ натяжкѣ, я приведу это курьезное мѣсто въ буквальномъ переводѣ: „мы ежедневно возсылаемъ къ Богу слѣдующую мольбу: да ускоритъ Господь наступленіе того дня, въ который благодушный Императоръ Александръ наконецъ ясно пойметъ истинный характеръ грязной шайки такъ безвкусно разыгрывающей передъ нимъ чистокровную комедію (Руссицизма), въ нетерпѣливомъ ожиданіи той минуты когда ей можно будетъ перейти къ такой же чистокровной трагедіи. И когда очамъ благодушнаго Императора, которому мы всѣ такъ охотно служимъ, откроется наконецъ позоръ теперешняго его положенія, тогда да вложитъ ему Господь въ сердце здоровый гнѣвъ и рѣшимость скомандовать своимъ вѣрнымъ Нѣмецкимъ подданнымъ: „забивайте картечь и пускайте ее въ эту грязную сволочь комиковъ и трагиковъ; пусть они всѣ полягутъ на мѣстѣ! Я хочу наконецъ высмотрѣть изъ за этой горсти негодяевъ мой настоящій, добрый всероссійскій (не Русскій) народъ! Я хочу проложить себѣ путь (картечью!) къ сердцамъ всѣхъ народовъ моихъ! Пли!“ Можетъ быть (продолжаетъ авторъ Лифл. вклад.) я еще разъ навлеку на себя этими словами насмѣшливое прозвище de l'enfant terrible de la bande; но хотя бы и такъ! Прежде всего я хочу, чтобъ Императоръ узналъ какъ думаютъ его Балтійцы, что они чувствуютъ, и какъ они, если это потребуется, будутъ стрѣлять.“ (Livl. Beiträge Neue Folge Bd. I, Heft 1, Seite 22). Пора бы вѣрной Остзейской дружинѣ заблаговременно вытвердить и восклицаніе *„гойда! гойда!“* которымъ опричники, послѣ своихъ подвиговъ, имѣли обыкновеніе оглашать Московскія улицы.

**) Стр. 92, 112, 184.

занятія уличной вознѣ и пушечному грому, бывшій Дерптскій профессоръ кажется удовлетворился бы цензурнымъ терроромъ, хоть бы на примѣръ запрещеніемъ нѣсколькихъ ненавистныхъ ему газетъ и осужденіемъ на молчаніе двухъ или трехъ безпокоющихъ его личностей. Таковъ смыслъ заключительныхъ строкъ его брошюры, въ которыхъ онъ, заподозривая своихъ противниковъ въ замыслахъ на верховную власть, проситъ ее отнять у нихъ право свободнаго слова.*)

Какъ скромный членъ Русской земщины, я прощусь съ нимъ иначе: дай Богъ, чтобы безумцы промышляющіе раздраженіемъ власти, образумились въ пору и чтобъ надъ ними когда нибудь не разразился гнѣвъ Русской земли.

---

*) „Неужели мы не имѣемъ права надѣятся, что рано или поздно, въ виду поношеній встрѣчаемыхъ нашею лояльностью, въ виду дерзости, съ которою, во имя Вашей будущей народной земской Думы, попирается и подвергается поруганіямъ наше право (у котораго Императорская честь стоитъ на часахъ), въ виду инстинкта посягающаго въ будущемъ на верховную власть — сердце Царево изрѣчетъ наконецъ: доселѣ, и ни шагу далѣе!“ стр. 194 и 195).

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.

Лейпцигъ, въ типографіи Бера и Германна.